

Владимир Крайнев

**Богатая и уникальная
биография родственников
Татьяны Губернаторовой**

Санкт-Петербург
2021 г.

Крайнев В. В.

Богатая и уникальная биография родственников Татьяны
Губернаторовой / Крайнев В. В., – Санкт-Петербург. –
ООО «ГАЛАНИКА», 2021. – 176 с.

ISBN 978-5-6046542-4-8

© Крайнев В. В., 2021

Богатая и уникальная биография родственников Татьяны Губернаторовой

Вступление и предисловие

В народе говорят: «если и танцевать, то надо только от печки». Ведь тогда никто из вальсирующих пар не столкнется с неумелыми и робкими танцорами, которые попытались сделать свои первые «па».

Но родители Тани были изначально выдающимися людьми. Ее отец Петухов Евгений Никитович родился 26 июля 1928 года в деревне Синяки Меховского, а нынче Городокского района Витебской области.

До начала Великой Отечественной войны Женя успел окончить только пять классов. Война началась внезапно. И уже через несколько дней фашисты оккупировали Городок, который был основан еще в 1777 году при Екатерине Второй Великой.

Евгений со своим отцом с Петуховым Никитой Тимофеевичем и стали родоначальниками семьи Петуховых и патриотами своей страны Беларуси. Женя со своим отцом Никитой Тимофеевичем Петуховым оказались вместе в партизанском отряде.

Никита Петухов родился в 1894 году почти как поэт Сергей Есенин. Сергей родился позже на один годы Никиты Тимофеевича. Никита также был уроженцем деревни Синяки. Кто поставил этой деревне синяков никто уже и не помнит.

В 1936 году Никита Тимофеевич стал директором Мариампольской школы. Но когда началась война с гитлеровцами его призвали в Красную Армию 25 августа Усвятским РВК. Вот так Никита Тимофеевич стал рядовым 95 гвардейского стрелкового полка 31-й Гвардейской стрелковой дивизии. Вот так директор Мариампольской школы стал воевать в Гвардейском стрелковом полку и участвовал в штурме Кенигсберга. Кёнигсберг переводится

как «Королевский замок». Восточная Пруссия славилась еще при Александре Васильевичу Суворове. Но великий полководец пренебрежительно относился к прусской армии и говорил: «Пуля-дура, букли не пудра, коса не тесок, а перед нами обыкновенный прусак!»

Но какой-то прусак 26 января 1945 года убил его. Не удалось Петухову Никите Тимофеевичу дожить до Великой Победы над Германией и поставить свою подпись на Рейхстаге: «Здесь был Никита Петухов».

А его жена Евдокия Васильевна Петухова во время Великой Отечественной войны жила в деревне Ключегорская Меховского района. И хлебнула горюшка во время оккупации. Гитлеровцы собирались уничтожить наш Союз Нерушимый Республики Свободных. Но как говорил Николай Васильевич Гоголь в романе «Тарас Бульба»: «Сила преодолела силу». И миф о «Великой Германии» рухнул и ушел в небытие.

Никиту Тимофеевича Петухова похоронили в деревне Галлау Кенигсбергского округа. У Татьяны до сих пор хранится похоронка на своего дедушку: «Могила № 38, нижний ряд, 4-й с нижней стороны».

Что же касается самой Татьяны Евгеньевны, то могу отметить ее одну уникальную черту характера: нежная и робкая женщина с тонкою, но с сильною душой...»

Глава: Ее босоногое детство

Таня родилась в 1952 году в деревне Пожинки Меховского района, который потом переименовали в Городокский. Хотя и Городокский-то район сначала был Езерищенским. Но, как говорится, что в лоб, что по лбу. Районы могут изменить свой статус, а сами городки, поселки и села остаются стоять на своем месте.

Мама Татьяны, Константинова Лидия Михайловна, работала в больнице врачом. Она отвечала за судьбы ее пациентов, а потому ходила в белоснежном халате, выглаженным утюгом. И на нем не было ни морщинки, ни складочки. Когда Лидия Михайловна входила в палату, то разговоры пациентов тут же прекращались. Зато Лида дотошно расспрашивала больных женщин или мужчин, в зависимости от того куда и в какую палату заходила врач Константинова: «Так, голубчик (или дорогуша) – обращалась врач, – как себя сегодня чувствуете?» И пациенты тут же поочередно докладывали о своих бедах и проблемах. Как говорится: доброе слово и кошке приятно, а ведь ей-то, Лидии Михайловне, любой пациент рассказывал все, как на духу. Как тут не вспомнить пациентам про доброго доктора Айболита:

– Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит! Приходи к нему лечиться и корова, и лисица. Всех излечит, исцелит добрый доктор Айболит!»

А к Лидии Михайловне обращались больные с уверенностью, что их исцелит врач Константинова.

А Таня, чуть повзрослев, тоже с уважением относилась к врачам. И даже узнала, что у Лидии Михайловны есть своя мама, а для нее бабушка – Константинова Дора Ефимовна. Когда Таня услышала имя своей бабушки – Дора, то чуть ли не прыснула от смеха в свой кулачок. Ведь когда Таня познакомилась со своей одноклассницей в первом классе Верой, Верочкой, то она вспомнила, как они играли на улице в прятки. И когда Таня стала водить по выпавшему для нее жребия, уткнувшись лицом в столб изгороди, то она начинала этот счет-расчет: «Доре, доре, помидоре. Во дворе поймали вора. Стали думать и гадать, как же вора наказать.». Но как наказать этого ворюгу Таня и сама не знала, а потому начинала громко произносить вторую считалку: «На зла-

том крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, потной! Кто ты будешь такой?»

Таня и сама не знала почему это в этой считалке среди царственных и королевских имен появились внезапно еще и сапожники, и портные. Но считалка есть считалка и Таня после перечисления королевской прислуги, вдруг начинала громко произносить уже не слова, а цифры: «Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать. А кто не спрятался, то я не виноват».

Хотя Тане надо было сказать в завершении счета «я не виновата», но ведь тогда бы пропала рифма в счете. Но она считала, что из песни слов не выбросишь. И поэтому в своем «запеве» произнесла то, что произнесла.

У Тани был, кроме нее, еще и старший брат Анатолий. Он был старше своей сестры на целых два года. Но две подружки: Таня и Вера, разумеется, никогда не называли Таниного брата – Анатолий! А сочинили для него свою ироническую считалку: «Тоже мне – Анатолий! – произнесла Вера, а Татьяна добавила: «Толик, Толик, ты еще нолик. И хорошо, что еще не алкоголик.»

А Анатолий после этой фразы девочек, топал ногой и громко произносил угрожающую фразу: «Цыц, малявки, жрать не дам!» Но и Таня не сдавалась и говорила старшему брату в ответ: «Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет!» Но Толя, махнув рукой, поворачивался к ним спиной, показывая фунт презрения сестре и ее подруге: «Вас не переспоришь...»

Но вскоре после этого эпатажа отец Татьяны исчез из поля зрения. Нет, нет, уважаемые читатели, Евгений Петухов, отец двоих детей Анатолия и Татьяны не бросил их на произвол судьбы, а просто его призвали в Советскую армию. Ведь любой мужчина должен был отдать свой долг и отслужить три года солдатом. А если служить в армии хорошо, то можно стать там и ефрейтором или даже сержантом. Но Евгений за три года службы в армии шагал бодро по служебной лестнице: сначала он стал ефрейтором, потом младшим сержантом, затем и сержантом. Евгений всегда считал, что в здоровом теле – здоровый дух. Он с удовольствием выходил на зарядку с обнаженным торсом. После зарядки старший сержант Попов командовал: «Отделение, в две шеренги становись! Направо! И делаем пять кругов вокруг стадиона. Все понятно?» Солдатики бодренько отвечали, что они понятливые воины и готовы

выполнять все приказы своего командира. Хотя в курилке после зарядки некоторые однополчане Евгения Петухова ворчали: «Если сволочь сержант до точки довел, не упрямся, как бык и не стой как осел! А выполняй эти любые приказы деловито и беспрекословно.»

Но если Евгений Петухов смог дослужиться до сержанта, значит он выполнял беспрекословно все команды старших по званию его товарищей.

Но отыскал свою семью Евгений Петухов в Езерище, вернувшись из армии в 1956 году. Его мама наняла плотников и весь семейный скарб загрузили brave ребята в кузов грузовой машины, а потом все эти причиндалы разместили Петуховы в новом доме. Новым он был только для семьи Петуховых, а на самом-то деле жилье распределили местные власти. А ведь на то она и власть, что можно многое не знать, а решение принять.

Согласно решению Езерищенского начальства и поселилась семья Петуховых в этом «новом» доме. Переехала туда и семья Веры. Ведь нужно было скоро и в школу идти. Но до школы Тани и Вере было семь верст до небес и то лесом. Но не домом единым живет человек. Семьи Тани и Веры поселись не только в доме. Около домов у них были приусадебные участки и сады да огороды. Таня с Верой были рады. Как говорится: «Не было гроша, да вдруг алтын». Но самое главное для Татьяны было то, что вернулся ее отец из армии. Евгений и Лида стали работать по своему профилю, а Таня уже стала почти самостоятельной. Приходили Танины родители поздновато и занимались, поужинав, своими домашними хлопотами и разговорами об обустройстве дома. А Таня и Вера занимались серьезно своими детскими делами. Они детскими лопатками около дома открыли, а скорее откопали, новое месторождение глины. Таня стала первопроходцем и ахнула: «Вера, смотри глина! Теперь можно мне из этой глины вылепить для кукол миски, ковшичек, часики и ложки.

Соседские девочки пытались тоже слепить из глины такие же украшения, как у Тани и Веры, но или глина у них была не такая вязкая как у Тани, или руки у них были не такие умелые. Их подружки выпрашивали суверены из глины у Веры и Татьяны, а они щедро раздавали им эти глиняные игрушки-сувениры и сожалели: «Эх, если бы были у нас краски, то нашу глиняную посуду все бы

приходили к нам выпрашивать.» А их подруги подбадривали их: «Девочки, да мы так рады, что вы нам дарите эти игрушки. Чего же еще для нас надо?»

После, извозившись руками в глине, подруги шли отмывать руки в протекающей около них речушке. Плавать ни Таня, ни Вера не умели. Но Татьяна сказала: «Верочка, я слышала, что можно научиться плавать в воде, если грести под собой руками и колотить по воде ногами.» Вера согласилась и, улыбнувшись, заявила: «Плавают же дерьмо в прорубе, а мы же с тобой энергичные девочки. Мне мама говорила, жалко, что у нас с тобой нет папы, а то бы он научил быстро и ловко плавать тебя. Но с тобою, Таня, я обязательно научусь плавать!» Таня зашла в речку так, чтобы вода была ей почти по пояс, а потом, сложив ладошки вместе, нырнула в глубину речной воды. Она, как Ихтиандр из кинофильма «Человек-амфибия», заработала руками и ногами и открыла широко глаза под водой. Но видимость была у Тани почти нулевая. Когда Таня вынырнула из воды и направилась плыть к берегу, то поняла, что она плавает как топор. Кроме всего у Татьяны покраснели глаза. Может быть вода была в речке мутноватой или слишком долго плыла под водой Татьяна, но она стала протирать глазки, как будто спросонья и спросила Веру: «С первого раза я поплыла в речке под водой». Но реплика Веры развеяла свое «мастерство» в плавании: «Танечка, я-то наблюдаю за твоим плаванием. Так скажу тебе честно: в воде было скрыто только лицо, зато твоя попа сияла над водой.» Татьяна с грустью произнесла: «Не сразу Москва строилась...» А Вера покачала головой и грустно произнесла: «Куда же нам с тобою, Таня, до Москвы? Она так далеко от нас. Хорошо, что мы переселились в Городок. Он такой красивый и уютный, что я никогда не расстанусь с ним и будем мы жить вместе с моей мамой.»

Татьяна тут же поняла, как трудно Вере жить в своем доме только с мамой. Она ведь и не помнила своего отца совсем. Через два года после замужества Вериней матери, они разошлись. А Вере так не хватало мужской скупой ласки. А ее подруга Таня живет радостно и с папой, и с мамой. Таня как будто почувствовала ностальгию Веры, безотцовщина – дело неприятное и произнесла: «Верочка, выше нос. Ведь не только у тебя нет отца, да у многих наших соседок нет мужей, а потом вдруг у них появляются

и становятся отцами для детишек. Всему свое время.

Но Вера, покачив головой и грустно вздохнув, сказала: «Таня, я почти уже разуверилась, что у меня появится папа. Но моя мама страдает даже больше, чем я. Невезучие мы какие-то.»

И тут Татьяна рассказала своей подруге один эпизод из своей жизни:

– А помнишь, Вера, как мне пришлось с тобой загулять на улице допоздна?

Тут ее подруга ответила:

– Да разве же, Таня, мы когда-то приходили домой рано?

– Вот, вот, – заговорила радостно Таня, – ты то в тот день ушла домой, а я подошла к крыльцу своего дома, дернула за ручку двери, а она не открывается. Пришлось мне постучать кулаком в дверь. Тишина. Я подошла к окну спальни родителей постучала по стеклу.

– А что же тут такого-то? – произнесла Вера, а Таня не прерываясь продолжила свой рассказ:

– Слышу за окном голос моего папы и подбежала к двери на крыльце. Дверь распахнулась и на крыльцо вышел мой отец, а в руках его армейский широкий ремень...

– Досталось тебе, Танечка, от папы? – сочувственно произнесла Вера, а Таня продолжила свой рассказ:

– Хлестанул меня папа ремнем, но скорее всего для порядка и сказал мне: «Будешь приходить поздно, так придется тебе в следующий раз ночевать на улице. Сколько тебе раз говорил: приходи домой вовремя!»

А Вера посочувствовала:

– Давай, Таня, теперь приходить к дому пораньше. Ведь можно поиграть в прятки и считать: раз, два, три, четыре, пять! Кто не спрячется я не виновата. Да и в догонялки можно поиграть. Но у тебя длинные ноги и мне никогда от тебя не ударить.

– Зато в классики – сказала Таня ей – ты хорошо шагаешь, не наступая на черту. Я иду в слепую и говорю «мак» и, если все молчат, значит я на черту не наступила. Но только наступлю на эту черту, то мне сразу же орут: «Дурак!» И начинают шагать по классикам другие ребяташки.

Вера была рада похвале подруги и сказала:

– А я, Таня, как-то чувствую и ориентируюсь в пространстве. Действительно редко на черту наступая. А тебе советую сначала

потренироваться ходить по клеткам с открытыми глазами, а потом и привыкнешь ориентироваться.

Тут Таня сама сказала подруге:

– Вера, да скоро зима наступит. И будем мы с тобою кататься со снежных горок на саночках, а если есть у тебя лыжи, то и скатимся вниз на лыжах. А если у тебя нет ни того, ни другого, то будем кататься зимой поочерёдно на моих салазках.

Так они и открыли вместе зимний сезон. Руки у девочек замёрзали. Да и пальцы нельзя было разогнуть. Но никто из них не огорчился, а вспоминали стихотворение: «Шалун уж отморозил пальчик. Ему и больно, и смешно. А мать грозит ему в окно».

Но как говорил Михаил Булгаков, дорогие мои читатели: «Счастье как здоровье: когда оно на лице, то его и не замечаешь.» Вот так и у подруг Тани и Веры происходило.

А другой знаменитый человек Немирович-Данченко сказал: «Исключительное счастье человека – быть при своем постоянном деле». А Эмиль Золя тоже отличился и воскликнул: «Единственное счастье в нашей жизни – это постоянное стремление вперед.»

А Таня и Вера следовали афоризмам мудрецов, а потому не ходили пятками назад. Зато шагали вперед и вперед...

Но при всей их радости, Татьяна понимала, что Вера бедная из-за отсутствия отца. Да и сама Вера чувствовала себя несколько ущемленной. Но зато Верина мама из последних сил стремилась нарядить свою любимую доченьку по-королевски. Она приобрела швейную машинку, а портнихой она была великолепной. Поэтому Вера ходила в нарядах и просила у мамы сшить и Тани сарафан или красивое платьице. Вот девочки и щеголяли по улице в красивых нарядах.

Но матушка Зима быстро пролетает над Городком, а я еще в детстве написал стихотворение про ее конец:

Март – это первый месяц весны,
Март – это полет весны рожденья,
Ночью мы смотрим хорошие сны,
а морозец нас щиплет небрежно.

Разумеется, что пробное стихотворение у меня получилось неважноецкое. Но на то стихотворение и первое, что его уже никто не обгонит и не перегонит. Оно как яма на дороге. И опытные

водители всегда успевают притормозить перед этим препятствием, чтобы не вылететь вместе с автомобилем из-за препонов в кювет.

А весна-красавица взбудоражила подружек. Они сложили свои зимние одежды в чемоданы и шли в курточках в лес собирать подснежники. Как приятно было девочкам собирать букетики из этих подснежников. И они восторгались стойкостью мамы Веры, которая сказала как-то дочери про свою подругу:

– Ты родилась, как мартовский подснежник, со стойкою, но с нежною душой. И она, как океан безбрежный, придает и силу, и покой. Я ж тебе от всей души желаю много счастья, радости, любви. Пусть тебе там сверху помогают и исполняют желания твои...

И именно стойкость матери Веры помогала им быть жизнерадостными и веселыми. Чего ж жалеть, ведь каждый в мире странник...

Но подснежники быстро отцветают. Но в поле уже благоухают красивые цветы. Это было такое разноцветие красок, что даже все цвета радуги меркли перед цветочным узором. Рядом с этим полем проходила железная дорога и все пассажиры в этом поезде прилипали к окнам вагона, чтобы полюбоваться этим разноцветием. А Вера и Таня стояли на лугу и махали руками пассажирам. Мол, полюбуйтесь полевыми цветами, а мы утопаем здесь на лугу в аромате этих полевых цветов.

Когда от железнодорожной станции Городок поезд помчался дальше, Таня сказала своей подруге:

– Ты только полюбуйся Вера, как наши городокские жители берегут природу. Ведь никто из них не скопил полевые цветы и даже засохшие от жгучего солнца никто не попытался сжечь. Не зря же кто-то сказал: «Красота спасет мир...»

А Вера ответила:

– Умеешь ты, Таня, увидеть красоту во всем. Помнишь, как мы с тобой на речке Оболонке учились плавать, и я впервые в этой речушке увидела плывущего в воде ужа. Как он грациозно извивался, словно в его теле и позвоночника то нет.

Тут уже Татьяна впала в воспоминания:

– Вера, а вспомни-ка ты, как твоя бабушка поручила тебе утопить старого кота?

Подруга тут же сказала:

– Да, я выполнила эту просьбу моей бабушки. Кот уже пло-

хо видел и еле-еле передвигался, но молочко из блюдечка все-таки лакал. А бабушка запихала его в мешок, чтобы он никуда не убежал по дороге к речке. И я пошла на Оболенку.

– И каков же был финал? – спросила Татьяна, а Вера тут же ответила:

– А мешок-то у бабушки был старый и дырявый. И этот котяра около берега речки выбрался из мешка и стал прогуливаться по песку возле речки. И даже фыркнул, что он освободился от мрака в мешке. И мне так стало жалко этого старого кота, что я взяла и посадила его снова в мешок и принесла домой к своей бабушке. И бабушка тоже обрадовалась, когда я принесла кота домой.

– И что же она сказала тебе? – спросила Таня, а Вера тут же ответила:

– Она сама была счастлива и сказала мне: «Пусть уж живет с нами. У меня на сердце сразу же отлегло.

Когда девочки подошли снова к речке Оболенки, то не смогли оторвать глаз от вековой липы. Татьяна хотела обнять ствол этой липы, но не удалось. Длины ее рук не хватило. Вот какой мощный ствол был у этой липы. Но он наклонился к речке и туда можно было забраться по веткам и сидеть на липе под водой. На липе были не только толстые ветки, но и тонкие. И на этих тоненьких веточках росли небольшие и очень мягкие листочки. Таня и Вера залезли на липу и Татьяна оторвала с тоненькой веточки липовый листочек. А он оказался мягким и даже на вкус приятным. И девочки решили пожевать эти мягонькие липовые листочки. Но вскоре в их животах забурило, и они спустились с небес на землю. Но спускаясь на землю Татьяна все-таки зацепилась платьем за сухой сучок и услышала треск. Нет, нет, не сучка липы, а ее нового платья. При этом, после осмотра его, она увидела, что платье ее разорвалось ровнехонько и оказалось два ансамбля нарядов: одна юбочка и одна блузочка. Пришлось Тане сшивать эти два наряда в единое платье снова. Вот тебе и липа, липа – вековая.

Но Таня не унывала, и вместе с Верой они решили сходить на кладбище. Между могил, а их было много забытых и брошенных, хорошо росли щавель и ягоды земляники. А Таня, попробовав и то, и другое, стала с наслаждением есть и кислый щавель, и сладкую ягоду земляники. И как говорится, даже нос и щеки – все

в земляничном соке.

И опять у девочек пострадали платья. Они зацепились подолом за пологие ветки шиповника и у Татьяны вырвался лоскуток материи сзади, а у Верочки платье разорвалось спереди. И именно Вера и предложила зайти к ее маме и попросить аккуратно зашить на их платьях эти прорехи.

А она им ответила:

– Девочки, у меня же есть швейная машинка и я сейчас вам пошью такие же платья из своего материала, а эти лоскуточки и тряпочки от ваших порванных платьев я использую для нарядов ваших куколок. Вы согласны?

И они чуть ли не в такт друг другу ответили:

– Мы не только согласны, а благодарны тебе заранее.

И все-таки не зря я упоминал выше про кинофильм «Человек-амфибия». Это же был мифический роман, в котором были и реальные события, и вымысел. Но больше всего Татьяне и Вере понравились песни из кинофильма. Они, обняв друг дружку за плечи, не пели, а оголтело орали слова из одной такой песни: «Нам бы, нам бы пить вино. Нам бы, нам бы лечь на дно. Дьяволу морскому нальем бочонок рому, ему не устоять... Эй, моряк, ты слишком долго плавал! Я тебя успела позабыть. И уйду теперь уже к другому, и буду уж его любить, любить!»

Для молоденьких девочек и в голову бы не пришло петь такие взрослые и эротические песни. Но их захватил ритм, а не смысл этой песенки. Хотя они понимали, что в родной Беларуси и в небольшом городке Городок нет океана, но зато не зря же называют нашу Беларусь «Синеокая страна». Вот и у Тани были такие же ярко-синие глаза, как у Ихтиандра, что в них отражались и голубые небеса и озера около Городка. А песня... так песня нам же и строить, и жить помогает. И даже такая совсем не детская, в взрослая песенка. Ведь и Таня, и Вера подрастут и тоже встретят свою первую любовь – не песенную, а взаправдашнюю...

Да и про свою огромную липу они часто вспоминали: «Где же ты наша липа, липа вековая». Хотя и в другой песне говорится: «Не думай об мгновеньях свысока».

И воспоминания опять нахлынули на Татьяну, и она вспомнила, когда они с Верой собирали на кладбище землянику и ели ее быстро и радостно, что, поглядев на полуразрушенную церковь, у

нее эта радость тут же прошла. На церкви не было креста, стекла на церковных витражах были вдребезги разбиты, а вместо стекол прибиты листы фанеры. У Тани сразу же испортилось настроение и ей вспомнилось стихотворение Сергея Есенина, его встреча со своим дедушкой: «Ты коммунист? – Нет!, А сестры стали комсомолки... Такая гадость – просто удавис! Вчера иконы выбросили с полки. на церкви коммунист снял крест... Теперь и Богу негде помолиться... И я хожу теперь украдкой в лес. Молюсь осинам. Может пригодится?!»

Тогда Татьяна не понимала, что Бог-то есть... Но ощутила Его только несколько лет спустя. и помогло ей стихотворение одного поэта под названием «Конец света»:

Он уже состоялся давно.
И прошел как-то так... незаметно...
Свет закончился. Стало темно
Спит Галактика наша пустая!

Спит разбрызгав добытый огонь
По планетам по пыльным тропинкам
И уже не почует ладонь
Что за ней – вековая льдинка.

Но глобальная катастрофа не произошла. Хотя климат на нашей земле и изменяется, но все же больше проходят теплые зимы, нежели морозные.

А Татьяна уже просталась со своим босоногим детством. Ведь наступил август, а первого сентября ей исполнилось семь лет, и она станет первоклассницей.

Ее родители уже приготовили Танечке наряд: сшили коричневое платьице и белоснежный фартук. Передник получился великолепным. А на мальчиках были одеты тоже белые рубашки, но зато брюки и пиджачки были темного цвета. О букетах цветов для первоклашек и говорить не приходилось. Эти букеты вручат им ученики десятого класса.

Про август Таня услышала, как раз, очень красивое стихотворение, которое хорошо ей запомнилось:

Не прекрасна ли картина?
Паутина
В легком воздухе витает,
Тает.
Августовский теплый вечер
Вечен,
Но уже подходит осень
Восемь
Восемь месяцев минула...
Скулы
Зелень яблоков не сводит
Сходит
С ярких звезд, слетев с небес
В лес.

– Вот какое оно легкое и воздушное это стихотворение «Август» - думала она.

Но ее стремление идти в школу затмило даже августовские дни.

Она и ее подруга Вера сели за первую парту, чтобы лучше видеть на доске черного цвета буквы, написанные мелом. А сзади сели за парту два мальчика. Одного из них запомнила Таня более хорошо. Он был похож лицом на небесного херувима – такой же светловолосый и с белоснежной кожей лица. Этот ангельский внешний вид мальчика по имени Сережа, Сергей ее пленил. Про такого не скажешь: «Сергей-воробей в озере купался, а девки платьице задрали, а он испугался».

На переменах Сережа и Таня как-то разговорились. Он был крепким, высоким мальчишкой, а потому хулиганистые пацаны побаивались обижать Татьяну. Сергей частенько провожал Таню до дома. Но однажды Татьяна пошла одна без сопровождения своего мушкетера. Он был в тот день дежурным в классе и ему пришлось стирать влажной тряпкой с черной доски белые буквы и слова: «Мама мыла раму. Рама стала чистой».

Сергей навел порядок в классе и помчался догонять Татьяну. А хулиганистые мальчишки уже затормозили Танечку и стали запутывать ее, как запеленоывают какую-то куклу девочки, алюминиевой проволокой, которая свисала обрывками со столба электролинии. Таня отбивалась от мальчишек, а Сергей уже примчался. Хотя хулиганистых мальчишек было больше, но они стру-

силы и мелкой трусцой удрали с «поля боя».

Ведь Сергей уже подал вызов, крикну пацанам:

– Кыш, малявки, жрать не дам! Да и получите быстро по зубам.

Таня радостно вздохнула. Сергей же стал распутывать обрывок алюминиевой проволоки, который свисал с фонарного столба, а она радостно вздохнула, когда Сережа ее освободил от провода, который все еще держал в своих крепких, сильных руках.

А в это время на электростанции поменялась смена. Сменщик пришел с опозданием, а дежуривший на электростанции торопился домой и не стал рассказывать своему сменщику, что на одной электролинии оборван провод. Из-за этого разгильдяйства этих спецов-торопыг и произошла авария. Сергей, распутав от обрывка провода Татьяну, хотел уже отбросить в сторону электропровод, но не успел. На электростанции сменщик включил рубильник.

Таня стояла уже в стороне от столба, но увидела, как заискрился отпутанный провод и, будто молния, пронзила тело мальчика. Татьяна увидела, как падает на землю Сережа, который до падения все-таки успел крикнуть Тане: «Не подходи!». Но было уже поздно. Она увидела, как потемнело лицо мальчика, а на лбу осталась черная метка.

Видимо на электростанции почувствовали эту электрическую вспышку на оборванном проводе, и сменщик отключил оборванную линию и послал туда аварийную бригаду. Но это уже были пустые хлопоты – Сережа погиб. А когда аварийная служба прибыла на место аварии, то увидела мёртвого мальчика и рыдающую девочку Таню...

Эхо войны в семье Татьяны даже переехав из Езерища в Городок отозвалось на старшем брате Анатолия. Толик, а так звали в семье ее старшего брата, гулял по местам, где стояли во время войны фашисты пока не освободили Витебск, и увидел в окопе лежавший на дне снаряд. Он взял его под мышку и притащил к крыльцу своего дома. Их отец вызвал тут же саперов, а они увезли этот снаряд на полигон, где эти боеприпасы ликвидировали. Учесьть этого снаряда и была таковой. А про Толика после его «саперской» работы его друзья мальчишки тут же сочинили песенку: «Толик, Толик ты же не коник и даже не алкоголик, чтобы брать боеприпасы и создавать около дома запасы.»

А в Городке семье Губернеровых государство выделило дом. Но и около этого дома Толя опять занялся раскопками и невдалеке от него отыскал бутылку из-под немецкого шнапса. Фашисты, попьанствовав, швыряли опустошённую тару вверх и стреляли по ней, чтобы разнести ее вдребезги. Но видимо промахнулись, а сходить к опустошенной таре было им лень.

А около дома был небольшой участок – огородик. Татьяне было уже 12 лет и она осенью пошла в Первую школу, где был и молодежный центр. Директором в этой школе был Прохоренко. Татьяну определили в класс, в котором преподавали и на белорусском языке. Она же привыкла в Езерищенской школе учиться на русском языке. А потому Таня проявила характер и, поучившись немного в классе, где преподавали на белорусском языке, пошла к заучу Соснеру попросить перевести ее в класс русскоязычный. А он направил ее в этот класс, хотя он был весь переполнен, а в белорусском классе было учеников маловато. Учительница Екатерина Петровна Словецкая внимательно выслушала Таню и попросила справку и документы из Езерищенской школы. Там она увидела одни пятерки и сказала Татьяне:

– Что поделаешь если училась пять лет в русскоязычной школе, то можете учиться теперь и в моем классе. Я вижу, что ты, Татьяна, не из робкого десятка школьниц, потому возможно я тебе поручу стать старостой класса.

Таня, пожав плечами, произнесла:

– Воля ваше, Екатерина Петровна, я исполнительная и старательная ученица и готова выполнять любые ваши поручения.

Но, когда Татьяна стала старостой класса, то мальчишки из ее класса на перемене, а она вышла на перемене на коридор, стали бросать кусочки мела, которые исписались донельзя, в доску. Мелки отскакивали в сторону и крошились. Поэтому, когда Татьяна зашла в класс, то она набросилась на шалопаев и заставила их быстренько собрать с пола. Но крошки-то остались. Екатерина Петровна была возмущена этим хаосом в ее классе. Ведь не только мелки летели в доску, но досталось от них двери в классе. Поэтому она спросила Татьяну:

– Кто это сделал?!

И Татьяне пришлось впервые соврать учительнице:

– Я не знаю. Из класса я выходила. Но буду разбираться с

хулиганами.

А вот хулиганам-то от нее и досталось на орехи. Они после разговора с Таней перестали ее подводить по монастырь. Ведь тайное всегда становится когда-нибудь явным. Но ей этот конфликт удалось уладить.

Но тогда была у них все же круговая порука. Может быть это была еще детская пора, когда они друг друга не выдавали. Школа то была двухэтажная, а Татьянин класс был на втором этаже, а учительская комната была на первом. Но однажды из-за своей щепетильности пострадала и сама Татьяна. Она принесла в школу игрушечную змейку. По внешнему виду эта змейка так походила на настоящую, что она, когда извивалась, то шипела как настоящая змея.

Озорные ребяташки, Танины одноклассники, поочередно бегали по коридору второго этажа и пугали девочек этой шипучей змейкой. Визг стоял изумительный.

Но хулиганистые пацаны до чего «замучили» змейку, что она распалась на куски. ребята испугались и стали змейку «ремонтировать» и все кусочки соединили в одно целое. А вот шипеть змейка перестала. Внутренний инструмент этой игрушки ребята поломали. Но Татьяна простила их, а они пытались загладить свою вину перед ней, и она сказала им:

– Следующий раз, огольцы, я вас не прощу. А мне змейка так нравилась, так нравилась...

Глава: Поездки Татьяны по городам и весям... или лягушка-путешественница.

Во время летних каникул Татьяна вместе с экскурсионной туристической группой поехала в Брест. Тогда не было еще в Городке, хотя это был уютный и красивый город, экскурсионных автобусов. Но группа Татьяны поехала в знаменитый исторический город Брест на ... полуторке. Кузов автомашины был накрыт брезентовым тентом, а на днище кузова были уложены двумя слоями обыкновенные спальные матрасы. На них можно было сидеть, лежать, разговаривать и петь. Необыкновенный уют и комфорт. словно не матрасы лежали в кузове, а мягкие пуховые перины.

Но Брест – это окраина Беларуси. В Первую мировую войну, когда она шла с германской армией, то Брест стал в 1918 году, когда в России произошла накануне Октябрьская революция, площадкой для мирных переговоров двух сильных держав. И Таня, приехав в Брест, узнала много интересных эпизодов.

Лев Троцкий был на переговорах о перемирии обеих сторон, чтобы уладить конфликт. Но оказалось, что он лавирует между Германией и Россией, подкидывая разные варианты между переговорщиками. И его «стратегия» сводилась морочить головы и Ленину, и немецкому кайзеру под лозунгом: «Ни мира, ни войны».

Но Таня, приехав в Брест, столкнулась и с другой стороной этой крепости – городом Брест. Экскурсоводы рассказывали о трагедии советских воинов, которые в ночь 22 июня 1941 года встретили здесь начало войны. Гарнизон Брестской крепости упорно и самоотверженно защищал ее. И в самом начале Великой Отечественной войны защитники Брестской крепости почти целый месяц держали оборону и фашистам стало мерещиться, что даже руины цитадели стреляют в них.

Узнала Татьяна и о том, что чудом уцелел только один защитник Брестской крепости подросток Петя Клыпа. И эти факты предоставил Сергей Сергеевич Смирнов. Таня была в шоке от этих рассказов. Но история – есть история. И когда ей предложили таким же манером поехать посмотреть город на Неве она с радостью согласилась. Ведь не зря же говорили про этот город: «На болоте

родился и три раза крестился».

А Татьяна перечисляла переименования города на Неве: Санкт-Петербург – это уже название самого Петра Первого Великого. Второе название прозвучало как Петербург. А третье название – Ленинград. Тут на перечислении названий города на Неве можно было бы и закончить. Но подруга Тани вдруг решила показать свою эрудицию и сказала:

– Таня, а ты забыла, что этот город опять получил свое перво-
данное название «Санкт-Петербург».

А Таня ей ответила:

– Любовь кольца, а у кольца начала нет и нет конца...

Приехала экскурсия в Питер все на той же полуторке и на матрасах в пять часов утра. Таня, спрыгнув из кузова на землю, воскликнула с восхищением:

– Девочки, вы только посмотрите на асфальт. Он же голубой, голубой. А я-то думала, что асфальт всегда и везде какого-то серого невзрачного цвета.

И опять кто-то из подруг прагматично сказал:

– Я думаю, что над ночным городом навис туман. Вот тебе, Таня, и показалось, что он голубой. А может быть синее голубое небо, где сегодня нет ни облачка, сыграло нам порадоваться им и рассмотреть голубизну неба. Тем более, Таня, эта голубизна отразилась сейчас и в твоих глазах.

Но больше всего поразил Татьяну Исаакиевский Собор. Так его называли в честь Святого Исаакия, которого почитал Петр Первый.

Татьяна и ее подруги зашли в собор и посмотрели как качается маятник Фуке. Именно его движение и доказывает, что наша планета Земля не стоит на трех китах, на трех слонах и вся эта колоннада держится на огромной черепахе.

Когда девочки и сама Таня подошли к Эрмитажу, то она тут же вспомнила песню про Атлантов и даже продекламировала часть ее: «Когда на сердце тяжесть и холодно в груди, к ступеням Эрмитажа ты за полночь приди. Где без питья и хлеба, забытые в веках, Атланты держат небо на согнутых руках. Держать его, ребята, легко со стороны: напряжены их спины, колени сведены...» Но тут Татьяна перевела дыхание и ее подруги пошли занимать очередь в Эрмитаж.

Там есть что посмотреть. В его залах висят не только картины, а стоят и скульптуры, и другие раритеты.

Но разве можно было Тане и экскурсантам не походить неторопливо по Невскому проспекту?! Они шли парами, чтобы на тротуарах не возникли пробки. И делились своими впечатлениями:

– Кони от Фальпоне, Ашгнии мост...

– А какой-то удерживают за уздечки скульптуры юношей...

Один наездник уцепился за уздечку коня и почти лежит на мосту, чтобы укротить необъезженного жеребца.

– На другом конце моста – удивляется Таня, – уже юноша укротил лошадь... И она подчиняется ему.

Молодой человек, поравнявшись с Таней, решил блеснуть своей эрудицией и сказал ей:

– Хотите я расскажу вам девушка один интересный анекдот про нашего мэра города Романова Григория Васильевича?

– Я слушаю, вас – кивнула головой Таня и он стал говорить:

– Приехали к нам в Питер русские эмигранты из-за границы и спрашивают меня: «Невский проспект все такой же красивый?» Я им отвечаю: «Несомненно!» Тогда эмигрант спрашивает: «А кто мэр Петрограда?» И тут я ему и ответил очень кратко: «Романов».

– И что же он вам ответил? – заинтересовалась Таня, а паренек ей с гордостью ответил:

– Мне русский эмигрант четко и радостно ответил:

– Так значит в нашем городе все по-прежнему!

А Таня только улыбнувшись чуть-чуть повторила фразу питерского парня:

– Да, в вашем городе все по-прежнему. Ведь я же видела и Александра- Невскую Лавру и смотрела как в пять часов утра снова сводят вместе мосты над Невой... Но главное, что встретив все, поняла, что петербуржцы хорошие и вежливые люди.

Парень кивнул ей головой и сказал:

– Если вы еще раз приедете к нам в Питер, то возможно мы снова можем встретиться на Невском проспекте.

А Татьяну домочадцы долго расспрашивали про красоту Питера и тоже как и она, восхищались ее поездкой в Ленинград.

Но каникулы-то не закончились, и Таня с матерью и бабушкой решили съездить в храм на Украину. Договорились сразу:

– Побудем мы на Украине не более двух недель. Ведь и дома у нас дел хватает.

– А где же мы там остановимся? – спросила Таня. – Хотя мы и не миллионеры, но нужно где-то остановиться – есть, пить, жить...

А ее мама ответила:

– Да есть у нас и на Украине родственнички. Живут они в селе под Винницей. Они просты и доброжелательные люди.

А Таня опять задала вопрос матери:

– Мамочка, а я слышала, что украинцев некоторые мои подруги называют хохлами. И даже песенку какую-то лихую про это мне спели: «В нашем батальоне все равны – русские, татары и хохлы... Есть бойцу любого сорта: не боятся даже черта, а есть бойцы упрямы, как хохлы».

А бабушка Тани усмехнулась и сказала ей:

– Танечка, на чужой роток – не накинешь платок. Черты украинцев в этой песенке отмечены однобоко. Наши же украинские родственники радушные и хлебосольные люди. Они и песни красивые и замечательные споют, покормят, напоят и спать уложат.

– Да, что там говорить, – добавила Танина мама, – когда приедешь под Винницу сама убедишься какие они хлебосольные. Да и мы же, Танечка, не с пустыми руками на Украину-то едим. Сами вещи и котомки так набьем продуктами и подарками, да и поедем на поезде. А в Виннице нас и встретят, и отвезут в свое село.

Но как говорится: «Складно было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. На белорусской станции, когда они подъехали с отцом, поезд на Винницу останавливался на пять минут. Но Евгений не мог дожидаться поезда. Это для Тани и бабушки летние каникулы, а он человек занятой. Он привез своих родных на железнодорожную платформу и умчался на работу. И то еле-еле отпросился у своего начальства на часок, чтобы доставить своим домочадцам багаж на станцию. Вот тут-то Татьяна и хлебнула суматошной неприятности по самое горло. Поезд немного запоздал и стоянка на минутку-другую укоротилась. Бабушка взяла с собою кой-какие вещи, которые могла унести в вагон и потащила их в купе плацкартного вагона. Потом Таня стала подавать маме в тамбур вагона другие вещи, но три-четыре котомки все еще лежали на платформе, а поезд дал гудок и тихонечко поплыл по железнодорожной полосе, постукивая колесами в сто-

рону Украины...

Таня заволновалась, засуетилась, но оказалось, что к поезду прицепили еще один вагон. Проводница этого вагона, увидев суету около предпоследнего вагона и растерянную Татьяну, спрыгнула со своей подножки и, подбежав к Тане, схватила два мешка и крикнула:

– Хватай мешки, вокзал поехал.

Вот так и оказалась Таня в прицепном вагоне. Там они спокойно перетащили все вещи поближе к первому тамбуру последнего вагона.

Ася, так звали шустрюю проводницу, сказала Татьяне:

– Не беспокойся, дорогуша, я тебе подскажу, когда будет первая остановка подлиннее и мы перенесём по платформе твои вещи к родственникам. А в нашем вагоне спереди тамбур наглухо запломбирован. А наши разгильдяи прицепили мой вагон шиворот-на выворот.

Таня поблагодарила проводницу и села в тамбуре на один мешок из трех.

Через несколько минут она почувствовала, что мешок ее начинает проседать и ... намочить. Татьяна подскочила и стала ощипывать его своими руками, а в голове пронеслось: «Вот как не повезет, так не повезет. Ведь я же села на мешок, в который моя мама уложила крупные, сочные, вкусные груши. Вот они под моей тяжестью сверху и просели.». Татьяна развязала этот просевший мешок и стала жевать испорченные груши. Затем, изучив другие поклажи, села уверенно на один из них и продолжила есть помятые, но такие сочные и сладкие груши!

Винницкие родственники встретили их на железнодорожном вокзале и на машине повезли в свое село. Татьяна удивилась, что они ехали по равнине, а вокруг поля пшеницы, кукурузы. Ей вспомнилась песня: «Эх, дороги, пыль да туман. Холода, тревоги и густой бурьян. Знать не можешь доли своей... Может крылья сложишь посреди степей? А дорога дальняя мчится, клубиться».

Татьяна оборвала этот песенный отрывок, так как ее родственники подъехали к своему селу, а там нет ни одного деревца. Зато она увидела хаты-мазанки. В одной из них и жили родственники Татьяны. А она с удивлением стала осматривать хату родственников. Они комментировали для нее из чего же и каких мате-

риалов выстроена эта хата:

– На Украине все хаты сделаны из соломы и глины. Снаружи мы их окрасили белой известкой, а кровлю выполнили из соломы. Сделали только из жердей обрешетку на крыше и уложили на нее стопы соломы. Ни один дождь не проникнет в хату. Зато внутри мы натянули на стенах и на потолке ситцевые разноцветные ткани. Видите, какие красивые узоры. Глаз у любого гостя радуется такой красоте.

– А из чего сделан пол? – спросила Таня, а ей тут же ответили:

– Ну не ковры же на пол нам раскладывать. Видишь на глинобитном полу мы растелили тканые половички. И даже мыть полы не надо. Вынесем на улицу половички и вытряхнем их там. Можно повесить их на жердочке, специально сделанной во дворе и выхлопать всю скопившуюся в них пыль арапником.

– Вот это да, тетя Маша! – воскликнула Таня и спросила:

– Тётушка Мария, наверное от половиков поднимаются вверх клубы пыли?

А Мария ей ответила мгновенно:

– Это, Танечка, как часто выбивать половики будем. Но мы половики часто вытряхиваем на улице и дома нет никогда пыли.

Потом тетя Маша повела Таню осмотреть не только приходу, а весь дом. Там были две комнаты – столовая и кухня. И когда Татьяна зашла в кухню, то ахнула:

– Надо же в кухне сделана даже русская печь! Можно зимой на ее горячих кирпичах погреться.

А тетя Маша тут же и прокомментировала:

– Так я же для чего эту русскую печь здесь построила? Да, чтобы свои старые косточки на печечке и отогреть в холода.

Но Таня около печи удивилась, увидев подвешенные две маленькие жердочки, а в них лежат, посасывая два ребенка. Одного из них тетя Маша укрыла одеялом, а второго утеплила обыкновенной фуфайкой. Оба малыша сладко посапывали, а Мария взяли их покачала и тихонечко, нет не спела, а промурлыкала:

– Баю, баюшки, баю, спи сыночек на краю, придет серенький волчок хватит Мишу за бочок...

После колыбельной тетя Маша повела Таню в сад-огород. И

она так удивилась огромному дереву, на котором висели... грецкие орехи. Мария тут же сказала ей:

– Эти орехи такие крепкие, что их разбить можно только молотком. Но они не только крепкие, а очень полезные. Человек поев их становится очень быстро сытым. Но только ты, Танечка, посмотри-ка на расколотый грецкий орех. Ведь это как будто человеческий мозг вскрыт на голове.

Так до вечера тетя Маша и развлекала Таню. А вечером она сказала ей:

– Танечка, ты же чувствуешь, что в доме ночевать тебе будет очень жарко. Лучше полежи на соломе на улице, на свежем воздухе.

Совет Марии Таня выполнила сразу же перед сном. Действительно в хате было жарковато. Зато на улице можно было дышать полной грудью. Особенно хорошо дышалось Тане под деревьями. Но ей пришлось все-таки лечь в постель не под деревьями, а чуть в стороне. Ведь жарко было не только Татьяне, а даже куры из курятника ночью взлетали на ветки орехового дерева.

Вот Таня и подстелила фуфайку на земле подальше от куриного насеста.

Рано утром Таню разбудил петух. Его «ку-ка-ре-ку» стали распевать и другие молодые петушки. Исполняли они по своей иерархии такие мелодичные звуки. А Татьяна вспомнила одну смачную фразу: «Кому же спится в ночь лихую? Шоферу, петуху, статую!»

По утру не только петухи горланили, а даже бекали и овцы. У тети Маши было много овец, а овечья шерсть всегда ценилась хорошо. Ведь из нее можно было связать много теплых и красивых вещей. Да и овцам было радостно. Ведь и они не хотели потеть по такой жаре, как на Украине.

Таня за две недели узнала еще одну тайну богатства Украины. Она всегда славилась своим черноземом. Не зря же украинцы говорили между собой:

– Ткни в нашу землю простую сугловатую палку и через пару лет вырастет из нее хорошее и могучее дерево.

Но у каждой монеты есть две стороны. И эту притчу Таня быстро поняла когда прошел ливневый дождь. Земля так прогрелась в жаркие дни, что от земли пар шел.

Когда Таня попробовала скрыться от дождя в хате, то она

погрузилась по колено в мягкий, черный чернозем. А, ступив и сделав еще один шаг, очутилась в черной грязной жиже. Она пожаловалась тете Маше о своем «открытии», а она с гордостью ответила:

– Да, Танечка, земля у нас здесь такая жирная, что хоть ее вместо масла на хлеб намазывай. Но когда проходит вот такой обильный дождь, то грязь кругом такая непролазная становится.

Потом Таня и ее родственники поехали с тетей Машей за фруктами. И Татьяна сразу и не поняла, когда же на небосклоне появятся эти фрукты. Ведь с одной стороны она видела стоящую стеной с золотыми крылышками-листочками подсолнухи, а с другой стороны она видела початки королевы полей, как назвал ее когда-то Никита Сергеевич Хрущев, кукурузы. Таня и ее родственники подходили к кукурузному полю и бесплатно сорвав початок, вгрызались зубами в мягкую и сладкую кукурузную мякоть.

А тетя маша подзадоривала Таню:

– Иди, бери бесплатно и ешь вдоволь.

А Таня отвечала:

– Нельзя же тетя маша кушать на дармовщинку.

Но Мария отмахивалась от Тани, как от назойливой мухи и приводила аргументы ей:

– Не беспокойся, Танечка, наше государство не обеднеет если ты съешь бесплатно кукурузный початок. Ведь один килограмм кукурузы стоит всего-то пять копеек.

Подъехав на телеге к фруктовому саду уложили на нее яблоки и груши. Брала они и срывали с деревьев только крупные и сочные. А маленькие яблочки и грушки-игрушки оставляли висеть на ветках. Пусть покрупнее станут. Вспомнила Таня, когда они снова проезжали около кукурузы, про Никиту Сергеевича Хрущева. Он хотел посадить, и сажали, кукурузку даже в северных районах. Некоторые остряки говорили, что Никита готов сажать кукурузу даже на Шпицберге. А этот остров проходил около Полярного круга. Но были у Хрущева и свои лозунги: «Кукуруза – это сало, это масло, молоко». И про него в народе стали анекдоты ходить. Вот один из них: «Стоят два друга-товарища и смотрят на небо. Один из них увидел, как двухплоскостной самолет пролетел над засеянным полем и распыляет на него ядовитые химикаты, чтобы не заводились на растениях кукурузы зловредные паразиты. И го-

ворит другу: «Вон, Ванька, посмотри, как над полем кукурузник летит...» А его дружок говорит: «Нет, Петруха, Хрущев на таком самолете не летает. Он предпочитает летать в Америку на комфортабельном самолете Ил-62».

А на одном из партсъездов он заявил, что вскоре наша страна будет жить при коммунизме. Однако, его голубые мечты не сбылись. А на самом деле Советский Союз рухнул и развалился на куски советских республик. Чтобы каждый суслик был на своем куске земли агрономом.

Но вернемся к судьбе Татьяны. Она уже училась в старших классах. А старшеклассники, некоторые из них, оказывали ей симпатии. И жилось им, по воспоминаниям Татьяны, весело. Вечером в Городке они проводили творческие тематические вечера, пели песни, читали стихи, танцевали.

Музыкантов у старшеклассников не было, и они заводили граммофон и под пластинку слушали и танцевали. Обычно говорят: «Дамы приглашают кавалеров.» Но многие ее одноклассники просили поставить пластинку, где поет популярный поэт и певец Ободзинский: «Падает ли снег, падает ли дождь я в подъезде возле дома твоего стою...» Его голос завораживал одноклассников Татьяны и они подпевали под пластинку любые хорошие песни. И, разумеется, вальсировали в вихре танца. Да так, что голова шла кругом. На Таню многие парни положили глаз, но она относилась к их ухаживаниям равнодушно. Зато ее привлек очень красивый одноклассник, которого все его друзья называли Ося, в том числе и сама Татьяна. Но один изъян был у Оси – у него был невысокий рост. Таня просила свою подругу:

– Тася, посмотри-ка ты на меня издали, когда я подойду к Оси и скажи – он выше меня или ниже. Мне кажется, что ростом он пониже меня.

Тане Ося понравился. Они до восьмого класса сидела за одной партой и разговаривали на переменах по-свойски, доброжелательно.

Но Таня на следующий год пересела за парту к своей подруге, чтобы можно было с нею посекретничать. Они делились секретами, и Таня узнала, что Ося-то совсем не Ося, а его настоящее имя Володя, Владимир. А Ося, как истинный патриот, повесил у себя портрет над кроватью вождя пролетариата Владимира Ильича

Ленина. Отец Оси и назвал своего сына Владимиром потому что был благодарен тому, что Ленина не разделял людей по национальности, а считал, что мир должен быть интернациональным.

Об этом Таня хорошо помнила и даже часто с подругами пела Интернационал: «Это и есть наш последний и решительный бой! С Интернационалом восстанет род людской. Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем – тот станем всем».

Правда, Таня, слышала и другую интерпретацию этой фразы «Интернационала». Ребята-острословы изгалялись над куском фразы Интернационала: «До основанья, а затем...» и произносили с пафосом: «до основанья... а зачем?»

А Татьяна как будто душой почувствовала, что хоть и интересный парень Ося-Владимир, но это не ее судьба. И она как в воду глядела.

Но никто не знал почему произошла трагедия с Осей. Ему позвонили в дверь, а он с открытой душой ее отворил. Бандиты ворвались в квартиру и убили его острым ножом попав прямо в сердце. Ося, наверное, даже и боли-то не почувствовал. А его убийца был мастером своего дела.

Детство Татьяны заканчивалось, но как трудно было ей расставаться с ним. Поэтому Таня взяла два листа чистой бумаги, авторучку и каллиграфическим почерком стала писать стихи. А что поделаешь, если человек талантлив, то он талантлив во всем. И ее рука потянулась к перу, а перо уже к бумаге. И вот что написала на бумаге Татьяна:

Первое, что помню о себе:
Это было рано – по весне
Растаял снег, завалы
А я из глины чашечки лепила.

Игрушку помню первую свою
Она украсила не только жизнь мою.
Мой милый двор, крылатые качели
Мне сам Господь устроил карусели.

Я вспоминаю речку летом и зимой,
Как не хотелось мне идти домой

Могла погибнуть, только Бог
Не дал мне умереть – помог!

Я помню речку летом и зимой
Как не хотелось мне идти домой.
А на лугу цвели весной цветы
Такой невообразимой красоты.

Весной пила березовый я сок
И ощущала жизненный поток.
А озеро, огромное, как море
Нас ограждало от любого горя!

Ходила в школу, хоть была малец,
А вечером ходил туда отец.
Забыла повязал мне галстук кто,
Но шла домой в распахнутом пальто.

В кино ходила я не просто так,
Платила за билетик я пятак.
И как в войну с мальчишками играла:
Из ржавых труб куда-то мы стреляли.

Потом в траншеях настоящих мы сидели
На самолеты с танками смотрели
Да собирали марки и бумажки от конфет
У внучки-то моей такого нет...

Я помню, как качались на качелях,
На великах катались, трактора.
Висели на заборах и деревьях
Короче, были долго при делах.

Всегда, везде мы были вместе
С моей подругой дорогой.
Прошли года, но мы как прежде
Идем дорогою одной.

И все мои любимые, родные –
Какими же мы были молодыми!
Но прошлого, увы, нам не вернуть.
Воспоминанья мне сживают болью грудь!

Татьяна посидела молча. Ведь оказывается вся жизнь, которая казалась ей такой длинной и разнообразной, вдруг уместилась на двух страничках, листах. И она взяла опять авторучку и поставила дату: «Февраль, 2010 год».

Затем она еще раз пробежала глазами по строчкам и подумала: «Все-таки детские впечатления никогда не забываются». А через четыре года Татьяна снова решила повспоминать о своем детстве и написала еще одно красивое стихотворение:

Я вспоминаю детство лето:
Вокруг все солнышком согрето.
Не жарко было, но тепло
На небе же всегда светло.

А если же придет гроза
Прогромяхают небеса.
И выльют дождь, как из ведра
И радуют нас удивят.
Да воздухом с озоном напойт.

Мы ж босиком бежим по лужам
Но никто из нас не был простужен.
Бороздим днями мы реку,
Подставляя тело ветерку.

А вечерами мы резвились, играли всей гурьбой
И не хотелось нам идти домой
И никаких забот тогда не знали.

Луг от кузнечиков звенел
Цветами разными пестрел
Мы ж навзничь падали в траву
Смотрели долго в синеву.

За день тот летний и счастливый
Готова я отдать сейчас
Весь месяц жизни суетливый,
Но не зависит то от нас.

Но после гибели Сережи, Татьяна стала верить в Бога. Для нее вера в Бога помогла ей заботиться с тех пор о сиротах и больных людях. А второй толчок души она испытала же, прочитав

в тоненькой книжечке стихи, тоже глубоко верующей в Бога поэтессы Веры Чесовских. Вот так и шагали две веры с Таней в ногу.

Книга у Веры Чесовских называлась точно я не смогу произнести, но мне врезалось вот какое название сборника стихов: «Капелька растопленного воска, по щеке скатилась как слеза!» А когда Татьяна прочитала первое попавшееся стихотворение в этой книге, то и у нее брызнули слезы от такого названия: «Раковый больной». Этот больной не знает, когда сможет перебороть этот недуг, но ведь надежда умирает последней.

А потому Таня вздохнула прочитала это стихотворение:

Ты снова звонишь, голосок еще слабый
«Прошу я, прошу, как сестру»
...конечно приду. Поверну с боку на бок
И мазями спину протру.

Прочитав эту фразу у Тани мелькнула мысль: «Протирать женщине спину мазями конечно же надо. Ведь если лежать неподвижно в постели будут такие пролежни, что потом уже не избавишься от них никаким массажем».

И Таня стала читать стихи дальше:

Пришла и рассольник тебе разогрела
Любимой невестушки труд.
Мечтаешь, чтоб приняли в дом престарелых,
Но там ведь таких не берут.

У Татьяны опять пронесся вихрь сострадания: «Вот тебе и забота о наших близких. Для таких беспомощных больных и созданы дома престарелых. Но берут туда того, у кого есть финансы. А в этом стихе Веры у пожилой женщины финансы-то поют романсы».

Но прочитав третью строфу, тоня немного приободрилась:

А ты ободрись, не горюй, дорогая
Родятся иные мечты.
Полны говорят все обители рая
Таковыми же точно, как ты.

– Да, – подумала Таня, – на самом деле в раю находятся только хорошие, добрые люди, а в ад Бог посылает негодяев и грешников. Я даже видела на рисунке, как их черти посадили в кипящий котел с горячей смолой и не дают грешникам выбраться

из кипящей смолы. Мол, вы мучали людей, теперь испытайте эту боль и горе на своей собственной шкуре.

Но и следующие стихотворные фразы Веры не менее трогательные и волнующие. А у Тани пробегает дрожь по телу читая эту новую строфу:

Ты снова звонишь и приди просишь снова
Ведь дочка на севере аж...
Конечно приду. Я и ночью готова
Взбираться на пятый этаж.

– Вот какая подвижница Вера, – подумала Татьяна, – она сердцем чувствует, что доброе слово и кошке приятно, а тут просит прийти и поговорить с ней пожилая и очень больная женщина. А Вера в ночь-полночь готова бежать к престарелой больной хоть на пятый этаж.

И прочитав последнюю строфу Таня показывает бескорыстность Веры:

Не вздумай воздать, заплатить и прославить...
Быть может в какой-то беде
Твой ангел-хранитель меня не оставит
Зато, что служу я тебе.

У Тани на глазах навернулись слезы, когда она прочитала две последних строчки. Вот где смыкаются две ипостаси: небесная и земная. Но она снова окунулась в раздумье:

– Вот на чем стоит наш мир: «Твой ангел-хранитель меня не оставит, зато, что служу я тебе!». И не какие раки-забияки не сломают наш твердый, хотя иногда и ранимый, характер.

В следующем стихотворении, которое было рядом со стихом «Раковый больной», у Веры Чесовских было всего-то две строфы. Но Таня, прочитав его одним махом, поняла, что можно вместить в этих строках гонение верующих христиан во время безбожия в нашей стране после Великой Октябрьской революции. Это отразил четко поэт Сергей Есенин. Она, прочитав его сборник стихов «Разговор с дедом», поняла, что веру в Бога искоренить невозможно. Таня читала есенинские строки и думала:

– Какой же талантливый поэт Сергей Есенин. Он в нескольких строчках показал трагедию безбожия.

И открыв сборник стихов поэта стала читать:

– Ты коммунист? Нет. А сестры стали комсомолки!
Такая гадость, просто удавись:
Вчера иконы выбросили с полки.
На церкви коммунист снял крест,
Теперь и Богу когда помолиться...
И я теперь хожу украдкой в лес
Молюсь осинам – может пригодится?

И Таня стала читать стихотворение Веры о вере в Бога. И это упоительное божественное стихотворение неисчерпаемое в своей сути. Строчки Веры подействовали на Таню как органная музыка, которая льется так, что душа радостно поет. И вот первая строфа:

Я свободой дышу, как прохладой рассвет
И «сохранное» вновь надеваю кольцо
Чтоб, когда я иду, не смотрели мне в след.
Чтобы, когда молюсь, не смотрели в лицо.

Татьяна восхищенно стала жонглировать образцами и эпитетами этих строчек:

– Да, если дышать, так надо делать это свободно и гордо. А когда на востоке рассветает, то понятно, что утренняя прохлада растает быстро после блеска солнечных лучей. Женщина же в этом стихотворении одинока. Но чтобы никто ей не показывал пальцами на безбрачье, то она на палец одевает свое «сохранное» кольцо. И лишь для того, чтобы не глазели зеваки ей в след и в лицо, когда она молится Богу.

Но когда Татьяна прочитала вторую строфу, то она и поняла, что глубоко верующие люди в Бога могут пойти даже на плаху за веру, как сам Господь Бог. И стала вслух читать повторно вторую строфу этого стихотворения:

Гладко-сладко – такой вот духовный комфорт
Если глубже, он мне так надоел.
Я ведь знаю о тех, кто из многих свобод
Выбрал крест и тюрьму,
Выбрал крест и расстрел.

Татьяна даже растерялась от неожиданной концовки этой строфы: «Выбор у священников был небольшой: или тюрьма, или расстрел. Хрен редьки не слаще. Но Вера последнюю строчку

разбила на две строчки: или – или. Толи тюрьма, толи расстрел. Медленная смерть или же мгновенная. Но первые два слова в этих строчках звучат одинаково: «Выбрал крест и снова выбрал крест». Как и сам Иисус Христос.

Когда я слушал как читала это стихотворение Татьяна с надрывом в голосе, то вспомнил стихотворение свое в книге «Сокровище негибнущее». Ведь эпиграфом этой книги я поставил стихотворение тоже о четком выборе Иисуса Христа.

А потому предлагаю вам, уважаемые читатели, прочесть этот стих:

Лихою походкой кавалериста
Шел Понтий Пилат по аллее тенистой
Был в белом плаще он с кровавым разбоем
Ту кровь на плаще никогда не отмоет.
Шагал прокуратор, признаться не смея
«На плаху, без страха идут за идею!»
Я, римский наместник, вершина у власти
Над жизнью его оказался не властен
Казнили, но имя его не забыто.
Хоть был страшнее любого бандита.
Закон-то суров, но ведь это закон!
Какую же истину знал только он?
И к небу с мольбой обратился Пилат:
«Решению судей и сам уж не рад.
Ответь мне Спаситель в чем был я не прав?
Воскресе я смерть смертью своею поправь!

Вот так и Татьяна верит искренне Богу.

Глава: Как я рада, как я рада, что теперь из Ленинграда.

В семнадцать лет, а это было уже совершеннолетняя девушка, Татьяна решила поехать из Городка в Ленинград, чтобы поступить в педагогическое училище. Ей предлагали поступить в ЛИСТ – Ленинградский строительный институт имени Энгельса. Но она мечтала стать педагогом.

Но все-таки от судьбы не уйдешь. Татьяна провалилась на экзаменах в педагогическом, ей не хватило всего-то одного балла. Педагогом она не стала, но ей предоставили общежитие в ЛИСТЕ и работу в педагогическом машинисткой. Вот она и стала печатать на пишущей машинке и могла уже печатать документы вслепую, не делая ни одной ошибки.

А ведь совсем недавно Татьяна боялась поступать в ЛИСТ, так как боялась там не справиться с физикой и биологией. Для нее казались эти науки очень трудными, а педагогика — это же работа с детьми. Но увы и ах!

Пришлось Тане поработать и машинисткой. Товароведом ей быть не хотелось. Она даже песню вспомнила: «Купите бублики, гоните рублики, гоните рублики скорей, скорей... Меня несчастную, торговку честную, ты пожалей...»

А про педагогов Таня тоже вспомнила. В Древнем Египте отпрыски какого-нибудь олигарха ходили учиться в школу, но книги в те времена были очень тяжелыми, что нести изнеженному школьнику не хотелось. И он поручал эту тяжелую работу тащить на горбу весомые книги насильнику, которого и называли педагогом. Вот такая история с географией была. Татьяне хотелось творческой работы, с живыми людьми, школярами. Вот так и стала Таня работать и пересматривать детские фотографии. Вот она годовалая сидит на коленках своей матери в колготках и ситцевом платье в белой косынке на голове. Мама сидит на стуле крепко обняв двумя руками свою дочурку, а Танечка внимательно всматривается в объектив фотоаппарата.

Танечке сказали: «Ты смотри на фотоаппарат – оттуда вылетит птичка». И она очень хотела, чтобы эта птичка вылетела, но ... не дождалась. Зато ее брат Толя стоит рядом около стула и правой

рукой держится за его спинку. Его волосы светлые, выгорели на летнем солнышке. Мама нарядила его: белая рубаша с короткими рукавами, а воротничок застегнут на одну верхнюю пуговичку. Чтобы шорты не сползли с пояса мамочка ему пришила ляпочки, а на ступнях Толика сандалии. Толя знает, что из объектива птичка не вылетает, а потому смотрит в объектив нахмутив брови. Второй кадр, который сделал фотограф запечатлен вот как: Толя снял носочки и сандалии и сидит на стуле босой. Лево́й рукой поддерживает Таню, чтобы его сестренка не упала со стула. Но и Танечка сидит босоногая и без панамки на голове. Зато нет и колготок. Видимо Тане стало жарковато.

А через год родители поехали в Смоленск и сфотографировали на добрую память только Татьяну. Девочку поставили на стул, где она сама крепко держится за спинку стула и внимательно и пристально смотрит в объектив. Она теперь понимает, что птичка никогда не вылетит из фотоаппарата.

Да и мама нарядила свою дочь роскошно. На ее голове она повязала красивый бантик, одела Танечку в роскошное с цветами платье, а на ногах девочки обуты модные сапожки.

Но когда мама с детьми приехала назад, то на фотографии Таня и Толя стоят под раскинутыми ветками яблони, а Толику родители купили двухместный детский велосипед. Толя держит драгоценный велик за руль правой рукой, а левой придерживает велосипед за сиденье.

В 1959 году под самый Новый год Таню и Толю сфотографировали под елочкой. Анатолий натянул на себя черный балахон. А на свое лицо он одел маску клоуна: брови вразлет, нос пятчком, рот раскрыт и видны белоснежные зубы.

Зато у Тани опять на голове бантик, красивое с узорами платье. На ногах, чтобы Танечка не простудилась, ей отец и мама обули такие огромные валенки с галошами, что она даже ноги поднять не могла над полом, а двигалась в валенках под елкой, как на лыжах.

Родителям Тани было безразлично, как она выглядит на фотографии, лишь бы доченька не простудилась. А спеть вместе с родителями песенку брат и сестра уже могли исполнить дуэтом: «В лесу родилась елочка, в лесу она росла. Зимой и летом зеленою была. Теперь она нарядна на...»

В 1963 году родители Тани и Толи в санатории «Друскининкай». На фотографии можно увидеть, как они повзрослели. И брат, и сестра с гордостью сидели на скамеечке рядышком, а на их белоснежных блузке и рубашке сияли красные галстуки.

А Таня вспоминала, как ее принимали в пионеры. Вожатая Танечки сказала:

– Как повяжешь галстук – береги его. Ведь он с красным знаменем цвета одного.

А потом добавила:

– Пионер – всем ребятам в пример!

Зато Татьяне в Езерище сфотографировалась рядом со своим отцом и мамой, которые сидели на стульях, а Танюша стояла между родителями. Отец сидел слева на стуле, а ее мама – справа.

Взглянув на фотографию, Таня отметила вслух:

– Папа, какое у тебя красивое и мужественное лицо. Волнистая и густая шевелюра, да и одет ты интеллигентно: в темном костюме и белоснежной рубашке с галстуком.

Потом Таня обратилась к маме:

– Мамочка, твою красоту подчеркивает кружевной воротник на бордовом платье. И я, мама, впервые увидела себя со стороны на фотографии и удивилась – как мы с тобой похожи. Лицо в лицо. Вот, что значит наша родственная связь поколений.

Но в детстве Таню коротко подстригали. Маме было трудно расчесывать дочери ее густые волосы. Вот она и стригла волосы очень коротко. Но когда через год Таня сфотографировалась вместе со своей подружкой Валею, то мама посмотрела на свою дочь и ахнула: «Танечка, до чего же ты кудрявая, пригожая, а коса-то у тебя не за спиной, а на левом плече струится волнами. И эти волны льются тебе до пояса.»

А Валя даже пропела куплет для Татьяны:

– Проснись, вставай кудрявая на звоне дня, страна встает со славою, как алая заря.

Таня же тут же вспомнила слова из песни Эдиты Пьехи:

– Если вы про себя позабыли, загляните в семейный альбом...

Но приехав в Ленинград, она не могла оторвать глаз от красоты города. Ее одноклассники решил пофотографироваться.

На всех фотографиях ее одноклассники-мальчишки сидят на корточках, а Таня и ее девчонки стоят гордо во втором ряду. А за

их спиной старинные Петербургские здания и монументы. Первая фотография около двухэтажного старинного дворца. Но один из одноклассников сказал им:

– Таня уже до нашей гурьбы пошла около Летнего сада, где стоял фонарный столб, на котором свечами были укреплены четыре фонаря. Выстроили нас также в два ряда: сзади девчонке, а спереди в присядку стоят наши ребята.

Экая невидаль – пожав плечами сказала Валя. – Вы лучше посмотрите на наши фотографии, которые он сфоткал.

А Таня стала раздавать фотки, приговаривая:

– Помните, как Пушкин в поэме «Евгений Онегин» написал про детство Онегина, как его слуга: «Он в Летний сад его водил, слегла для дерзости бранил». А теперь мы что же видим на фотографии? Справа над деревьями возвышается купол Исаакиевского Собора, а слева на глыбе из камня розоватого цвета Петр Первый сидит на коне, которого он вздыбил. Но первый император России не коня вздыбил, а нашу страну.

Потом одноклассники Татьяны полюбовались струйками фонтана, а потом сходили сфотографироваться на фоне Зимнего дворца и церкви, в которой учились девушки из благородных девиц. В ней они не только молились, а и учились вести светские разговоры на различные темы.

Зато Татьяна сообщила около Зимнего дворца своим одноклассникам интересный факт:

– Вот здесь, в Зимнем дворце, и работал после Октябрьской революции Владимир Ильич Ленина. А фотография Ильича у меня хранится в фотоальбоме.

А Валя тоже похвасталась:

– У меня дома тоже хранится фотография Владимира Ильича. Но Ленин – это его псевдоним, а в детстве его называли Ульянов-гимназист. А значит он был хорошо образованным человеком.

Тут в разговор вступилась Таня.

– Его брата Александра казнили за то, что он покушался на царя. Володю Ульянова, когда он стал Владимиром Лениным с его женой Надеждой Константиновной Крупской направила в Сибирь в село Шушенское.

А Валя сказала своей подруге Тане:

– Ты, Танечка, не ученица, а ходячая энциклопедия. Вот как

на тебя воздействует Ленинград. Но я чувствую, что он, Ленинград, всегда воздействует не только на своих ленинградцев, но и на нас, приезжих учащихся.

Но любила Татьяна ходить не только с одноклассниками, а и одна по музеям. Притом не галопом по Европам. А Русский музей она посещала неоднократно...

Когда Таня посетила Русский музей впервые, то увидела картину в нем три метра в высоту и метров пять в длину.

– Да у меня комната в общежитии в два раза меньше, чем эта картинища! Наверное, живописей рисовал это полотно не один год.

Когда Таня подошла к картине, то посмотрела на нее разочарованно:

– Мазня какая-то, а не картина. Будто неумелая модница на себя грубо намазала макияж.

Она отошла от картины и через несколько метров остановилась и оглянулась на художественное полотно огромных размеров и... она увидела как колышется голубым огнем море, а девятый вал вознес маленькое суденышко на такую высоту, что его матросы схватились от отчаяния за головы.

Тане самой стало страшно:

– Со стихией еще никто не мог справиться – подумала она. – Тут можно уповать только на Бога.

Восхищённая она пришла и в Мариинский театр, где исполняли танец маленьких лебедей стройные и изящные балерины в белых пачках, и не на всей ступне ноги, а на пальчиках своих ножек.

– Разве можно так танцевать на пальчиках ног? – думала Таня. – Я бы так никогда не смогла исполнить танец маленьких лебедей. А они такие стройные как будто ногами и пола-то не касаются, а прячут над сценой, как настоящие белые лебеди.

Но когда Таня узнала, что приехали в Ленинград англичане, то тоже захотела посмотреть балет еще раз, но уже в другом исполнении.

Но, как говорится: «Своя рубашка ближе к телу». Она посмотрела балет и англичанок. Но британский вариант балета «Лебединое озеро» ей понравился меньше, чем в русском исполнении.

Но тут Татьяна узнала, что в Эрмитаж привезли Саркофаг Тутанхамона, который покоился триста лет до новой эры. Дождав-

шись выходного дня, она отправилась посмотреть и эту реликвию.

– Вот сколько лет назад жил Тутанхамон – думала она, – а имя его живет и будет жить может быть еще не одну эру.

Но ответа она и не ожидала. Мудрыми людьми были люди во всех веках и эрах.

– Не зря же, – думала Таня, – что рассказывали в древние времена «гомосапенс», т.е. человек разумный.

Татьяна, когда почувствовали, что довольного много побывала на концертах и выставках, решила побывать и в Петергофе. На берегу Балтийского моря Петр Первый построил небольшой домик для своего отдыха, чтобы хоть на денек туда отправиться отдохнуть от государевых дел.

А с вершины горы лился каскад воды по мраморным ступеням. Внизу стоял памятник где великан Самсон разрывает пасть льву. Вот такую уникальную скульптуру увидела Татьяна в Петергофе.

Зато домик Петра Первого был скромненький и маленький. И в его спальней комнате Таня увидела каким непрехотливым человеком был первый император. Спальня его малюсенькая, при его росте два метра три сантиметра, кровать Петра показалась Татьяне детской люлькой.

Но экскурсовод объяснила туристам, в том числе и Татьяне, что спал Петр Первый не лежа, а полусидя на перине, а три или четыре подушки лежали около стены. И Петр мог смотреть со своего лежбища на спускающиеся в море парусные корабли и яхты.

В парке были красивые деревья и фонтан около домика Петра. В нем, разбрызгивая капельки воды, били вверх струйки воды. И зазевавшемуся туристу этот фонтанчик преподносил сюрприз.

Если кто-нибудь наступал на незаметный камушек около фонтана, то он превращался из фонтана в водопад. И туристов этот фонтанчик обливал зрителей с ног до головы.

Досталось «искупаться» и Тане. Но ее легонькое ситцевое платьице быстро высушивала теплая погода. А этот фонтан обслуживал еще один наклонный склон водопада. Этот склон был облицован черной и белой плиткой, как шахматная доска. Тут сюрпризов не было.

Но в теплый летний день дышать влажным воздухом второго каскада было легко и радостно. Гости вытирали постоянно носовым платком пот с лица. И Таня радовалась, что она не в парной, а на улице.

Но ее подруга Валя немного задержалась и приехала в Петергоф чуть попозже Татьяны. Валентина быстренько разыскала Таню и сразу же вручила подруге свой стаканчик мороженого.

Ах, как обрадовалась Танечка:

– Валечка, какая ты молодчина. А у меня уже горло пересохло от жары, а ты мороженое и для меня купила. Благодарю тебя.

Но почему-то у них стаканчики мороженого исчезли или испарились быстро-быстро. И хорошо, что у продавщицы мороженого был довольно большой запас этого лакомства.

Только подружки отходили со стаканчиками мороженого в сторону и перекидывались словечками о таком лакомстве, как тут же направлялись опять к продавщице мороженого.

И когда в очередной раз они подошли к продавщице, то она им сказала:

– Милые девушки, я объявляю вам благодарность. Ведь вы съели 900 граммов мороженого. Может быть вы осилите и килограмм?

Валя и Таня засмеялись и сказали продавщице:

– Это мы тут мороженым прохлаждались, потому что хотели посмотреть наверху в парке Тирлянский дворец. А во дворец нас с мороженым не пустят. Спасибо вам за угощение, но нам уходить пора, чтобы осматривать дворец Екатерины Второй.

А тут уже и продавщица мороженого решила щегольнуть своей эрудицией и сказала им шутливо:

– Передайте, девочки, мой привет Екатерине. Я завидую ей, что она привлекала даже в преклонном возрасте молоденьких офицеров. И загоралась у Кати такая страсть...

Тут тезка императрицы дополнила с грустью:

– Эх, мне бы испытать такую...

А Таня ей промолвила:

– Екатерина, вы не отчаивайтесь ведь мороженое покупают не только девушки и девчата, а и мужчины и молодые парни. Может быть среди них какой-нибудь ловелас, любимец пожилых дам, вам и предложит свою руку и сердце.

А Катя повеселела и сказала:

– И еще что-нибудь такое, чтобы я повеселела. Ведь любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь. И этот вечер сразу станет удивительно хорош. Сердце, ну почему же ты такое, сердце, как хорошо на свете жить.

Тут Екатерина остановилась на полуслове и добавила:

– А мне так очень хочется любить.

Татьяна и Валя долго рассматривали дворец Екатерины Второй и удивлялись роскоши ее апартаментов. И валя сказала Татьяне:

– Мы с тобой будем похожи вскоре на Золушку, которая из замарашки превратилась в красивую принцессу в воздушном платье и в хрустальных туфельках. Но этот бал был только до полночи, а потом она снова превратилась в замарашку и второпях потеряла эту туфельку. Но нас этот принц не станет разыскивать и примерять нам на ножку туфельку.

Вернувшись в Ленинград Татьяну встретила ее давняя подруга по Городку Наталья Орловская и предложила Татьяне:

– Танечка, я тут тоже попыталась устроиться в Питере. Но оказалась как витязь на распутье: какую дорогу мне выбрать – я не знаю и хочу посоветоваться с моими родственниками куда пойти, в какое учебное заведение. Но они живут не в Питере, а в Москве. Железнодорожным поездом добраться до Златоглавой Москвы можно за одну ночь. Может быть съездим Таня с тобой в Москву разогнать тоску? За оба билета я заплачу, они не дорогие. Согласна?

Таня улыбнулась и ответила:

– Наталья, знаешь, как алкаши говорят: «За друга готов я хоть воду, да жаль, что с воды меня рвет». Вот и я готова на таких твоих условиях повидать Москву. Тем более я не истрочу на эту поездку даже ни одной копейки...

– Тогда бери с собой паспорт и поехали покупать билет на железнодорожный вокзал.

Около железнодорожных касс, извиваясь змейками, толпились уставшие после работы люди. Им тоже хотелось съездить в Москву полюбоваться ее красотой или купить что-нибудь экстравагантное, а может быть, как и Наталья, просто повидаться со своими родственниками.

Наконец-то Таня и Наталья добрались до окошечка кассы.

Наташа оттеснила в сторонку Татьяну и стала расспрашивать кассира:

– Нам нужны два билета до Москвы, чтобы нам вечером уехать, а утром прибыть в Москву.

Кассирша, нахмурившись, сказала Наталье:

– Всем ленинградцам хочется съездить в Москву, а вечером вернуться снова в Питер.

Наташа тут же согласилась, и кассирша за пару минут обслужила торопыг и, положив билет в каждый паспорт, вытолкнула их вместе с билетами из своей «бойницы».

Они вернулись в общежитие Татьяны и Наташа, обхватив обеими руками свою голову, вдруг еще раз посмотрев на билеты, еле выдавила из себя глухой стон:

– Танечка, я дала такого маху. Ведь кассирша то мне всучила билеты до Москвы не в час ночи, а в пять утра. Поэтому она нам с тобой подложила такую свинью. Как же нам ночью добираться до железнодорожного вокзала.

А Татьяна тут же предложила:

– Наташа, давай мы подождем сейчас пока транспорт еще ходит, а потом с последним автобусом доберемся до вокзала и сядем на утренний поезд. В Москву приедем часов в 10 утра и ты наговоришься со своими родственниками вволю.

А Наталья сказала:

– На то себе раба бьет, что нечисто жнет. А мне вперед наука – не верь данайцам дары принимающие...

А Танечка опять поддержала свою подругу:

– Когда сядем в плацкартный вагон, ты ложись на нижнюю полку, а я на верхнюю., чтобы мне не мешали пассажиры этого купе читать книгу. Там такие эпизоды страсти, что не могу оторваться от этого романа. Лирика – такое великолепие.

Но в купе на первую полку присел молодой парень с пышной шевелюрой и спросил Наташу:

– На верхней полке твоя подруга?

– Да – кивнула Наталья, а он попросил попутчицу:

– А можно посмотреть ваши паспорта. Я хоть буду знать, что вы заняли места согласно купленным билетам.

– Раз вам интересно узнать наши имена, то изучайте – распцвела Наталья и увидела, что он что-то пишет на листочке бумаги, а потом представился Наташе.

– Меня зовут Юрой. Так меня родители назвали в честь первого космонавта Советского Союза Юрия Гагарина. А как зовут вас и вашу подругу?

– Меня зову Наташа, а на верхней полке моя подруга Татьяна. Но если хотите с ней поговорить, то у вас нечего не получится. Когда ей нравится читать книгу, то она никогда не отвлекается на разговоры в купе поезда.

– Ну, ну! – хмыкнул Юрий. – Я ведь тоже хочу поспать, но, как говорится, бывают и внезапные встречи, которые запоминаются навсегда.

А Наташа пошутила:

– Бывает, что у девушки муж умирает, а у вдовушки живет.

Тут опять заговорил Юрий.

– Наташенька, а нельзя ли вам записать номер телефона ваши и вашей подруги. Кстати о птичках, как зовут вашу подружку?

– Таня! – сердито буркнула Наташа, а ее телефонный номер сами у нее узнайте.

Повстречавшись с родственниками Наташи, Таня предложила погулять по Москве. Обратные билеты на поезд они получили еще в Ленинграде.

Они прогулялись по Красной площади, посмотрели на Храм Василия Блаженного и прослушали бой курантов на Спасской башне Кремля. Наконец-то фотограф сфотографировал их на память.

После фотосессии Наташа сказала подруге:

– Танечка, а мне кажется, что Юрию ты понравилась. Запал он на тебя.

А Таня ей ответила:

– Я бегло то на него посмотрела. Да он крепкий такой, мощный, но нужно кроме этого быть и разумным, а также внимательным к женщине. Тогда будет с ним полная гармония.

А Наталья скептически произнесла:

– Пищали гармошки где-то за рекой.

Далее события стали развиваться с бешеной скоростью. Лето заканчивалось, а осенью и Тане, и Юре нужно было приходиться на занятия.

И в конце августа вдруг Юрий прислал ей телеграмму: «Татьяна, встречай меня в аэропорту Пулково. Рейс из Самары в

Ленинград».

Эта телеграмма Юрия ее застала врасплох. Она только что в душе общежития решила помыться. Ее тело было чистое, но ее пышные, кудрявые и длинные, почти до пояса волосы быстро засаливались, хотя Таня их мыла несколько раз в неделю, а не только по выходным дням.

Тане всполошилась и стала насухо вытирать полотенцем свои кудри напевая: «Ай, рябина кудрявая, белые цветы, ай рябина, рябинушка, что взгрустнула ты?»

Вопрос повис в воздухе, но у матросов нет вопросов. Она поднарядилась и помчалась с улицы Вавилова, где было ее тогда общежитие, в аэропорт.

Поэтому Таня не только вытерла свои кудри полотенцем, а зажгла газовую горелку плиты и стала свои волосы на ней подсушивать. Когда Татьяна закончила эту процедуру, то посмотрелась в зеркало и вспомнила строку из пушкинской сказки про царевну: «Друг мой зеркальце скажи, да всю правду доложи: «Я ль на свете всех милее, всех красивей и белее...»

Но сказки сказками, а Татьяна старалась всегда быть реалистичной. В аэропорту она узнала, что воздушный лайнер, а в нем 110-120 пассажиров, уже приземлился. А поток пассажиров, бурный и неуправляемый, уже потек мимо Танечки. У нее появилось даже сомнение:

– А узнаю ли я его? Ведь наши встречи были коротки и внезапны. И вдруг я в этой бурной толпе пассажиров не узнаю его?

Но Таня замерла и стояла как монумент на площади Восстания и ни одна жилка на ее лице не дрогнула.

– Была не была – думала она – если и он позабыл мое лицо, то мы разоидемся в разные стороны, как в море корабли.

Но и Юрий засомневался:

– Как я смогу найти и увидеть Танечку если бурный поток пассажиров заполнил фойе аэропорта?!

Но как раз эта нерешительность молодых людей и решила их судьбу. Все пассажиры лайнера бросились в подвал, куда по транспортеру идут поклажи и вещи пассажиров. А наверху остались стоять в пустом зале только два человека – Юрий Бургомистров и Татьяна Петухова. Прозвучало несколько радостных вскриков, и они вихрем понеслись друг к другу. У Татьяны брыз-

нули слезы радости и радостный крик юноши:

– Танечка, как я рад, что ты пришла меня встречать!

Они два дня гуляли по Ленинграду и Юра любовался и восхищался красотами Питера. А потом Таня сказала:

– Если мы с тобой Юра хотим соединить наши судьбы, то нам, как это не банально звучит, нужно зарегистрировать наш брак в ЗАГСе и стать официально мужем и женой.

Юрий как будто ожидал этой реплики и радостно произнес:

– Танечка, я уже присмотрел нам брачные наряды. Для тебя я уже выбрал белое подвенечное платье, белые туфельки и роскошную белую фату. А для себя я подобрал строгий черный костюм-двойку: брюки и пиджак, черный галстук. А вот рубака у меня будет тоже белоснежная, как и твой наряд, Танечка.

Танино лицо засияло, и она спросила Юру:

– А ты помнишь, как ты со своим другим Петей залезали по водосточной трубе ко мне в общежитие.

– Как же мне не помнить это – с грустью в голосе сказал Юрий. – Ведь тогда, в тот страшный день, произошла трагедия. Меня-то вахтерша уже знала и пропустила меня к тебе. А Петр был под шафе и тетя Мотя его не пропустила. Пьяненьких она не любила...

Тут у Юры дрогнул голос, но он пересилил себя и произнес о случившемся:

– Водосточная труба была проржавевшей и около второго этажа она лопнула, и Петька рухнул на асфальт во двор. Я был у тебя и не увидел эту трагедию. Но кто-то из прохожих вызвал скорую помощь. О на приехала довольно быстро. Но Пети было столько переломов, что он, не доехав до больницы умер. Пришлось его везти не в больницу, а в морг.

Но вернемся, уважаемые читатели, к свадьбе Юрия и Татьяны.

Свадьбу молодожены справляли в ресторане. Фотограф запечатлел их торжество. На первом фото Юрий в свадебном наряде одевает обручальное кольцо своей невесте Танечке. А ведь недаром говорится в одной песенке: «Обручальное кольцо не простое украшение, здесь одной судьбы решение – обручальное кольцо».

Вот потому-то сосредоточенно смотрит Юра на тонкие пальчики своей уже жены и одевает ей на пальчик колечко. Про этот ритуал тоже давно сказано: «Любовь – кольцо, а у кольца начала

нет и нет конца. Любовь – кольцо!»

Зато в семейном альбоме у Татьяны есть еще одна уникальная фотография. Они оба стоят в зале ресторана, где на столе в нише скульптура греческой вакхалии. Женщина почти что голая, обнаженная. Она левой ногой стоит на левой ноге, а чтобы не упасть она согнула свою правую ножку и пальчиками ступни опирается, чтобы не упасть на пол, на этот постамент.

Поражает своей красотой эта женщина: и тонкая талия, а также ее красивая обнаженная грудь, и еще более классическое лицо скульптуры. Правой рукой дама света поправляет прическу на голове, а левой притронулась к своему ушку.

Зато дама света прикрыла свое интимное местечко между стройных ножек прозрачной тканью. Но этим жестом она зрителей еще больше привлекает. Людей всегда привлекала эротика или эротические жесты.

Зато Татьяна и Юрий стоят спиной к этой изящной женщине-скульптуре, а в руках они держат пышные, огромные букеты цветов. Но, чтобы было полное завершение свадебного ритуала, Татьяна в правый нагрудный кармашек пиджака Юрия положила белый платочек, который выглядывает треугольником. Если быть светским человеком, то каждая деталь наряда должна быть хорошо продумана.

Но, к сожалению Юрия и Татьяны, родители Юры на свадьбу не приехали. Они жили в Казахстане, а оттуда добраться до Ленинграда далековато. А потому они, родители Юрия, отправили поздравительную телеграмму, мол живите дети в радости и любви, а также энную сумму денег для пиршества на свадьбе.

Вскоре родилась у Юрия и Тани девочка, которую назвали Олей. Татьяна души не чаяла в дочурке. Тем более оба имени мужа и дочери были созвучны и кратки: Оля, Юра. Но с дочерью Олечкой у Татьяны появилось хлопот полон рот, а для Юрия нужно было зарабатывать побольше денег. Семья для того и создана, чтобы жить не только в радости и любви, а и в комфорте.

Вот потому-то почти два года Юрий и Татьяна жили врозь. Редкие встречи не в счет...

Но жизнь постепенно налаживалась и у Татьяны родилась и вторая дочь. И кто-то из ее подруг ей сказал стихом:

Ты шикарная дома, Татьяна,
И всю родню свою очаровала
И родилась у ней вторая дочь.
Ведь кто-то свыше Танечке помог.
А после появились даже внуки
И у нее уж не было и скуки...
У дочек тоже дети появились:
Две дочери и мальчик вдруг родились.
Так пусть в волнение всколыхнутся груди
Пусть по телу пробегает дрожь.
Жар любви и годы не остудят
Любит ведь не только молодежь.
Так пусть сияет Танечке всегда
На ясном небе путеводная звезда.
Как хорошо на свете щедро жить
Любовь и радость от души дарить.

А Татьяна про это стихотворение сказала:

– Есть у славян такая поговорка: «И вены родства не помнящие». Империя Петра Первого свысока смотрела на крестьян в семьях которых было двенадцать, а то и пятнадцать детей. Поэтому Петр, укрепляя Российские армию и флот, брал на службу не только дворян, а и крестьян. А они, крестьяне, даже лучше служили и в армии, и на флоте, чем избалованные дети дворян. А Ломоносов, архангельский мужик, потом, когда стал профессором, говорил: «Россия должна прирастать Сибирью». Вот тебе и крестьяне-лаптежники, а до Тихого океана увеличил Россию и проложили тропу до этого самого огромного на земле океана.

Но для Татьяны эти радостные события были потому, что она приняла веру в Бога благодаря протоиерею Алексею Лисняка. Разумеется не только благодаря протоиерею, Таня также слышала, как пожилые бабушки молятся Богу. И именно женщины в белых платочках, которые ходили молиться в церковь, и спасли нашу православную веру...

Знала Таня, что наш вождь Сталин, а его настоящая фамилия была Джугашвили, учился в церковной семинарии. А потому, когда началась Великая Отечественная война, Сталин обратился к советскому народу вот с такой фразой: «Братья и сестры...» А ведь это же начало любой религиозной проповеди.

И благодаря любви к Родине и подспудной веры в Бога, мы и победили оголтелый фашизм.

Но вернемся, уважаемые читатели, к протоиерею Алексею. А им заинтересовался член Союза писателей России Аркадий Манеров. И его некоторые рассуждения подвигли Татьяну еще более глубже ознакомиться с творчеством протоиерея Алексея.

Писатель Манеров, как узнала Таня, написал эссе с названием «Крест и слава». И вот что от него узнала Татьяна:

– В священной книге сказано, что слово было у Бога. И это слово было Бог. Поэтому протоирей Алексей и надеялся, что верующие прихожане и прониклись в сказании «Пречистый и животворящий Крест и слава» и верующие прониклись в образ Божественной сущности. И стала Таня анализировать эту Божественную сущность Бога. Стала изучать сказанное Алексием. Она поняла краткость священника, не терпевшего многословие. Рассказы протоиерея коротки, как виды природы из окна мчавшегося по железнодорожной колее поезда. И она вспомнила фразу поэта Сергея Есенина: «Только синь сосет глаза». А ведь и у Татьяны такая голубая синь в ее глазах, как и у самого Есенина. Тут-то Таня и поняла, что в иронических рассказах батюшки есть много изюминок. Но она была эрудированным человеком и талантливым, а потому и заявила:

– Краткость – сестра таланта. Если у этой сестры имеется и талантливый брат.

Еще одну изюминку отметила Татьяна, прочитав рассказы отца Алексея:

– Они по-детски непосредственные, а значит ребятишки будут их читать. Да, это почти не рассказы, а миниатюры. Но они легли словно напоены светом и воздухом и можно дышать легкими и видеть свет даже в глубоком тоннеле в горах.

Татьяна снова задумалась и стала опять радоваться таким интересным рассказам отца Алексея, изучая их прелесть:

– Миниатюры не только легки, что мне кажется будто они наполнены газом, как воздушные шарики. Или нет, как пушистые одуванчики, несущие на своих зонтиках-парашютах семья добра и восхищениями перед всяким Божиим творением.

Татьяна радовалась, что язык отца Алексея красноречив, а не испорчен и не замутнен полевыми оборотами речи. Он чист и

образен, как чистая слеза ребенка.

Или вот, восхищалась Таня:

– Занимается вечерняя заря. Но одноэтажный городишко не торопится расходиться по домам. Теплый майский вечер расплывается по всем улицам этого городка. Тополя выстроились вдоль дорог, как на параде и покрылись зеленой листвой, от которой пахнет надеждой и радостью. Весна же все-таки.

После этой красоты природы Татьяна стала восторгаться пением священнослужителей. И вот как она преподнесла читателям:

– Хор тихо и сладко пел, как наверно пели и раньше священники лет двести с гаком назад в этой церкви. А лучик света солнышка умудрился сквозь старинное стекло юного окна в алтаре и медленно пополз вниз по пережившим и холода, и войны фрескам. Пробежав по фрескам, лучик-зайчик застыл на лице Спасителя.

Татьяна после такой радостной речи священника ощутила тихое, умиротворяющее светло и мир без всякого лукавства нашего времени, а вернее – нашего безвременья. Но природа в рассказах отца Алексея замечательно хороша.

И Таня вспомнила откровения нашего классика Валентина Распутина. Он как-то признался, что один из своих рассказов он долго держал в своем письменном столе два года. И только потому, что не смог подыскать ни одного нужного слова. Вот так всего одного слова, но которое, зато пахнет дремучей тайгой. Но время подошло, и Распутин это время нашел. А для любого писателя это очередной кирпичик в целостной и ажурной стене. Притом этот кирпичик кропотливо подобранный и подогнанный. И если вынуть его хотя бы один, при чем любой, то стена или рухнет, или хотя бы скособоится.

И Татьяна сделала еще один интересный вывод о кропотливом труде отца Алексея:

– Он не занимается проповедью огульно и в лоб. Она у священника скрыта во втором слое его повествования, а потому и дышит любовью ко всему окружающему. А потому проза священника и привлекает внимание читателей. Ведь она необычная и непохожа на уйму однодневных бабочек, осыпающих бумажной перхотью современные книжные романы.

Тут Татьяна сделала паузу, а потом сказала:

– Так и хочется сказать не развалы, а завалы....

Глава: Жизнь такова какова она есть!

И больше никакая...

И вот Татьяна решила ознакомиться с творчеством протоиерея Алексия. Но, взяв книгу отца Алексия, и посмотрев оглавление, а в нем было 25 рассказы, Таня решила прочесть несколько выборочно:

– Дух в маленьких городках хоть в Сибири или на Брянщине – разница никакая. Душа одинакова щемит так, что хочется бросить все и поселиться где-нибудь под этой горой, возле заросшей травой берега маленькой речушки. Ловить рыбу, колоть дрова. Летом по выходным гулять по пыльному базару, а зимними вечерами слушать вой голодных волков.

Таня, прочитав эти строки, призадумалась:

– У нас в Городке, где я жила когда-то в детстве точно такая же размеренная жизнь и природа.

Но вдруг ее заинтересовала одна фраза:

– Время многое меняет. И быстрее прочего нас самих... Но в наших двориках скачут маленькие карапузы и веселятся. Им кажется, что эта убогая улочка самая большая и огромная во всем нашем мире. А рядом детсад и в нем в полдник я пил молоко. На улочке около горы обрывается луг, но я иду по нему и кормлю комаров и пинаю ногой нерасторопных кузнечиков. А солнышко вечерами садилось в глубокую яму.

Когда я забирал сына из детсада, то он спрашивал меня: «Это правда, что тут водились дикобразы и росли бананы. И сын верил в чудеса. Правда вкус бананов походил на печеную картошку, а дикобраз походил на колючего ежика...»

Следующий рассказа «Давида-Креститель» Татьяну тоже зацепил за живое. Особенно эпитафия Заболоцкого: «Я сам изнемогал от счастья бытия». И вот Таня читает первые фразы:

– Отец Георгий очень любит жизнь. Он восторгается ею как маленький мальчик и радуется – жить бесконечно на небесах.

Когда он проповедует с амвона, то обязательно так расписывает будущий рай самыми яркими и праздничными, яркими красками. И несколько старушек, которые стояли в церкви возвращаются со службы молодыми и воодушевленными.

Подумать только! Бесконечная, беспроблемная жизнь! Неужели она наступит?

Но однажды эту утопию нарушила не молодая, но хорошо упитанная дама.

Тут Таня приостановила свое чтение, а затем подумала:

– Интересно, а слышала эта дамочка рассказ про царство небесное или нет?

Но взгляды дамы на жизнь были вообще своеобразными. Но народ уже покидал храм, а батюшка что-то замешкался в алтаре.

Но дама терпеливо его поджидала. Стадо коров с мычанием проходило возле церкви. Но тут и отец Георгий загремел на алтаре ключами. Вот тут-то дама и подошла к нему с просьбой о помощи:

– Батюшка, без вашего совета мне не обойтись. Петровна посоветовала мне поставить свечку за моего мужа вверх ногами, ну чтобы он поскорее сдох. А я вот свечку то тоже купила, а не разберусь где у нее верх, а где низ?! Помогите мне, пожалуйста, посоветуйте.

Татьяна улыбнулась. Вот дает дамочка пылу-жару и потом стала читать дальше.

– Отец Георгий с удивлением уставился на даму. Он растерялся и не знал, как помочь прихожанке, чтобы ее муж с его помощью околел из-за поставленной свечи.

Он открыл рот и удивленно хлопал глазами. А дама решила изложить свою просьбу поподробнее.

И от того, что дальше прочитала Таня, она чуть ли не захохотала от речи «богомолки»:

– Понимаете мой муж такая сволочь, а к тому же и алкаш, подлец. После работы он как-то к Нюрке заходил. А Петровна все и увидела. Она мне всегда про похождения рассказывает, потому что добрая она, по соседству. А я уже высохла от тоски. Сил моих нет.

Татьяна опять улыбнулась:

– Надо же какая дама, уже в двери со своей мощной фигурой не пролазит, а тут от тоски сохнет... Хотя в народе говорят: «Пока толстый сохнет, то худой сдохнет». И чего же эта дама дальше будет талдычить:

– Ну, а Петровна, она старушка божественная. Знает кому земельку подсыпать, а кому булавку в окошко воткнуть. Да и за

советы у меня берет по-божески. Но когда я у нее спросила: «А с мужем-то мне как быть», то она и посоветовала: «Чтоб он сдох и свечку за упокой ему поставить в церкви, но обязательно к верху ногами. И у попа спроси, что да как. Он дескать в семинарии обучался».

Тут Таня сделала паузу и опять стала читать про отца Георгия:

– Он посмотрел на необъятную «высохшую» даму от горя и стал рассказывать: «Он, Бог-то, всех людей любит. И жизнь людям дает, чтобы они прощенными были там на небесах». Но дама его перебила: «Вот свечка-то, видите, кручу ее в руках, а ни верха, ни низа не различу никак». А батюшка взял свечку в руки, расковырял Фидель и показал Фоме-неверующей: «Вот он верх. Я храм собираюсь замыкать, ведь служба уже давно кончилась. Идите домой, там ваш муж уже ждет и скоро корову доить. Не сподручно ему без хозяйки-то скотиной заниматься. Идите ему помогать. А в убийцу мы с вами как-нибудь потом поиграем».

Дама смиренно покинула церковь, а батюшка загасил все лампы и лягнув засовами на входной двери, защелкнул замок и отправился домой.

Но толстая дама настигла отца Георгия уже у его калитки и промолвила:

– Батюшка, спасибо за совет. Только вот спросить забыла. На какой подсвечник свечку-то втыкать? И еще забыла, сдохнет ли мой муж, гад после этого?

И тут терпение отца Георгия лопнуло:

– Дура! А ну пошла отсюда на Великую горку к Кузькиной матери. И Петровну свою с собой прихвати. Убирайся с глаз моих, не то я так тебе эту свечку поставлю!

Вот тут-то дама и решила не рисковать. Зато к священнику дома подошел сын, шестилетний Дави, и спросил:

– Папа, ответь мне, а крещеные ведь не умрут и все попадут в рай?

И отец Георгий ответил:

– А Бог их знает. Все, кто Его слушают, наверное, и попадут.

И сын ему ответил:

– Так нам, наверное, скучно будет. Ведь и кошкам не хочется умирать. И я изобрел как их в рай к нам взять. Я Мурку и Барсика, и всех других котят взял и покрестил. Принес воды из колодца и,

ты только не ругайся, потом покрестил поросят и цыплят и даже свинью покрестить хотел...

Тут на столе затряслись стаканы и миски, а отец Георгий от хохота покраснел и взмок. Сыну то он должен был спокойно объяснить, что к чему. Но он выше на крыльцо, а там ему стало еще смешнее: по двору чинно шагал крещеный петух, а крещенная курица водит по двору крещённых цыплят. А на карнизе развалился толстенный Барсик-ортодекс.

На улице уже появились комары – злые, которые распищались не на шутку. И отец Георгий взял и одного прихлопнул на своем лбу и подумал:

– Хорошо, что Давид не догадался покрестить и комаров. А то гонялись бы с ним и вечером... Да и на том свете от них бы не было нам житья.

Татьяна после этой реплики задумалась и стала переписывать листы книги протоирея Алексия и вдруг одно название рассказа ее заинтриговало: «Цена всем волнениям».

– Цены бывают разные, но цену волнения вредил кто может оценить. Нужно мне определить эту цену волнения, прочитав эту главу.

И с первой же строки Таня поняла как молодой священник начал свою службу неумело и стала читать дальше:

– Я – священник со служебным стажем всего три дня. Отмолившись, спешу и тороплюсь в другое назначенное место и опаздываю. А потому топчусь на полустанке и нервничаю. Не знаю, что же мне делать, а планы рушатся. Электрички нет и нет... Хоть плачь!

– Да, – прочитав начало «Цена всем волнениям» подумала Татьяна. – Любой бы человек начал нервничать, а тем более молодой священник, служивший Богу пока три денька. Интересно чем этот рассказ закончится. А потому буду читать его и дальше.

А дальше она прочитала как относятся к молоденькому священнику пожилые люди:

– Рядом со мной курит незнакомый дед и вижу, как ему жалко меня. Слышу: «Трепыхаюсь я так почем зря. Прыгай не прыгай, но я тебе помогу ненавязчиво тебя утешить. Вот послушай-ка меня.

Тут и Татьяна насторожилась: «Ведь любой разговор, когда стоишь на полустанке, в роскошном полушубочке, а мимо проле-

тают поезда, то чего только в голову не придет».

И она продолжила читать:

– Пятничным вечером я с друзьями выбрался порыбачить на «москвиче». А когда они вылезли из автомобиля, то вздохнули радостно:

– Лепота-то какая!

Тут уже они и обрадовались. Ведь впереди два, целых два дня «лепоты». Вскоре сети были расставлены, бредень тоже пригодился и, конечно же, удочки и резиновая лодка. Водку друзья поставили в воду, чтобы она не теплая была, а холодная. Лодку ткнули носом на берег и веревкой за сосну привязали. Плеск воды и стрекот кузнечиков они воспринимали как симфонию. И одни из них сказал:

– Вот без этого человек – не человек, а сморчок какой-то!

– Это точно! – восхищенно подхватил его другой рыбак.

Но рыба-то не клевала. Друзья посидели около донок наготове – ни одной поклевочки! Они решили поразмяться и собрали в перелеске валежник, чтобы два дня уху варить. А потом проверили снасти. Червячки на крючках извиваются. Вот такая оказия!

Снова вынули и стали мочить бредень. Завели его на глубину и.... вытащили лягушку. Выругались и плюнули три раза через левое плечо, а потом и через правое и повеселели. Пришел невод не с травой морскою, да не с золотою рыбкой, а в неводе трепыхалось море щучек, тройка окуньков и язёк. Какая-никакая, а уха будет. Вскоре под котелком заплясал огонь. Но огонь-то огнем, а солнышко уже село и от воды потянуло холодом, а над рекой поплыли клубы белесого тумана. Тут оба рыбака решили одеться потеплее. Сергей принялся чистить рыбу, а Ваня побрел к лодке.

Вскоре у причала Сергей услышал барахтанье, а через минуту подошел к костру мокрый до нитки Ваня и в одном только сапоге и сказал Сергею:

– Я лодку-то отвязал, а не подумал, что в том месте быстрое течение.

– Ну? – спросил Сергей, а Ваня продолжил:

– Одна нога и поплыла сети проверять, а другая по берегу: скок-скок! Оттолкнулся я от земли, а там такая глубина. Вот сапог я один и утопил. Течение там стремительное. Скажи спасибо, что посудину твою успел поймать, а так минута и все – уплыла бы в

темную ночь.

Ваня скинул с себя мокрый свитер и штаны. А одежду Сергея поделили на двоих и сели у костра. И пришло к ним умиротворение: ушица булькает, костерок потрескивает, покойный язь высунулся из котелка и смотрит на реку вареными глазами. Там вдаль мерцают огни деревенских домов.

Но августовская ночь промозглая и заставляет ежиться и прикладываться к бутылке с водкой.

Тут Таня решила отвлечься от рассказа протоирея Алексия и вспомнила стихотворение с названием «Август», которое когда-то слышала:

Не прекрасна ли картина :
Паутина.
В теплом воздухе витает
Тает.
Августовский теплый вечерю
Вечен.
Но уже приходит осень
Восемь.
Восемь месяцев минуло
Скулы.
Зелень яблока не сводит
В моде
Цвет совсем иной в природе
Сходит
С ярких звезд, слетев с небес
Лес!

А затем Татьяна продолжила читать про красоту августовской ночи:

– Проснулись звезды. Тишина. Над лесом всплыл месяц и стало светло. У берега шелестит вода, а вслед потрескивают сучья. Будто там стадо слонов решило проложить в кустарнике новую для них тропу. Но светит в небе не только месяц, а искры от костра дополняют иллюминацию природы.

А Ваня на эту красоту и не смотрит. Вспомнил об утонувшем сапоге:

– Вот, блин горелый, сапог-то был почти новый. И денег стоит.

А это такая потеря...

Сергея подумал, что Ванька юморит и захихикал и сказал в шутку:

– Хи-хи, да ха-ха-ха! Не боимся мы греха.

Но вскоре он понял: «Ваньке то не до шуток. Он переживает.» И добавил уже вслух:

– Не тужи. Какая же Ваня это беда? Успокойся, новые сапоги купишь. А эти то уже стоптанные, растоптанные.

А Ванька хмыкнул:

– Ага, купишь. Досадно. Тебе-то хорошо. Вон у тебя все целехонькое.

Сергей же огорчился. Он не ожидал, что его друг такой мелочный и сказал Ивану:

– Ваня, очнись! Вокруг такая красотища, а ты говоришь про какой-то вонючий сапог! Жизнь-то наша продолжается, а это главное.

Ваня встал и сказал:

– Сытый голодного не понимает. Я пойду нырять за сапогом.

Сергей смекнул и поплелся вслед за Иваном и правильно поступил.

Иван нырнул, а глубина-то оказалась ой-ё-ей! Сергей ждал с минуту, а Ваня все не всплывал. Почуввав недоброе, Сережа разделся и хотел сам нырнуть в воду, как голова Ивана появилась на поверхности воды. Иван поплыл, хватал воздух и колотил руками по воде. Сергей залез в воду и помог выбраться на берег Ване. А он трясся как в лихорадке и заикался. Оказалось, что Иван под водой зацепился импортными плавками за корягу. Плавки дорогие, а порвать их себе дороже. А вылезти из них и оставить в воде – себе дороже. А вылезти из них и бросить их на коряге – ищите дурака.

А Сергей опять подумал:

– Ведь он же едва не остался из-за своих импортных плавков на дне реки.

– Наконец-то все страсти-мордасти улеглись – подумала Татьяна, прочитав фразу: «Наконец-то поспела уха» и продолжила читать рассказ:

– Друзья уселись возле котелка. Вдалеке мерцал красным огоньком закат. От него отделился и поплыл в сторону рыбаков

другой огонек, поярче. Вскоре около берега взвыл лодочный мотор.

– А, махнул ложкой Иван – наверное такие же как мы рыбаки вырвались на природу.

А моторка неумолимо двигалась на свет костра к берегу. Приятели успели хлебнуть пару ложек ухи, этого вкусного варева, как катерок ударился носом о берег, где сидели Сергей и Ваня. Они при свете месяца увидели, как на берег выпрыгнули трое и заорали:

– Аге, ешь твоя! Браконьеры!

Мужчина в зеленой фуражке и еще двое в картузах и фуфайках подошли к костру. Старший ослепил фонарем Сергея и Ивана и воскликнул:

– Ага!!!

А его помощники пинали около берега на кромке с водой и крикнули:

– Слышь, Кузьмич, тут кажется бредень валяется...

Он же командовал:

– Чё вопишь-то! Сворачивайте его молча, конфискуем ведь!

Сергей и Иван спросили:

– А в чем дело, мужики?

Но главный ткнул им в лицо фонарем и спросил:

– Кто такие?

Ваня залепетал:

– Мы из города. Вот выбрались...

– Ага!!! – воскликнул главной, – я тут из Рыбнадзора. Отвечай сколько поймали рыбы?

Иван робко указал на котелок:

– Вот, все что поймали в котелке варим.

Рыбнадзор пнул котелок и уха разлетелась по поляне. Тут оскорбился и Сергей:

– Разве мы что-то нарушили? И мы интеллигентные люди и если это так, то я просто заплачу вместе с Ваней ваш ущерб.

Рыбнадзоровец хмыкнул:

– А то! Конечно же заплатишь и никуда не денешься.

Сергей метнулся к москвичу и вернулся с бумажником и попытался извлечь купюру. Но проворный Кузьмич вырвал у него весь кошелек и опять закричал:

– Давай кошелек мне, не мелочись, интеллигент вшивый!

Сергей раскрыл рот от удивления от такого хамства, а рыбнадзор уже заинтересовался автомашиной Сергея и Вани. Он отвинтил на москвиче номера и объявил:

– Это участковому нашему для протокола. Презент ему от нарушителей вот таких как вы.

После этого Кузьмич спросил своих подданных:

– Все погрузили? Нет, по-моему у них в лодке лежат и спиннинги классные.

По пути к своему катеру Кузьмич распинал ногами костер. Большая головка улетела на палатку и прожгла на ней огромную дыру. А помощники Кузьмича бдительными ребятами оказались и одни опять доложил ему:

– Кузьмич, а у них еще и резиновая лодка есть.

А «рыбнадзор» и глазом не моргнул, отдав команду:

– Порежь ее к лешему! Разъездились тут злыдни поганые...

Моторка взвыла и «рыбнадзор» исчез в ночной тьме. Потом друзья медленно пилили друг друга и ехали в город. А Ваню трясло от негодования и он бурчал Сергею:

– Слышь, Серега, я это не оставлю... Я их... Я на них...

Но Сергей, грустно вздохнув, сказал:

– А что ты сделаешь для них? Пожалуешься? Так мы с тобой сами виноваты. Ведь браконьерничали.

Но у Ваньки душа кипела и клокотала, и он не унимался:

– Да ты что? Блин!!! Я отомщу! Придумаю что-нибудь. Они же твою лодку и палатку... Все твое, блин, барахло... Снасти... Деньги...

А Сергей крутил спокойно руль автомашины с таким видом, будто его не касается. И Ивана это бесило.

Но когда Ванька перестал, Сергей спокойно изрек:

– Отомщу... Тоже мне мститель выискался. А номера, Ванечка, мы вернем. Деньги заработаем – лодку новую купит, сети сплетем, а палатку заштопаем. Жизнь, Ванечка, на этом ведь не заканчивается. Ты слышал поговорку: «Жизнь – такова, какова она есть и больше ни какова!»

На горизонте уже мутное небо озарило зарево, а душа у Ваньки продолжала кипеть:

– Ты, Серёга, представляешь, что эти гады и бредень пропьют?!

– А, – махнул рукой Сергей, – лишь бы мы с тобой не болели, а были здоровенькими. Ведь говорят же люди: «Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет!»

Город был пуст. Редкие машины пробирались неспешно между выбоин в асфальте, а светофоры подмигивали одним желтым светом: «Мол, можете проезжать по перекрестку, если нет движения автомобилей».

А в понедельник Иван на работу не вышел, а позвонил из больницы Сергею и сказал:

– Накупался я вчера и получил воспаление легких.

А Сергей, спустя неделю отметил без Ивана годовщину своей свадьбы. Там ему подарили новую лодку, огромную, шикарную палатку и много-много всего нового и интересного.

Татьяна удивилась и хамству «рыбнадзора», и поведению «друзей». Ваня сквалыжничал и получил от рыбалки воспаление легких. Слишком жадным и трусливым был Иван. Зато Сергей на самом деле был добродушным и интеллигентным парнем, а потому его родственники и родственники его жены сторицей воздали утерянными вещам на рыбалке.

– Да, – вздохнув сказала Татьяна вслух, – жизнь преподносит нам сюрпризы. Но ведь управляет-то нами все-таки Бог.

После этих передрыг Татьяна вернулась к творчеству Веры Чесовских. Но в ее стихотворении она увидела какую-то радостную теплоту души. Вера всегда дает название своим стихам. Но одно стихотворение без названия Тане запомнилось. Оно было умиротворяющим, и она с удовольствием стала его читать:

Лето вспоминают в стужу многие,
Снежные цветы царят кругом...
Сапоги мои такие легкие, что иду я, словно босиком.
Босиком по сумерку скрипучему,
Вроде бы юродивый какой.
Ни души. Но это даже к лучшему –
Не смущусь горячею рукой.
Медленно крестить дома остывшие...
Там мороз рисует на стекле
Доброе и сказочное бывшее,
То, что в настоящем снится мне:
Искренний уют, улыбок множество,

Мирная такая суета...
Странно – от морозного художества
В комнаты струится теплота.

Татьяна, прочитав последние две строчки стихотворения, так и ахнула, и прочитала вслух:

– Странно – от морозного художества в комнате струится теплота.

А потом стала размышлять:

– Да, как только морозец нарисует красивые узоры на стекле, то мне тоже кажется, что дома то так уютно и тепло. А я еще сразу же вспомнила строчки стихотворения какого-то талантливого поэта, как и Вера: «Ах, как я медленно пишу и в стекла темные дышу. Дышу, дышу, дышу... и вдруг: в моем окне растаял круг!»

Татьяна задумалась:

– Да, только тепло одного человека часто передается и другому. Но заставить человека только своим дыханием растопить его чувство удастся не каждому. А вот Вера умеет растопить душу любому творческому человеку.

Татьяна прочитала это стихотворение на 27 странице сборника Веры «Капля горячего воска» и почему-то она решила прочитать стихи на соседней странице- двадцать шестой. Стихотворение в три строфы удивило Таню еще больше, чем первой. И прочла его Татьяна тоже на одном дыхании:

Первый мне говорил: «Не исчезни
Из судьбы моей солнечный лучик,
А что друг посвятил тебе песни –
Научусь и спою еще лучше.

После первого «советчика» Таня стала читать его слова:

Мне второй говорил в полный голос:
«Я люблю тебя, синяя птица»,
А что друг тебе кланялся в пояс –
Я смогу до земли поклониться.»
Тем дождливым и радужным летом
Выбрала я в жизни дорогу.
Птица счастья была ясным светом-
Молчаливый, что кланялся Богу.

После третьей строфы Таня взмахнула руками и подумала:

– Не зря говорят: «Слово – серебро, а молчание – золото». А Вера в трех строфах написала целую поэму о том, как можно найти дорогу к Богу.

После этого размышления Таня решила отыскать в сборнике стихов Веры хотя бы несколько стихотворений с названием. Ведь в названии стихотворения тоже заложено множество мыслей.

Пролистав сборник, Татьяна увидела два стихотворения с названиями «К Спасителю» и «Панихида». И вот Таня прочитала «К Спасителю». Тут же поняла, что Вера в этот день достигла совершеннолетия. Она в 18 лет и написала это стихотворение о «Спасителе». А Таня взяла и прочитала его еще один раз:

Куда не помотришь, въезжая в Воронеж
Везде купола, купола...
Все мысли пустые подальше отгонишь,
Чтоб мысль о любви ожила.

– Я бы и сама, если бы мне пришлось побывать в Воронеже, хотела услышать колокольный звон и полюбоваться церковными куполами. Так и напрашивается песенка: «Царь-Пушка державная, звон колоколов...»

И Татьяна стала читать еще раз и вторую строфу:

Чтоб мысль о любви ожила
Ведь мне до вокзала с душою, открытой-
К святителю нашей земли.
Маршрутку не жду по дорогам размытым
К нему и из Киева шли.

Тут Таня опять подумала, как Вера рвется с открытой душой и размытым дождями дорогам в церковь, чтобы обратиться к Спасителю со своей молитвой.

– Да, она даже, вера Чесовских, радуется, что помощники из Киева. А Киев был когда-то центром Святой и Великой Руси. А вот в третьей строфе она еще и поет «райскую песню».

И Таня еще раз перечитала третью строфу:

Цветущая раке и райская песня
И чистый всерадостный свет...
И нет для меня ничего интересней
Еще с восемнадцати лет.

Но и «Панихида» изумила Танечку. Ведь не зря же Вера в этих двух стихотворениях использовала три куплета, а ведь и Бог любит Троицу.

Но второй стих Татьяна опять прочитала в один миг:

Самая малая мелочь
Многое, многое значит.
В ризе священника белой
Сердце о святости плачет.

Вздвогнув, исчезнут обиды,
Что притаились как мыши
Если среди панихиды
Я свое имя услышу.

Будто бы ад шевельнется
Будто бы я, а не тезка,
Если на палец прольется
Капля горячего воска.

И Татьяна стала перечислять находки Веры:

– У нее плачет о святости не только душа, а даже сердце, ее горячее сердце. А дальше Вера тоже образно говорит: «Вздвогнут, исчезнут обиды». Не Вере обидно, а ее обиды вздрогнут и мгновенно исчезнут. И уже нет больше никаких обид. Зато если услышать во время панихиды имя Вера, она вздрагивает, как будто это она умерла и отпевают ее, а не другую женщину с именем Вера. Но зато и ад шевельнется, в ведь в аду она не бывала и не будет гореть там синим пламенем. И даже сравнивает боль в своем сердце, как если бы на ее палец прольется капелька горячего воска.

Таня долго-долго не перелистывала эту страничку, как будто события, описанные Верой, происходили в ее душе.

Вот Татьяне и прилетело бумерангом название книги «Капля горячего воска». И она, перелистав страницы увидела два названия рядом, в которых звенело уже отчаяние – «Разлад» и «Сон».

Про разлад Таня прочитала мгновенно. Ведь и у нее в жизни были не только разлады, а и ссоры. Ведь Танечка даже пела одну песню, в которой тоже говорится о разладах: «В толстой, пожелтевшей кипе старых писем, мне однажды встретилось письмо. Почерком похожем так на бисер, много напомнило он... И, как

будто позабыв разлады, ты мне улыбаешься опять. Вот что значит никогда не надо эти письма старые читать».

А потому Таня прочитала стихотворение «Разлад» все мигом:

Друг другу представляя недовольства
Мы в перебранке, аж горит лицо...
А совесть – золотых небес посольство
Просила уступить хотя б словцо.

Понять и оправдать я не хотела,
И не сказала: «Жаль, что лада нет...»
Но быстро куртку старую надела
И вышла посмотреть тебе во след.

Как на ветру свирепствует косынка!
Похоже будет ранняя зима...
Попала в глаз ресничка, как соринка
А значит виновата я сам...

Татьяна стала опять перечитывать «Разлад».

– Ведь, – думала она, – Вера пыталась приглушить свое недовольство и даже обращалась к своей совести. А она, эта совесть, была золотым послем. Но свою гордыню она не сумела пересилить. Вот и пришлось Вере выйти на крыльцо и посмотреть в след разъяренному мужу. Она накинула на свои хрупкие плечи старую, потрепанную куртку. Если она хранила эту старенькую курточку, то и гардероб Веры был малочисленным.

Татьяна задумалась, а потом опять стала размышлять:

– Но ведь Вера выскочила на крыльцо не только в старенькой куртке, а на голову не надела темно-вишневую шаль, а тонюсенькую косыночку, которая трепещет на ветру, как флаг на мачте корабля, который попал в свирепый шторм. Да и сама Вера пытается лукавить даже когда их разрыв с мужем не восполним, и она плачет, льет слезы. Но и тут оправдывается: «Попала в глаз ресничка ли, соринка...».

А, прочитав стихотворение «Сон», Татьяна поняла, что сон – это продолжение яви. К тому же сон Веры к ней подкрался на цыпочках и украдкою. Но Таню взволновала и дальнейшая судьба ребятешек и она говорит уже вслух:

– Меня силуэта заблудших детишек ос всех окружают сторон. Не чужды им зависть и лесть. И не знают они молитвы, а гадают

по звездам. А может быть и правда звезды им укажут дорогу . Ведь нет же у ребятишек еще ни зависти, ни лести.

Но тут Татьяна поняла, что у Веры Чесовских не было никакого сна, а одни только реалии. И Таня поняла замысел Веры и сказала вслух этим детишкам:

– А младший подходит с вопросом серьезным: «А правда, что Боженька есть?». И я несказанно, беспамятно рада, рученок касаясь рукой, что детям под музыку тьмы и разлада не встретится кто-то другой».

– Вот какая умница, Вера, - думала Таня. – Она разгоняет музыку тьмы и разлада и говорит детишкам истину, что Боженька конечно есть и он всегда поможет малышам и отгонит вон от них лукавого.

И тут Татьяна увидела в сборнике стихов Веры заглавие «Ремонт в храме». А прочитав стихотворение, у нее возникло сомнение.

– О ремонте в этом удивительно трогательном и красочном стихотворении Вера упоминала лишь вскользь: «В лучах вечерних подсыхает краска» и все... А все остальные фразы переполнены нежностью. Вот, например, о связке ключей: «На кисточках резных – прекрасный вид! В моих руках ключей церковных нить».

– Не ремонт, а благоговение какое-то – опять восхитилась Татьяна. – Звон ключей у Веры она слышит, как у «тройки бубенцов давнишних лет». Святая же Дева храм свой нарядила в незримый, может для кого-то свет.

– Да и в третьей строфе продолжает Вера славить Бога и творить добро – задумалась Татьяна и стала декламировать эту строфу во славу Бога:

Сентябрь листву бросает в бездорожье
Но как по ней идти приятно мне!
Когда творят добро во славу Божью,
Оно – добро, наверное, вдвойне.

Прочитав эту строфу Татьяна сказала:

– Вера в последней фразе стихотворения «Ремонт в храме» поставила точку, но я бы поставила в ней: «Оно – добро, наверное, вдвойне» еще бы не точку, а восклицательный знак!

Татьяна снова стала перелистывать страницы книги «Капля горячего воска» и вдруг увидела название стиха «После развода» и стала размышлять:

– Обычно церковный священник женится и живет со своей матушкой долго и счастливо. Но что же произошло с Верой Чесовских, если речь пошла о разводе?

Но, прочитав стихотворение «После развода», Таня подумала:

– Пусти Господни не исповедимы. Вере выпала трудная доля после того, как ее муженек поступил с ней!

Татьяна с болью в сердце прочла стихотворение Веры «После развода» и поняла, что она, вера, не озлобилась, а каждый день говорила своему бывшему мужу только одно, но очень веское слово «Здравствуй».

Татьяна с тех пор стала читать это стихотворение Веры каждый Божий день, как Библию. У нее всегда в памяти этот стих:

Супружество мое длиной в пол лета,
А думала – крепка, как смерть, любовь.
Нам не пришлось делить и то, и это
Мы нажили совместно только боль.

Еще досталось мне почти сожжённой
Прекрасная венчальная свеча.
Ее я жгла одна в ночи бессонной,
Впервые осознав, что я ничья.

Но все равно ты мой! К чему тут гордость!
Я главное достоинство храню,
И вслух тебе уже почти два года
Я кроме здравствуй слов не говорю.

Мгновенные, как у прохожих встречи
На длинной и извилистой тропе..
Мне спину согревал не раз под вечер
Тот свитер, что сегодня на тебе.

Таня же после шока от этого стихотворения подумала:

– Какой же подонок этот жених Веры: поматросил и бросил ее. А она каждый день произносит ему слово «здравствуй». А подаренный Вере свитерок во время свадьбы этот «джентльмен» забрал себе без всякого стеснения. И Вера об этом и говорит в стихотворении: «Мне спину согревал не раз под вечер, тот свитер, что и сегодня носить на себе». Какой же он заботливый был этот муж, который быстро объелся груш.

Татьяна, Сделав комментарии о быстрой свадьбе Веры, рядом с этим стихотворением увидела стихотворение без названия, но тема у Чесовских оставалась та же самая. И Таня стала читать его вслух:

Вчера, неторопливым вечерком,
Когда все фонари горят уныло
Ты бросил мне под ноги снега ком,
А я через него переступила.

– Что ж, – подумала Таня, – милые бранятся – только тешатся. От чего же молодоженам и не поиграть зимою в снежки. Тем более это был комочек снега, через который и не только переступить можно, а поднять снежок и бросить снова в парня.

– Но во втором четверостишье даже природа вступает за обиженную Веру – размышляла Татьяна и прочитала вслух вторую строфу:

И как всегда пошло легко-легко
И так же, как всегда, друг другу вторя
Ветра завыли, слышно далеко:
«Обидели тебя, какое горе!»

Вот так – стала раздумывать Таня. – Даже сильные и морозные ветра сочувствуют Вере: «Обидели тебя, какое горе!»

Тут Татьяна принялась анализировать третью строфу:

Но радуется сердце все равно
Мотив свой благодатный напевая
О том, что на пути уже давно
Гора не вырастает снеговая...

– Если даже ветра сочувствовали Вере – думала Таня, – то, конечно же, она преодолет любые преграды, которые встанут ей на пути.

Затем Таня увидела в сборнике стихов Веры еще одно «К последнему слову». В нем было описана долгая дорога к дому, в который каждый человек приходит. Прочитав его, Татьяна не стала комментировать, а предоставила читателям самим осмыслить его:

Ей можно поднять только три килограмма
И можно пройти только три километра

Штает ее под порывами ветра
На длинной дороге до ближнего храма.

Зато тот же ветер в старинные двери
С ней вместе приходит к Создателю в гости
Не жаль, что изношены кожа и кости
Она в воскресенье от юности верит
Она, как невеста, стоит за обедней
Как свечка, которой осталось так мало
Ведь главное в жизни еще не настало
Последнее слово минуты последней...

Таня узнала, читая книгу «Капля горячего воска» Веры, что и ее сестра родная не очень-то дружила с ней, а была на ножах и, мягко говоря, ненавидела Верочку. И Татьяна стала читать неторопливо каждую строфу:

Да ты уверена вполне,
В том, что тебя я ненавижу
Чтоб из лукавства быть поближе
Стремлюсь я к свету, к тишине...

Вот тут-то Таня и стала размышлять:

– Какая же родственница Веры. Вдруг возомнила, что ее сестричка лукавит, обманывает, а на самом деле Верочка стремилась, как любая монахиня к тишине и свету.

Но, читая вторую строфу, Таня убедилась, что сестра Веры льет воду на мельницу клеветы и разные гадости и прочее, прочее. И вот, что узнала Таня:

Чтоб мне топтать твои цветы
Уже и речь моя притворна,
Как пронесло вдруг плодотворно
Зерно далекой клеветы!
Разубедить и доказать
Не раз пыталась, но напрасно.
Не смотрят люди беспрестанно
Тебе поверили опять!

Но, когда Таня прочла последнюю строфу, суть любви Веры к своей сестре стала понятна. Ведь когда человек умирает, то только тогда его родственники и знакомые вспоминают о его достоинст-

вах.

И Татьяна даже вздрогнула, прочитав последнее четверостишие:

Когда умру, когда умрешь,
И стихнет в колоколе било
Узнаешь – я тебя любила!
И ты легко и тягостно вздохнешь!

– После смерти – думала Татьяна – всегда начинаешь вспоминать достоинства близкого человека.

Вот в этот момент Татьяна и вспомнила рассказ из книги отца Алексея «Губернатор острова Мицубиси». Она удивилась, прочитав несколько начальных фраз в начале этого заковыристого рассказа. И вот Таня читает эти строчки: «Утверждение о том, что каждый человек живет в своем мире, может легко оправдано. У каждого же из нас есть свое общество приятелей, свой круг друзей, знакомых, с которыми нас связывают общие дела и общие темы для разговоров. А еще в каждого скрытый мирок, где удобно спрятаться в тяжелую минуту и не пускать туда никого-никого.

И вот отец Алексей собрался ехать на похороны в село, где у мужчины умерла мать. И хорошо, что возле его остановился отполированный «Мицубиси-галант», а водитель оказался прихожанином. Отец Алексей обрадовался и сказал:

– Как здорово, что вы здесь проезжали. Иначе бы стоять мне у дороги до «китайской пасхи».

– А я не проезжал – задумчиво ответил водитель, – а стоял на обочине и смотрел на первый снег. Увидел, что вы голосуете и подбехал к вам выручить.

Алексий поблагодарил, а водитель, выслушав «Большое спасибо», грустно продолжил разговор:

– Я часто выезжаю на природу или просто катаюсь по дорогам. Где-нибудь остановлюсь и музыку слушаю. И думаю, думаю...

Тут отец Алексей не удержался и спросил:

– А не скучно ли вам вот так – одному-то сидеть в автомобиле?

А водитель, обогнав волгу, сосредоточенно заявляет:

– Мне здесь хорошо в тишине, и я сам себе хозяин.

Водитель замолкает, а грустный взгляд скользит по асфальту дороги.

И тут отец Алексей задает ему вопрос:

– А как же ваш дом, семья?

В ответ водитель встрепенулся и обрадовался вопросу священника, как будто на исповедь пришел:

– А что дом? Дети выросли, разъехались, теща постоянно гостит у нас в доме. У них с женой есть свои семьи: То Луис-Альберто, то Хуан Карлос какой-нибудь. Усядутся перед телевизором и целыми днями сидят. По началу, по молодости пробовал брать жену с собой. Вывезу в лес, показываю ей радугу после дождя, собираю цветочки лесные, хожу между деревьев по травке. А жена злится, что в лесу ее крапива жжёт и кусают комары. Ни какой романтики.

– Да-да-да, – протяжно произнес отец Алексей, а водитель продолжил свой монолог:

– Переживает, что они очередную серию пропустят. Бабы есть бабы. Разные мы с ней. Начал было ее в церковь звать, так она мне дикую истерику закатила. Сказала: «Ты старый дурак и уши у тебя холодные. Совсем с ума съехал». А мне то в церкви нравится. Да и вообще, мне одному лучше, спокойнее как-то. Вот здесь, в машине, у меня свой мир, свой суверенный остров. Но главное я здесь хозяин, а не жена. У меня в машине никакой демократии и сам себе командир и хозяин, а не жена. Поэтому сам себе команду, сам себе подчиняюсь. Ни тебе оппозиции и диссидентов. А кому со мной не по пути, то иди пешком или смотри телевизор.

И тут монолог водителя прервался яростным свистком инспектора. Машина плавно остановилась на обочине.

А из-за облетевшего тополя к автомобилю подоспел пожилой старшина с радаром и вежливо представился, проверил документы, а потом показал трехзначную цифру в окошечке радара-пистолета и сказал:

– Хотел я вас наказать, да вот вижу, что вы батюшку везете, торопитесь. Поезжайте не лихачте потому, что там дальше, на въезде в город, стоят коллеги из области. А они могут у вас и права отобрать!

Водитель поблагодарил инспектора и «мицубиси» понес отца Алексея дальше шурша мягко колесами.

Японская магнитола заголосила русскую песню «леди осень», а водитель и пассажир молчали весь остаток пути, думая каждый о

своим и наслаждались спокойствием на дрейфующем островке без войн. А вернее на островке «Мицубиси». Губернатор и его попутчик соблюдали оба политический суверенитет.

Глава: Книги – это окно в мир.

Татьяне было пятнадцать лет, когда ее подруга Людмила поздравила с днем рождения. Книги Тане дарили и раньше, но это были детские книжки: «Мойдодыр», «Федорино горе», «Дюймовочка» и «Снежная Королева».

А Людочка подарила Тане книгу Валентина Овечкина, изданную в издательстве «Советский писатель» в Москве. Название у книги было «Дороги, нами разведанные». И Людмила написала Тане вот такую фразу: «Танечка! Поздравляю тебя с днем твоего рождения. Желаю тебе много счастья, радости и успехов. Люда. 6/IX-67 года. Городок».

Татьяна перелистала ее и увидела, что писатель Валентин Владимирович Овечкин в этой книге написал два три раздела. Повести, а их было две, были почти по пятьсот страниц «С фронтовым приветом» и «Рай – онные будни» В следующем разделе Овечкин написал «Очерки». В них писал Валентин об инициативе и талантах молодых людей. А затем писатель в третьем разделе, а бог любит троицу, написал четыре рассказа: «Упрямый хутор», «Гости в Стукачах», «Просковья Максимовна», и «Слепой машинист».

Таню заинтересовало последнее название «Слепой машинист», который начинался с 60 страницы этой книги, а заканчивался на 631. Написан был этот рассказ за год до войны – в 1940 году. Татьяна в то время еще и не родилась. Но зато она сконцентрировала свое внимание на рассказе «Слепой машинист».

Да, Татьяна читала и смотрела кинофильм «Слепой музыкант». Но любому музыканту все-таки нужен только чуткий слух. Он может вслепую играть на любом музыкальном инструменте. А как же быть слепому машинисту? Ведь ориентироваться трактористу при вспашке зяби или уборке урожая сделать это невозможно. И вот Таня стала читать этот рассказ:

– Степь. Во все стороны раскинулась далеко-далеко земля, ровная и не покрытая строениями, лесами и порослей диких трав. Зато в сияющем небе властвует солнце, а по земле гуляет ветер и гонит волны по зеленому морю пшеницы да кружит пыль на степных дорогах. Ветер в степи, как песня. Его можно слушать часами.

А вечером устраивают перекличку перепела: громко и внятно «подь-полоть!» Но раньше всех перелетных птиц появляются в степи тракторы. Еще в балках лежит снег и не видно ни души. На обочинах дорог стоят уже крашенные вагоны на колесах – подходящее жильё для трактористов.

На полях кубанской станицы уже работала бригада имени Степана Гайдукова. И в этой бригаде работал Афоня Переверзев – большой любитель поспать. А когда была непогода, то Афоня мог проспять целые сутки – 24 часа.

Сонливость его чуть ли не стоила ему жизни. Пахал он около черного яра, который оканчивался обрывом. Монотонный гул трактора усыпил Афонию и он уже стал клевать носом. Но холодный ветер ударил тракториста в лицо, и он успел выключить мотор.

Ребята и друзья подсмеивались над ним:

– Ты знаешь, Афоня, почему ты засыпаешь в тракторе? Да потому, что в твоей голове нет ни одной возвышенной мысли! Хоть бы влюбился в какую-нибудь красивую девушку и тогда бы думал только о ней. А может быть тебе и за девчатами лень ухаживать?

И на самом деле мешковатый, вялый и угрюмый Афоня был равнодушен ко всему, кроме жирного борща с бараниной и своего замусоленного матраца, на котором он мог задать храпака.

Татьяна заулыбалась и воскликнула вслух:

– Неужели есть такие люди, которым лишь было солнце под головой, брюхо набито едой и так хорошо? И на самом деле Афоня отнекивался: «Ну вас с вашими девчатами. Как будто я этого добра не видел».

Но потом снова углубилась в чтение:

– Был в этой бригаде и другой тип человека Дмитрий Толконцев, верткий, хитрый парень с длинным прозвищем «Митька, поглядай – директор едет». Он трактористом был не первый год и механизм знал неплохо. Но пахал Дмитрий так: от табора поглубже, а на середине помельче, чтобы сэкономить горячее. Однажды он

увидел, как по дороге катит легковушка директора МТС, крикнул прицепщику: «Кирюха! Опусть плуг пониже, директор катит». Да так громко, что голос услышал и начальник. Бригадир Гайдуков был недоволен и злился, что ему навязали таких «колхозничков». Но главная трудность заключалась в том, что люди в бригаде разношерстные. Да к тому же по пахоте бегали ребятишки за плугом по бороздам и наблюдали как ремонтируют трактористы машины.

– Пусть ребятишки присматриваются – сказал Гайдуков. – Они же и станут потом инженерами в будущем.

Приходил к трактористам и один пожилой мужчина, держась за плечо своего парнишки и густым басом спрашивал механизаторов:

– Здорово ребята! Ну как оно?

Он садился на ступеньку вагона и часами слушали, о чем говорят механизаторы. Лицо у него было изуродовано багровыми пятнами от пожара или болезни, и был он слепым.

Гайдуков его не отгонял:

– Ладно, пусть сидит.

А слепого в шутку спросил:

– Что осматриваешься, Матвей Поликарпович?

– Эге – обернулся слепой на голос – мотор то тот же, а силы-то у него побольше. Да? Ловко вы тут придумали.

А Гайдуков знал, что старый и слепой машинист работал и на мельницах, и на молотилках. Но произошла авария и он ослеп. Проживал Матвей Поликарпович на иждивении семьи. А фамилия была у него Бородуля.

Когда потеплело на улицу Матвей стал приходить к трактористам каждый день и слушал как они запускают моторы. Однажды его попросили запустить мотор, что-то захандрил он. А Бородуля промолвил:

– Вы его, ребятки, слабо затанули.

И вскоре трактористы стали говорить:

– Наш Матвей Поликарпович скоро сможет сдать экзамен по теории моторов.

Потом трактористы заспорили, что мотор глохнет от подшипников, а Бородуля приложил ухо к чугунному телу трактора и сказал:

– Это, парень, не подшипники. У подшипников совсем другой стук. А этот дребезжит как жестянка, мелочь какая-то.

Бородуля ощупал снаружи весь мотор, повернул за ремень вентилятора и сказал:

– Штывок то у тебя болтается и шпонки стерлись. Да вот так оно и есть. Вынька штывок, оберни ее прокладкой и забей потуже. Вот и все.

А Андрей все так и сделал, а потом сказал:

– Стук прекратился. А рулевые потом долго смеялись:

– Слепой зрячему причину в моторе отыскал.

Зато Гайдуков теперь говорил какому-нибудь разгильдю, который потерял пробку от бензобака или не сделавшего смазку мотора:

– Может быть посадить тебя в помощники на трактор Матвея Поликарповича?

А после Гайдуков жаловался Бородуле:

– Вот наделили меня бригадой! Полсезона не проработали, а по запчастям уже перерасход. Их бьют, ломают, теряют. Не напасть запчастей. Сидят себе в кабине трактора и не слышат, что у них за спиной делается: может уже и плуг за собой потерял. Ведь трудодней не хватит за эту безответственность рассчитаться.

– Вот тебе и пахари из ударной бригады – подумала Татьяна.

– Разве можно так относиться к технике и к работе. Одно слов – разгильдяи. Да и работают спустя рукава, а технику ломают, курочат.

Но когда Татьяна глянула на следующую строку, то поняла, что разгильдяйству иногда не бывает предела:

– Афоня, подъезжая к табору, наехал на новенький трактор, стоящий на заправке и помял ему радиатор, топливный бак и, даже радиатор. В итоге два трактора стали ремонтировать, а ремонт этот влетел в копейку.

А тут еще Митька Толепанцев увлёкся одной девушкой – Маврой Волковой. Как только Митин трактор подъезжает к краю загона станицы, где на верхней улице жила его зазноба, то мотор трактора начинает «капризничать», чихать и плуг не может тянуть. Приходится Мите чинить и он посылает своего прицепщика на тракторную станцию за каким-то ключом для устранения этой неполадки. Ему нужно пройти пару километров в одну сторону, а потом в другую. А Митька сливает с радиатора трактора теплую водичку и умывается: руки, лицо, грудь и направляется в домик в

саду к Мавре Волковой.

А Гайдуков и застучал Митьку у Марочки. Но Митя сознался и попросил прощения, что он не будет больше хитрить, а будет регистрировать свой законный брак со своей суженой-ряженой.

Тут Татьяна заинтересовалась творчеством белорусского писателя Алесь Савицкого из Витебской области, города Полоцка. А для Татьяны это были родные места. Алесь родился 8 января 1925 года.

Когда началась Великая Отечественная война юноша учился в средней школе. С разворачиванием партизанского движения в Ветринском районе Алесь вступил в ряды народных мстителей. Он хорошо разбирался в взрывном деле, а потому его назначили в партизанском отряде «Большевик» командиром специальной подрывной группы.

После разгрома фашистов на белорусской земле Алесь Савицкий вступил в ряды Советской Армии и участвовал в освобождении Гдыны, Варшавы и брал штурмом Берлин.

На рейхстаге есть и его имя «Алесь Ануфриевич Савицкий». Был ранен и его наградили Орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу и мужество».

После демобилизации Алесь Савицкий стал журналистом и работал в Полоцкой областной газете. Его статьи были интересными, но кроме журналистики Савицкий со временем стал писателем. И уже в 1960 году вышла его первая книга: повесть «Кадры у моря». Уже само название первой книги говорило о его таланте. И Алесь, почуяв вкус художественной литературы, стал творить чудеса. В 1962 году вышла книга «После паводка» через два года после первой книги. А после этих двух повестей через год Алесь уже издал романа «Женщина».

Но вскоре Савицкий стал писать не только повести и романы, а и рассказы. Печатал Алесь рассказы в двух своих сборниках. Первый сборник рассказов вышел в 1965 году под названием «Белая кувшинка», а в 1970 гду – сборник с названием «Стеклянная нить».

Но был у Алесья между сборниками еще один роман в 1967 году «Полынь – трава горькая». Написал Алесь Савицкий документальную повесть в 1971 году с названием «След прокладывает первый». А Таня даже вспомнила стихотворение, в котором в пургу

след в след шли несколько человек. И она тут же продекламировала это стихотворение про стойкость этих людей:

Люди шли до земли клоненные
Вихрь снежок им кидал в лицо
И заталкивал в рот соленое
Вдруг слетевшее с губ словцо.

Шли они, шатаясь как пьяные,
Помогая друг другу и...
Через стужу и через страдания
До заветной цели дошли.

Отдохнули... И вот упрямые,
Хоть сейчас готовы идти
Так не зря поднимаем с вами мы
Тост: «за тех, кто всегда в пути!»

Повести у Алеся Савицкого выходили как печеные пирожки из печки. Книга «Самый высокий этаж» вышла в 1972 году, а в 1973 – книга под названием «И ничего взамен». Именно за книгу «Самый высокий этаж» и за его прошлое творчество, и за его произведения о комсомоле и молодежи Алесь Савицкий получил премию имени Ленинского комсомола Белоруссии. Героями «Кедры у моря» и «Самый высокий этаж» были строители Братской ГЭС и белорусского города на Двине. Автору удалось заглянуть в души людей, захваченных романтикой красота природы и страстным желанием стать достойными людьми, где бы они не были и где бы не работали.

Книги Алеся Савицкого остросюжетные и их герои сталкиваются с непримиримой борьбой против носителей всего отстающего. И именно в этой борьбе раскрываются моральная красота молодых героев и их духовная стойкость.

– Да, не зря же в Полоцке так хорошо потрудились Алесь Савицкий – подумала Татьяна Губернаторова. – Ведь и сейчас в Полоцке живут мои родственники. Хотя я, как лягушка-путешественница из Городка, побывала и в Санкт-Петербурге, и в Гродненской области Беларуси. Но все же работаю до сих пор в городе Городок.

Татьяна выбрала из книг Алеся Савицкого «После паводка» и открыла на первой же попавшейся ей под руку странице и стала

читать:

– Во втором переулке встретился какой-то мужчина, тащивший на санках какую-то объемную баклажу: мешки, мешки...

Марфа уступила дорогу и посмотрела мужику вслед и подумала:

– Вот как умные люди-то делают: на детской игрушке везут. Да и сила-то мужская приложена. А мой тюлень девятый сон досматривает.

Она в мыслях обругала Степана и сани будто сами поняли и поехали быстрее.

Дома Марфа растолкала мужа и сказала Степану:

– Мешок-то на чердак затащи.

Он спросонок не понял и спросил:

– Какой еще мешок?

Но, увидев его, потащил груз наверх, а около дверцы остановился и спросил Марфу:

– Я ключа не найду...

Жена ему тут же подсказала:

– Он у тебя в правом кармане лежит.

Вдруг что-то огромное черной тенью промелькнуло перед глазами Марфы, чиркнуло ее по носу и плюхнулось около собачьей будки на землю. Собака взвизгнула и прижалась грудью к лестнице. А Марфа от страха закрыла глаза. Но когда она их открыла, то увидела из-под огромного мешка торчат только задние ноги пёсика. И Марфа запричитала:

– Идиот! Убил ведь ты пёсика то! Чтоб тебя громом прихлопнуло...

Таня пролистала еще несколько страниц, а потом стала читать о другом персонаже:

– Янка вдруг как-то напрягся, подался вперед, а потом обмяк, сел и сказал с сожалением:

– Чудится мне, брат...

– И что же тебе чудится?

– Подожди и до этого дойдем. Налейка мне еще. Сегодня мой день и я тебя угощаю. Кажется, ты еще остался человеком.

– Хватит рассказывай лучше..

– Напрасно я тебя похвалил, а ты хотел, чтобы я лежал вместе с мертвецами?

– Да все так считали. Нет, правда... Может быть сплю? Ударь меня Янка...

– Это можно! Тэ-эк!

От резкого и сильного удара Ловгач, так звали приятеля Янки, грохнулся в сугроб, но тут же вскочил, поднял шапку и, немея от боли и радости, бросился Янке на шею.

Какая-то женщина вела за ручку свою дочку и сказала:

– Вы же взрослые люди. Не стыдно вам драться?

Но потом, увидев, что мужчины стали целоваться, плюнула и дернула девочку за руку:

– Чего глядишь то? Пьяные. Подерутся и помирятся.

Но для Ловгача ничего уже не существовало вокруг, и он спросил Янку:

– Откуда ты появился-то?

А Янко промолвил:

– Откуда? От верблюда, с того света!

– Ты так не шути.

– А мне не до шуток. Замерз я стоя на ветру, найдется тут ресторан, где можно стопку чарки хлопнуть?

– А зачем же нам идти в ресторан? – удивился Ловгач, а его друг ответил:

– Стыдно. Со стороны посмотрят на меня и скажут: «Янко нищий, только торбы для милостыни не хватает. И не обращай на мои лохмотья...»

Но Ловгач предложил:

– Пошли ко мне. Найдем и чарку, и что к ней полагается. Мои родственники тебе обрадуются!

Янко горько усмехнулся и сказал:

– Никого я, друг мой, не обрадую. Поэтому айда пошли в ресторан. В знак старой дружбы по оружию!

Он и в ресторане говорил также резко и отрывисто. Но уже голос немного отмяк от выпитой стопки водки, но все еще в голосе звучали злобные, насмешливые нотки.

Но к Ловгачу обратился и повторил:

– Никого я, друг мой, не обрадую. Что же может сказать тебе и им идиот? Ха-ха-ха. Смех сквозь слезы. Но я все-таки нормальный и современный идиот! Так сказала моя бесценная подруга моей жизни. Она открыла дверь и сказала: «Убирайся вон, идиот!» Но

я был гордым идиотом. И я без пререкания взял и ушел из дома!

Друг же Янко попросил его:

– Расскажи мне, Янко! Я хочу знать о тебе все. Все-все!

Янко какое-то время вглядывался в лицо друга и вдруг надрывно закашлялся. Седые волосы его тряслись и спадали на лоб мокрый от снега. Мокрым был его нос, лоб и снег еще не растаял на бровях. Даже такая же искринка снега застряла на небритой его щеке.

– Хорошо, я тебе все расскажу – кивнул Янко и рывком распахнул сразу две пуговицу на воротнике.

Тут Татьяна приостановилась и задумалась:

– А разве моя судьба не похожа на судьбу Янки. Только я женщина, а он мужчина. Но мне же чуть ли не пришлось развестись со своим мужем, когда он стал поднимать на меня руку? Но все течет, все изменяется. И мы с ним идем вроде рядом, но параллельными курсами. А Бог мне помогает, да я помолюсь, чтобы в доме не было склок.

Затем Татьяна опять продолжила чтение:

– С чего же мы начнем? – промолвил Янка. – С болота, которое мы гатили в блокаду. В нем меня и шугануло артиллерийским снарядам. Помнишь это было под вечер, когда фрицы начали третью атаку? Ух, как же я запомнил все! Солнце. Большое огромное солнце. Оно вставало перед моими глазами. Оно обдало меня жаром и куда-то понесло. И долго, долго звенело в ушах. Но когда я проснулся, то увидел, что я лежу со связанными руками на краю воронки или ямы. Потом нас расстреливали, кроме меня и еще троих бойцов.

Один парень был из нашего отряда – Красько. Имена других не помню. Расстреливал нас полицай. Красивый такой гаденыш: черная, густая шевелюра и голубые, голубые, как небело, глаза. Но зато губы у него тонкие и хищные. Подходил и стрелял в упор, чтобы без промаха все было.

Я для него был третьим. Умирать ведь просто: что-то стукнет в грудь и небо становится черным и все. А потом почувствовал боль в ноге и в плечах. Но ночью я выбрался из ямы. Была луна и это я тоже хорошо запомнил. Потом увидел лодку. Как я дополз до нее не знаю, но перевалился через ее борт, оттолкнулся от берега и все.

Татьяна, читая этот эпизод подумала:

– Мы в детстве играли в третий лишний, а Янко-то не стал третьим лишним. Он выбрался из ямы, которую немцы или полицаи не засыпали землей и даже дополз до лодки. Просто чудо какое-то свершилось.

И она снова окунулась в чтение:

– Но перевалился через борт лодки, оттолкнулся от берега и все... Очутился на Двине около Десны. Мальчонка какой-то поймал лодку.

Таня тут же вспомнила стихотворение Александра Твардовского:

Был трудный бой – все нынче как спросонку
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку
А как зовут, забыл его спросить.

А бой все шел, огонь его был страшен
Мы пробивались медленно вперед.
А враг гвоздит, не выглядишь и башен
И кто его поймет... Откуда бьет.

И тут внезапно подбежал парнишка:
«Товарищ, командир они вон там в саду»
Да, дайте с вами вместе мы пойдем
На танке с вами, точно приведу.

Что бой не ждет: «Садись, давай дружище
И вот мы катим вместе вчетвером
Стоит мальчишка пули, мины свищут
И только рубашонка пузырем на нем.

Подъехали и тут же с разворота
Заходим в тыл и полный газ даем.
И вражью пушку заодно с расчетом
Мы вмяли в черный, жирный чернозем.

Был трудный бой, все было как спросонку,
Но только не могу простить
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку
А как зовут забыл его спросить.

Затем Таня снова стала читать:

– Потом я долго не мог очухаться. Станешь на ноги – все кружится в глазах и сразу же снова падаешь и перестаешь на все реагировать. Так тянулось долго. Миновала осень, а потом и зима. Весной я немного отошел от ужасной боли. Но вокруг фрицы и она спешно строили укрепления на Двине. Но фронт был уже близко и мне слышалась канонада. А мальчонка, который перехватил мою лодку, нашел в реке винтовку, а ночью ушел из деревни.

Наслышался я всякого: одни твердили, что партизан все перебили, а другие утверждали, что они ушли в Беловежскую пущу. Я же не верил ни тем, ни другим. И наконец-то отыскал одну группу, которая пробивалась на связь с фронтовыми частями. Фронт был уже близок. Ночью, за Полоцком, мы нарвались на засаду у железной дороги и там опять меня ранили. Мы вышли, и я долечивался у своих в госпитале. Пришел туда с двумя руками, а вышел с пустым рукавом.

Таня стала размышлять:

– С одной стороны Янко только и делал, что получал ранения, а с другой – Янко ходил от смерти в четырех шагах. И я слышала об этом песню: «Бьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза. И поет мне в заслонке огонь про улыбку твою и глаза. Ты сейчас далеко, далеко. Между нами снега и снега. До тебя мне пока не дойти, а до смерти – четыре шага».

Таня взялась опять за чтение и вдруг вздрогнула, прочитав фразу:

– Янко как-то напрягся и подался вперед и сказал с сожалением: «Чудится мне что-то брат...

– А что же тебе чудится? – спросил Ловгач.

А Янко Кулеш произнес:

– Погоди и до этого дойдем. Наливайка мне еще. Мой сегодня день и я тебя угощаю. Кажется мне, что ты остался человеком.

Ловгач махнул рукой:

– Хватит обо мне, ты рассказывай, рассказывай.

Но Янко сменил тон:

– Напрасно я тебя похвалил! Напрасно. Да и не таким ты был в партизанах!

Кулеш осмотрел добротный френч Ловгача и добавил:

– В начальниках ходишь?

Ответ был кратким:

– Я бригадир паркового хозяйства.

А Янко спросил:

– А меня на работу возьмешь?

Ловгач кивнул в знак согласия, а Кулеш опять задал вопрос:

– А анкету у меня спросишь? Где вы были с мая 43 года по июнь 1944 года?

– Брось! Наливай! – отмахнулся Ловгач, но Янко добавил – не водки. А свою горечь:

– А у меня то спросили: «Чем вы подтвердите, что были в партизанах?» А мне, что было ответить? Мол, сходим и посмотрим по колее паровоза и вагонов, на котором ехали фашисты «Нах остен», а подрывал этот состав....

А по утру они проснулись. Но Янки и след простыл...

Татьяна же решила почитать отрывки из книги Алеся Савицкого «Самый высокий этаж». Но, прочитав первую строчку: «Мы строим дом. Дом из пяти этажей», то сразу же расстроилась:

– Какой же это высокий дом, если в нем всего пять этажей. А узнав, что в доме пока штабели блоков и глубокий котлован для фундамента, огорчилась и вовсе. А потом себя же и подбодрила: «Не сразу же и Москва строилась. Называли ее белокаменной, а теперь Кремлевский бой курантов раздается по всему миру.»

И даже снова песню спела:

– Москва златоглавая, звон колоколов. Царь-Пушка церковная, аромат пирогов. Гимназистки румяные от мороза чуть пьяные. Осторожно сбивают рыхлый снег с каблучков. Конфетки, бараночки, словно лебеди-саночки: «Эй, вы. Кони залетные!» Слышен крик с облучка.»

Но, посчитав страницы романа «Самый высоки этаж», она успокоилась: «В романе около 250 страниц, и, как говорил Винни-пух: «Строили, строили и наконец построили!». Что-нибудь интересное и отыщу.

Таня открыла книгу почти в самом конце и прочитала:

– Ближится вечер. А я сижу в саду и пишу письмо Вале и стараюсь дописать его до темноты. Но тропкой к трассе прибегает Иринка и спрашивает:

– Ты не спишь?

Я ответил:

– Как видишь. Но не мне, а тебе надо уже ложиться спать.

А Иринка отвечает:

– Мне бабуля разрешила еще немного поиграть. А спать мне не хочется.

– Так надо было тебе мне так прямо и говорить, что спать не хочется, а не на бабушку ссылаться.

Из открытого окна слышится голос Великой матери. Но тут ему приходят тревожные мысли – они для него редкие гости. И я чувствую, как под влиянием моей тещи я утрачиваю власть над своей доченькой.

Об этом не пишу Вале ни слова. А на нашем участке назревают события довольно крупные. Только не знаю, когда грянет гроза, но уже вижу, что тучи зловеще сгущаются и в наших отношениях с Виктором нет никакого просветления.

Виктор приехал в понедельник, а встретился я с ним в среду. Он позвонил после обеда и спросил:

– Сколько времени ты будешь на участке?

Но я ответил, что никуда не собираюсь уезжать. Виктор сказал, что он скоро подъедет ко мне. И я понял, что Сытин звонил мне от главного инженера.

Когда подъехал Виктор, то сразу же поздоровался еще раз и потребовал показать мне проект. Но рассматривал он его недолго и тут же велел мне:

– Пошли на объект.

На объекте они стали обходить в доме этаж за этажом. Спустившись вниз Виктор сказал мне, указывая на фасад здания:

– Значит появились и лоджии? А они были в проекте?

Я ответил:

– В последнем проекте не было, а на первом были.

По лицу Виктора я почувствовал, что назревает буря и она не стала ждать.

– А кто вам дал право на это? Кто? Вы что собственный дом строите?

Я смотрел как он мечет гром и молнии: нахмуренные брови подрагивали, поджатые губы перекошились, а все лицо разделилось на две неровные части и каждая из них жила своей собственной жизнью. И неподвижными оставались у него только глаза, как толстые куску не растаявшего льда.

– Безусловно – промолвил я – мы руководствовались государ-

ственными соображениями.

Повисла тягостная тишина. Но вместо грома и молний Виктор сказал неожиданно:

– А лоджии то украшают фасады и здание будет замечательно смотреться с реки. Я же помню, как тогда спорили в области, когда обсуждали проект. Криштон – бунтарь. Узнаю его и здесь. Вы не бунтарь, а фокусник!

И я ответил:

– За то, что сделано, я буду нести ответственность!

– Ответственность? Если до этого дойдет, то всем достанется, и в первую очередь – мне.

– На меня, не на вас – сказал Виктор и мне пришлось ответить:

– На меня, старшего прораба и на архитектора.

– Вот, вот, на вас мне только и ссылаться – ответил Виктор и направился к машине.

Вот тут-то я и подумал:

– Что ни говори, а Виктор способный инженер. Ведь небольшие изменения в проекте в корне меняют внешний вид здания и делают их не похожими на другие безликие...

Но вдруг Виктор остановился и обернулся, устремив взгляд в небо. И опять улыбнулся каким-то другим мыслям:

– Целесообразность? Вот о ней я и думаю сейчас, и не могу простить, что не добился тогда именно бугрила назначить руководителем участка.

Эта удивительная метаморфоза меня обезоружила, но я гнул свое:

– У меня одна цель – строить! И я хочу, чтобы все, что я строю, было добротно и красиво.

Вот тут-то Ян увидел в глазах Виктора затаенную злость и понял, что главного разговора еще не было и не будет. Просто он не захотел обострять наши отношения и мне стало досадно.

– Молчим? – спросил Виктор помягче.

Да и что ответишь, если объективно получается именно так. А я с этим не могу согласиться. Видимо придется мне почаще сюда приезжать.

– А разве это не ваша обязанность? – спросил его я.

– Вот я и буду ее выполнять. Постараюсь ежедневно сюда

заглядывать, чтобы меньше получать «подарков». А то у вас неделю какую не побываешь, так потом месяц не разберешься, что к чему и откуда это взялось.

Вот теперь я и пишу письмо своей Вале. Правда опускаю кой-какие подробности, обхожу остроту в разговорах.

А в конце письмо снова о дочке. Между прочим, Иринка забыла, что мама уехала и у нее хватает времени и игрушек, и ей не хочется рано ложиться спать.

Татьяна, прочитав этот эпизод, подумала:

– Нашла коса на камень. Ведь оба персонажа горят желанием быстро и хорошо построить дом. Но их гордыня иногда мешает производству. Но, как говорится, в каждой избушке – свои игрушки. Как и у Иринки: «Отдавай мои игрушки, я с тобою не вожусь». А тут идет борьба не только за власть, а и за свое самолюбие...

И Татьяна продолжила читать:

– Правое крыло еще не завершено. На третьем этаже уже монтируют блоки новых стен. И я люблю мастерству Синицына. И мне кажется, что крановщик понимает каждый знак с земли еще до того, как он передан. А мощный кран легко поднимает огромные плиты, и они плывут в воздухе не качаясь, будто их несет не бессловесная машина, а умные человеческие руки.

– Мастак! – восхищаюсь я работой крановщика. – Опыт огромный. Он уже после войны начал работать на кране?

Но он мне говорит:

– Не, не сразу. Первых три послевоенных года у нас в городе не было ни одного крана, только лебедки. А кирпич на плечах носили, таскали.

Однажды я увидел, как Эдик перепрыгивает легко с блока на плиту и хотел отчитать его за это разгильдяйство и сказал ему:

– Ты чего вытворяешь? Хочешь свалиться?

А он мне ответил:

– Не могу даже если бы и хотел. Мне же еще жениться надо!

– Жених! Плюхнешься вниз – будет тогда тебе свадьба!

– А кому будет от этого беда? Разве только голубушка моя слезу уронит.

– Я тебе уроню! Мне из-за твоих трюков цирковых в тюрьму идти не хочется.

А у паренька то язык хорошо подвешан:

– В тюрьму? Да их же уже давно позакрывали на переучет.

– Ты слышал, что я тебе сказал?

– Так точно товарищ прораб. Мне приказано строго выполнять правила безопасности!

Но вдруг Виктор появляется на объекте с будущими квартирантами и смотрит на меня и отвечает на мое приветствие. Закуривает и прячет пачку в карман, но тут же спохватывается и вынимает пачку папирос снова:

– Кури... Хотя... ты же не купишь!

– Бросил – ответил я. – Раз и навсегда.

И мне кажется, что Виктору это решение тоже понравилось.

А Виктор пробурчал:

– Мог бы и другие привычки бросить.

– Не все сразу!

– А стоило бы. Тем более мы уже говорили об этом. И довольно основательно.

Я отвечаю:

– Говорить легко, а тут привычки!

И Виктор сухо произносит:

– А мы считаем, что эти привычки нужно ломать. Да так, чтобы дальше они и не прививались.

Виктор пытается сдерживать себя и говорить спокойно. Но его губы дрожат и я, глядя на его хмуро сведенные брови, заставляю себя сохранить шуточный и веселый тон:

– Ого! Впервые слышу не «я», а «мы». Прогресс!

В Виктор за словом за пазуху не лезет:

– Мы прогрессивными методами будем ломать и привычки!

– Посеешь привычку – пожнешь потуру! Ведь так ведь говорится, Виктор Павлович?

– Хватит аллегорий! Я сыт ими по горло. Я хочу знать, почему на участке мудрят?

– Говорите по конкретнее – прошу я вежливо и понимаю, что теперь не до шуток.

– В семнадцатой и в двадцатой квартирах плитки на кухнях и в ваннах не уложены. Почему?

Ему хотелось ответить: «По кочану!». Но он не стал дерзить, а спокойно ответил:

– Плитки не хватает. Мы досчитали. Поэтому делаем кафель на одну стену, но зато во всех квартирах дома.

– А кто же это вам разрешил?

– Сами.

– Сами? Так сами теперь и переделывайте. И предупреждаю: повторится такое – переделки за ваш счет. Или вы уже Ротшильд? Лишние деньги завелись?

– Дело не в деньгах.

Тут Виктор опять взвился, взбесился:

– Филантропия! Советую в последний раз: надо бросить вам московские привычки. Тут не Москва.

Но я спокойно ему ответил:

– Значит если Москва далеко, так можно на все и наплевать? Так что ли? Может быть вы мне это объясните?

– А тут не институт, где все объясняют. Строительство! Тут нужно работать и выполнять план.

Татьяна читала эти строки удивлялась, что разве можно так вести себя руководителю более высокого ранга, чем прораб. Она то знала, что на строительстве жилых домов главной фигурой и является прораб. «Так разве можно, – думала она – так издеваться над ним».

Но интрига так захватила Танину душу, что она снова стала читать роман «Самый высокий этаж»:

– Мы его выполняем и, кажется, неплохо.

– Это все и спасает – хмыкнул Виктор Павлович. – Да еще то, что за вашим участком внимательно следят.

Мы стоим недалеко от того места, где проявил лихость свою Якуш. За краем плиты – бездна. Но она какая-то нереальная: такое ощущение будто нет этой высоты, а мы стоим на земле. И у меня гаснет желание спорить с Виктором, не хочется шутить, но зато крепнет и растет чувство, которое я не могу ставить под сомнение, ни перечеркивать: между нами, как и перед этой плитой, на которой мы стоим, и землей – бездна.

Но уже Виктор сменил бесцеремонный тон и, будто в раздумье, заговорил уже спокойно:

– И все-таки я не могу взять в толк, неужели вы и впрямь не понимаете, что Зубок не себе строит дом, что не собирается он здесь жить, что его личная заинтересованность равна нулю?

– Возможно – ответил я, – но как понять настойчивость достойную лучшего применения. И скажу вам честно не хочу, чтобы на меня смотрели, как на руководителя, который не может, не способен обеспечить выполнение определенных требований, а который сможет выполнить любые требования. Виктор как будто и ожила такой ответа и воскликнул:

– Так отказывайтесь. Пусть ставят другого руководителя!

Я взрываюсь:

– Думаете с тем человеком вам будет легче?

Виктор шумно, как после быстрой ходьбы, вздыхает и говорит:

– Не обо мне речь. Я всегда делаю, что считаю правильным и нужным. Он – делает, он – правильный, он – пуп земли? А остальные кто? Дураки? Приспособленцы?

И тут-то я стал опасаться спора с Виктором. Да, он начинает говорить издали. Он умеет, начав разговор довести его до такой точки, что мне приходится оправдываться. А я же строитель и делал, и буду делать то, что подсказывает мне моя совесть. Мой напервейший долг.

– Стоп, стоп! – прерывает меня Виктор. – Пусть ваша совесть останется при вас. Я ее не контролирую. А вот о ваших прямых обязанностях этого сказать не могу. Я их буду только контролировать и требовать, чтобы они выполнялись.

– Но мне кажется, что они мною выполняются...

– Вот именно – кажется... А поэтому и в двадцать первой и семнадцатой квартирах перекрытия плохо зацементированы.

Я отреагировал мгновенно:

– Хорошо, я посмотрю

– Посмотреть- то мало. Надо исправить и немедленно. Сегодня!

– Исправим сегодня! И я говорю это честно: если мы допустили какую-то небрежность, так мне и спорить нечего.

А в моей голове роятся мысли:

– Да я соглашаюсь с Виктором и в тоже время хорошо понимаю. Сегодняшний разговор не что иное, как продолжение нашего спора. А тот кто спорит – ничего не стоит. И этот спор оказывается не исчерпан, а живет себе поживает и набирает огромную силу.

Зато Виктор не ожидал от меня такого упрямства. Виктор,

кивнув головой мне, спускается вниз. Выволочка мне сделана.

Ко мне же подходит Рогач. Даже не знаю где же был прораб во время нашего разговора с Виктором. Он заявляет мне:

– Пошумели?

– Приказы получены и очень строгие.

А Рогач сказал:

– Да я все слышал, но нос не высовывал. Милые бранятся – только тешатся.

Рогач, подперев голову кулачком, следит за машиной, в которой поехал Виктор и говорит:

– Любой прораб знает хорошо свои обязанности. А вот, что делать начальнику участка – надо подумать...

Рогач умолк, а я мучился, почему же он не высказал мне свою мысль и сказал ему:

– Если замахнулся, так бей! Так говорят деловые люди. И говорить нужно откровенно и до конца.

– А что можно и до конца – отозвался парень. – Если уж до конца, так я бы на вашем месте этого конца не стал бы дожидаться...

– Что-то я тебя не понимаю – удивленно произнес я, а он продолжил говорить:

– А просто. Плюнул бы и ушел бы. Да за вами и я бы ушел. А работа нам всегда найдется.

Я встревожился: от чего же он хочет предостеречь?

А Рогач молчит, молчит упрямо, словно меня испытывает и мое терпение. И вдруг оно у него лопнуло, и он быстро, быстро заговорил:

– Зачем уходить? Да, чтобы голову свою сберечь. Виктор не даст вам спокойно жить – это же любому рабочему видно. Когда то такое с Грушалем было. Он осмелился сказать правду в глаза Трофименко. Ну тот его и мазанул. Потом правда Трофименко из партии то и вытряхнули, но напакостить, он напакостил. Но чти до этого Грушалю, если он в Донбассе очутился. Плюнул на все – ушел, бросив все.

Я совершенно сбился с толку. Прекрасно знаю, что Рогач уважает меня, а я также отношусь к нему. Уважаю его трудолюбие и способность воспринимать любой мой приказ. И вдруг у меня возникает неприязнь к Рогачу. Но я глушу это подленькое чувство. Не даю ему волю. Ведь во всем нужно разобраться трезво и спо-

койно.

Наплевать? А на кого? На этот дом, так он же каменный. Может на мою работу? Так у меня на этот поступок рука не поднимается. Все что создано моим трудом и моих друзей – псу под хвост?!

– Ай – взмахивает рукой Рогач, будто отбрасывая от себя что-то. И на хмуром, густеющем у него лице, видно, что ему не хочется говорить со мною. Но высказаться ему хочется и он говорит:

– Вы никогда не будете работать в согласии с главным инженером. Не даст он вам работать спокойно: ни к одному, так к другому прицепится, как репей. А в нашем трудном деле столько прицепок, только отбивай их и выставляй их всем напоказ. Думаете вас кто-нибудь поддержит?

– А мне их поддержка не нужна – ответил я. – И не им, и не Виктору мы с тобой служим, да и не частный дом ему строим.

В ответ я услышал:

– Оно конечно правильно говоришь, попадаешь в точку...

И тут ответил ему:

– А зачем же мне плевать на то, что делается правильно?

Он ответил:

– Я своего мнения не скрываю и убежать со стройки не собираюсь.

Тут на плиту перекрытия выскакивает Якуш с прежним форсажем и идет по самому краю плиты. Я не сразу сообразил куда же он вдруг исчез с перекрытия. Слышу сухой, громкий треск. И в какое-то мгновение, спустя -тревожный, полный отчаяния крик:

– А-а-а, э-э-э-!

Затем на земле, внизу, слышу глухой удар. Притом удар такой силы, что цементная, бетонная плита перекрытия вздрагивает и мне уже кажется покачнулась стена, а дом вот-вот развалится на куски.

Ребята его несут на руках, шея и руки у него окровавлены. Но он жив и слегка улыбается. Якуш спасся чудом: падая с плиты он оттолкнулся от нее и упал не на землю, а на балки второго этажа.

У меня роятся мысли в голове:

– Предупреждал же его – не фокусничай. Вот и догусарил. Но взглянув на темные кровавые пятна на майке, кричу:

– В больницу, в больницу срочно.

Мне говорят:

– Ребята уже побежали. Сейчас должна подойти «Скорая»

А Якуш оправдывается:

- Не надо никакой больницы. Йода да бинта немного – все и пройдет.

Якуш пытается подняться на ноги, но его лицо становится бледным, а губы перекосятся от гримасы боли. Но он шепчет:

– Закурить... В пиджаке... Там... Моем...

Ему протягивают зажжённую папироску, а Рогач поправляет сунутый Якушу под голову чей-то пиджак.

Я шепчу:

– Как же так ты? А? Мало мы тебя просили – осторожно, осторожно, а ты по ней вприпрыжку.

Якуш оправдывается:

– Посмотреть хотел, крепко она там внизу закреплена. Дай обойдется товарищ, прораб.

– А если бы плита тебя придавила? – спрашиваю я. – Было бы тогда крепко.

Якушу трудно говорить и он отбрасывает прикуренную папироску и просит:

– Воды.

Ему приносят из прорабки кружку с водой. Он жадно выпивает несколько глотков. Но тут же лежит неподвижно, закрыв глаза.

Я говорю:

– Ты потерпи, потерпи. «Скорую» уже мы вызвала. Отвезем тебя к врачам, а там тебя подлечат...

Якуш открывает глаза, а солнце бьет ему в лица и он, зажмурясь, просит:

– Солнце-то сильно печет... В тень бы меня.

Около стенки прорабки быстро сооружаем на досках постель из телогреек и брюк комбинезонов.

Но Якуш не хочет лежать, а сидит на постели, прислонившись спиной к стене. Глаза его закрыты. Затем голова его свешивается на грудь, и он сам пытается прилечь. А лежа стонет от боли, стиснув крепко свои губы.

Якуш кажется маленьким и слабеньким ребенком.

Но резко сигналил «Скорая помощь» и его на серых брезентовых носилках относят в машину. А мы стоим и смотрим вслед «Скорой помощи», за которой клубится облако пыли.

Татьяна, когда она читала эти скорбные строчки, подумала, что кой-кому достанется на орехи. И как в воду смотрела...

По тресту был издан приказ и меня освободили от должности старшего прораба первого участка. Я взбунтовался и хотел пойти к Виктору поговорить. Но приехали бригады строителей из соседней области, а при чужих людях беседовать с Виктором нет смысла. Ведь говорить ему о методах угодничества можно будет и попозже.

А пока я сижу и жду, когда же Виктор освободится. Дверь кабинета открылась внезапно и из него вышел Виктор, окруженный гостями. Он встречает мой взгляд, но делает вид, что не заметил. Посмотрел поверх голов. Я развернулся и пошел домой. Тесть ушел к соседу, Иринка гуляет с бабушкой. Поэтому я разложил на столе бумаги и пишу, пишу... Пишу письмо в Минск, в редакцию газеты. Решение написать в редакцию возникло на прошлой неделе. Первый вариант написал быстро, но на другой день прочел – сухогато написано, а нужны доказательства. Зашел ко мне знакомый Борис и спросил меня:

– О-о! А бумаги-то перевел сколько! Повесть? Роман? Или может быть трилогия?

Я ему отвечаю:

– Нет. Это скорее некролог...

– О, чеховская скромность. Если хочешь, то могу отвезти письмо в Минск, чтобы быстрее было.

Через некоторое время зашел в киоск и стал читать, а там не письмо, а статья! На первой странице, на самом видном месте! Да и заголовок большой и броский. А под ним моя фамилия. Не внизу написанная, а вверху, большими черными буквами.

Пришел домой. Телефон звонит долго, протяжно, беспрерывно. Поднимаю трубку и слышу раздраженный голос Виктора:

– Повымерли вы там все? Звоню, звоню...

– А кто вам нужен?

– Хо-хо! Писатель! Не узнал – богатым будешь.

– Конечно буду – отвечаю я. – Получу зарплату и разбогатею.

– А почему до сих пор не получил? Я все проверил и дал

распоряжение. Можешь идти и получить.

– Подожду – ответил я, а он:

– А зачем ждать-то?

– Да пока проценты нарастут, как в сберкассе.

– Вижу, что мира ты не хочешь, а мир ведь лучше любой потасовки.

– Не я ее начинал. И думаю, что кончать тоже надо не по телефону. Компромиссов больше не будет.

– Так чего же ты хочешь?

– Правды и справедливости!

– Правдоискатель нашелся!

Сухо щелкает мембрана телефона. Виктор зол и взбешен – бросил трубку на рычаг своего телефона.

– Ну и пусть – думаю я. – Это же мой дом, наш дом будет построен. Ведь остался последний этаж, но не дома, а в моей личной жизни. И я сделал его. И в нашей жизни, и в нашей работе, в моей личной жизни. Надо быть честным и мужественным. Иначе нельзя. Если я сегодня не помог другу или даже незнакомому человеку, то завтра почувствуешь, что готов на высокий и славный подвиг. Если сегодня я сброшу камень с дороги, который мешал людям идти, то завтра тебе захочется новую трассу. Жизнь человека, как строительство нового дома. Каким построишь – таки он и будет.

Я посмотрел на небо, а оно голубое, голубое. А стрела крана, как поднятая для приветствия рука, кажется легкой и невесомой, свисают в конце блестящие нити тросов. Вдруг появилось над краном небольшое белое облачко, а над ним в упругой и высокой вышине, как стрелки, мелькают черные стрижи.

Глава: По городам и весям Беларуси.

Когда у Татьяны родилась доченька Ольга, ее муж Юрий восстановился в институте. Ведь ему было необходимо получить высшее образование. И он, проучив три курса, сделал таймаут.

Но все же для карьеры было нужно получить диплом инженера. Им пришлось поехать и родного Городка в Гродненскую область в городской населенный пункт Волковыск. Как раз в Волковыске и было для них пристанище в общежитии: Гродненского литейного оборудования станко-строительного института.

И уже 1 сентября Юрий пошел на работу. Ведь институт – заочный, а без работы жить то на что? А Таня, прочитав книгу Алеся Савицкого «Самый высокий пятый этаж», крепко-накрепко поняла, что только правда жизни и работа по плечу могут их вывести на широкую жизненную дорогу. А она была справедливой и трудоспособной.

Наведали молодоженов и Юрины родственники – отец и бабушка. Как никак правнучка Оленька появилась на свет божий. Отпраздновали они за праздничным столом и пожелали им любви и здоровья. А раз есть помощники, которые могут ухаживать за Олечкой, то Татьяна попросилась на работу в магазин спорттоварами. Таня отработала там пару дней, хотя титул для нее и высок – заместитель директора. Спортом Татьяна занималась только в детстве. Тогда она любила эти игры. Но, узнав, что в универмаге есть огромный отдел детской игрушки, Татьяна согласилась управлять им.

Работала она, как всегда с огоньком. И вскоре Таню наградили грамотой за хорошую работу. Юра даже посмеивался: «Везет же дуракам и пьяницам!» Хотя устраивать пьянки и гулянки она никогда не собиралась. Да и Юрий старался проявить себя и на работе, и в домашней обстановке. Да и справку на работе за ответственность за товары на магазинном складе ей пришлось подписать. На любой работе всегда ведется учет товаров или продуктов, как у Тани, игрушек.

Однажды Таня так замоталась, что в четвертом часу ночи ей приснился кошмарный сон:

– Иду я мимо нашего магазина и увидела, что на втором этаже окошко светится. Но ладно, что окошко сияет, может быть я выключу

чить свет в этой комнате позабыла. Но около этого окна проходит вверх на крышу пожарная лестница. Татьяна сразу же поняла: а вдруг это воры или бандиты туда залезли. Ан, нет: по лестнице поднимаются обыкновенные мальчишки.

Пришла на работу Татьяна не ночью, конечно же, а днем. На работе полный порядок: все игрушки-погремушки на полочках разложены. И... вдруг сработала сигнализация!

Она бросилась искать от чего же она сработала. Да под лестницей в коморку висел замок, но для видимости. Вот мальчишки его открыли и залезли в отдел игрушек и перекаладывают с места на место, шуршат тихонечко, как в норке под полом серые мышки.

Увидев Таню, они зарыдали и попытались смягчить свою вину:

– Тетя Таня мы ничего не испортили и не украли. Просто таких красивых игрушек у нас дома не было и в помине. Вот мы и решили поиграть в вашем магазине. Мы нечаянно.

– Ладно, мальчишки – сказала им Татьяна – хотя и говорят, что за нечаянно – бьют отчаянно, но бить я вас не собираюсь если все на месте. Быстренько идите по домам.

Они ушли быстро-быстро, а Татьяна подумала:

– Вот есть же в народе поговорка: «Сон в руку». А мне этот сон как будто и был послан в руку. А ребятишки просто заигрались. Ведь игрушки то такие красивые, что и я бы поиграла с ними.

Да и их родственники долго не задержались, а потом уехали в Городок, восвояси.

Однажды Татьяна задержалась на работе. Родители во славу города Волковыска собрали собрание, поговорили о проблемах. А тут Гродненское руководство стало проводить селекторное совещание. Проблем и разговоров было много и Таня уже занервничала:

– Скоро девять часов вечера, а она не заканчивают.

Танина душа рвется домой, ведь дочка осталась на попечении Юры в садике. Папа же за ней присмотрит. Она, на всякий случай, все же заглянула в детсад, а там Олечка со сторожихой-бабушкой около крыльца гуляет. Всех ребятишек родители увели домой, а Оля терпеливо поджидает папу. Хорошо, что мама подошла к ней.

Когда Татьяна с Олей пришли в общежитие, то увидели, что Юрий спит крепким сном. Пришлось Татьяне укладывать Олечку спать-почивать.

А в марте 1981 года, когда Оля подросла, на семейном совете Таня и Юра решили купить мотоцикл с коляской «Иж». Они приценились к мотоциклу и за тысячу рублей приобрели «Иженка». Вот тут-то в летнюю пору по вечерам, а больше всего по выходным дням, все трое оседлывали этого «коня». Юра за рулем, Таня на заднем сиденье, а Олю сажали в коляску. Юра не лихачил, а вел «Иж» осторожно. Оля рассматривала пейзажи и слева, и справа, а иногда и вдоль.

Имея мотоцикл Таня и Юра с Олей приезжали даже в Беловежскую пущу, о которой композитор Пахмутова написала музыку, а ее муж – стихи. Душа радовалась, когда они слушали по радиоприемнику эту лирическую песню.

Но не только ездили для души, но часто ездили в эту знаменитую Беловежскую пущу за грибами и ягодами. Разумеется, ягоды быстро таяли во рту. А у Оли нос и щеки были все время в малиновом соке. Но у ручья Таня смывала с Олиного лица этот индейский грим свободолюбивых индейцев.

Зато чуть позже заехали в лесок, а там грибов лисичек видимо-невидимо: хоть косой коси! Но сначала так и делали, чтобы забить грибами-лисичками наволочки, а потом успокоились и стали собирать только ядреные, отборные грибы. Обложили вокруг они эту «добычу», а потом дома и солили лисички, и жарили, и парили. Кроме лисичек они набрали подосиновиков и боровиков. Но брали и подберезовики. Правды Таня огорчалась, когда она разламывала у подберезовиков шляпку. Иногда на подножке было видна чистота шляпки гриба, а иногда... Таня брезгливо морщилась, увидев в разломе червей, которые корчились и извивались как от боли.

Но, как говорится: «Селяви», что в переводе означает «Такова жизнь».

В 1991 году Татьяну назначили начальником отдела Центрального Райпо. Цены были фиксированные, а после развала Советского Союза отпустили на свободу. Как пел Олег Газманов: «Мои мысли – мои скакуны». И поскакали цены бешено, не глядя по сторонам. Приходилось считать, накладные в одну стопочку складывать, изучать надбавки и знаменитый НДС – налог на добавленную стоимость. А на сколько этот налог повышать и как он может взлететь, одному... Про Бога Таня упоминать не стала, но скажем так, есть одна народная поговорка: «Каждый суслик –

агроном.» А когда на поле колосятся злаковые культуры, то для «сусликов» начинается лафа: сколько зернышек напихают «суслики» за свои огромные, как мешки, щеки, столько и перемелят они их и загонят в свою огромную утробу.

Затем Татьяна стала работать в Райзаготконторе, где продавались не только овощи и сыры с колбасами, а и «тряпки»-мануфактура, хорошие ткани. Она занималась бухгалтерией, подшивая документы от 1991 года до 2003-го... Но это было потом. А пока Татьяна радовалась каждому дню и писала стихи о своей великолепной жизни. Одно из первых стихотворений Татьяна назвала «Благодарность судьбе». И было написано оно ко дню рождения мужа Юрия:

Я тебя встретила случайно.
И мыслей не было о том,
Что эта встреча станет счастьем,
Которое войдет в мой дом.

С тобой рассталась, не надеясь
Увидеться еще хоть раз.
Но почему-то сердце билось,
Припомнив встречу в поздний час.

Шло время. За делами
Я стала забывать тебя...
Но вдруг – письмо, твои слова
«Я полюбил тебя».

И сердце радостно забилося
Волнение скрыть я не могла
И счастье на лице светилось-
Ко мне любовь пришла сама.

С тех пор уж в мыслях неотступно
Всегда везде ты был со мной
И день настал под звуки марша
Ты навсегда мне стал родной.

Теперь ты для меня как воздух
Как солнце луч в кромешной тьме
И благодарна я судьбе,
Что в жизни встретился ты мне!

Восклицательный знак в конце стихотворения «Благодарность судьбе» Татьяна поставила с удовольствием. После этого эпизода Татьяна написала стихотворение «С юбилеем!». Да, юбилей этот был двадцатипятилетним, а потому Таня написала этот стих на одном дыхании:

Сегодня мы опять с тобой,
Как 25 тому назад.
И снова здесь передо мной
Любимые глаза.

И, глядя в них, сейчас скажу я,
Наверное, уж сотый раз,
Что навсегда тебя люблю я,
Как 25 лет тому назад.

Как благодарна я судьбе
Что в жизни встретился ты мне
Спасибо за добро и ласку,
Улыбку милую твою.

Чтоб жил ты долго не болел
Я бога каждый день молю
И чтобы на скамейку парка
Опять нас привела любовь
И были вместе руки и глаза
Как 50 тому назад.

Татьяна написала это стихотворение искренне. Но все-таки чувствуется, что это ее проба пера, как в поэзии, так и в жизни. Время же летит быстро, а стихи нужно писать так, чтобы любой ее знакомый чувствовал важность для них двоих, какой важный отрезок жизни они преодолели. Но...

Тут мне осталось только вздохнуть, читая первозданные стихи Татьяны, прочитав стихотворение ее чрез год от «С Юбилеем!» под названием «Я не могу сказать «прощай»».

Это стихотворение написано Татьяной не экспромтом, а к какой-то юбилейной дате, но от души и от ее горячего сердца. А раз поет душа, то и строчки тиха «Я не могу сказать «прощай» вдруг преобразились и стали величаво поэтическими. Потому я предлагаю вам прочитать Танины очень даже неплохие стихи:

Я не могу сказать «прощай»
Я не могу расстаться навсегда.
Исчезнет жизни смысл моей,
Впустую будут течь года.

Ведь половинка ты моя.
И сердце значит на двоих
Как разорвать его без боли,
Ведь это выше моей воли.

Я много думала, решала
Как поступить с тобой не знала
Любить, забыть, простить ил ненавидеть
Нет! Я не могу тебя не видеть.

Эти стихи Татьяны с философским клоном. Взять хотя бы одну фразу, в которой требуется поставить знак препинания так, чтобы не промахнуться в своей дальнейшей судьбе. Таня сделала выбор: «Я не могу тебя ненавидеть. Нет!» А в той фразе, о которой я размышлял где поставить запятую, сейчас же и скажу читателям. Вот она: «Казнить нельзя помиловать». Если мы поставим запятую после слова «казнить», то вот жестокий приговор уже состоялся: «Казнить. Нельзя помиловать!». Но если запятую перенести дальше, то получится совсем друга история: «Казнить нельзя. Помиловать!» Но после раздумий, как для Витязя на распутье, коней же дорогой нужно найти, Татьяна пишет более мощное и замечательное стихотворение с кратким названием «Пробуждение».

Но фокус в том, что сама Татьяна, выбрав какой дорогой идти, она пишет это стихотворение, как пробуждается природа. И вот это стихотворение:

Спала природа зимним сном,
Печально было за окном:
Свинцово небо, снег да ветер
И путника не часто встретишь.

Душа в таком же сне была
Покоем и тоской наполнена
Но все мы знаем наперед,
Что скоро-скоро все пройдет.
И час настал!

Прорвалось солнце, тают льды
Блинами празднуем мы проводы зимы
И птичий гомон до небес
Заполнил поле, луг и лес.

А воздух чист, и свеж, и светел,
И счастья жить на этом свете
Тоски уж нет, душа поет
И милый с миленькой идет.

Звонок, шаги, открылась дверь
И рядом мы с тобой теперь.
Я не могу поверить в это счастье
Я умерить хочу в твоих объятьях

И знать – любима и люблю я!
Целый Мир в тебе, я завидую сама себе
Это вечный сюжет:
Друг без друга нам и жизни нет!

Я взял это уникальное, красочное, душевное, лирическое, любовное стихотворение и, когда я встретился со своими коллегами в Союзе писателей России, хотя состою еще и в Союзе писателей Беларуси, и прочитав стихотворение Татьяны, спросил одного поэта:

– Кто это стихотворение написал?

А он ответил:

– Скорее всего Анна Ахматова.

Второй сказал немного помолчав:

– Наверное Белла Ахмадулина.

А третий и вовсе меня обескуражил:

– Нет, нет, скорее всего это схитрил мой любимый поэт Афанасий Афанасьевич Фет.

Я ответил им:

– Очень жалко, что скорее всего, никто из вас не угадал. Написал стихотворение «Прощение» совсем другой автор.

Мои собеседники стали упрашивать меня:

– Так чего же ты нам морочишь голову, если не называешь нам автора этого стиха?

Тут мне пришлось задать им простенький вопрос:

– А вы, друзья мои, умеете держать в себе тайну?

Они чуть ли не хором сказали:

– Конечно умеем хранить любую твою тайну.

И тут мне пришлось разочаровать их:

– Вы знаете я тоже умею хранить тайну. А вот если она или он разрешат мне назвать имя автора, тогда-то и отвечу вам всем...

Следующее стихотворение Татьяна назвала «Счастье»:

Как сладостно душа от мысли той,
Что не одна я в мире этом
Что на земле есть мой родной,
Подобный солнечному свету.
Едены мы умом и телом, и душою
И вместе, я не врозь, всегда с тобой.
Никак не можем мы наговориться
Живой водой любви не можем мы напиться.
Промчались годы быстрой птицей
И на висках давно уж седина
К нам молодость уже не возвратится
Но чувства наши не погаснут никогда.
Когда уйдем мы в мир иной
То можем там и встретиться с тобой.
Как Маргарита с мастером соединится
И будет свет любви большой с небес
На землю грешную струиться.

Тут я, прочитав стихотворение Татьяна «Счастье», понял ее мысль:

– Конечно же наша жизнь не бесконечна же, а мы не вечны и, разумеется, мы уйдем в мир иной. Но если любовь была настоящей, и она считает, что ее муж подобен солнечному свету, то и любовь их не угаснет никогда. Вокруг солнца вращается не только наша земля, а множество и других планет. Один из поэтов даже мудро сказал об этом:

– Людей неинтересных в мире нет:
Их судьбы, как история платен.

А как, продолжал я анализировать стихотворение «Счастье» Тани, она умело создала образ нескончаемой любви: «Никак не можем мы наговориться, живой воды любви не можем мы напиться»

ся». И понятно живая вода даже в сказках творит чудеса. В страшной битве ратной погибнет наш славянский воин, зарубленный мечами, саблями. А его жена отыщет тело, да сбрызнет живой водой, а он проснется и скажет: «Как же долго и крепко я спал».

– Но главное, – думал я, – что даже Иисус Христос, погибший на кресте от рук римских легионеров, воскрес. А ведь я когда-то написал стихотворение об этом. И я об этом обязательно расскажу Татьяне. И свое слово сдержал:

Лихою поход кою кавалериста
Шел Понтий Пилат по аллее тенистой
Был в белом плаще он, с кровавым подолом
Ту кровь на кресте никогда не отмоем.
Шакал прокуратор признаться, не смея:
«На плаху. Без страха, идут за идею.
Я – римский наместник, вершина у власти
Над жизнью его оказался не властен».
Казнили, но имя его не забыто,
Хоть был он, казалось, страшнее бандита.
Закон то суров, но ведь это – закон!
Какую же истину знал только он?
И к небу взмолился и Понтий Пилат:
«Решению судей я вовсе не рад.
Ответь мне Спаситель, в чем был я не прав?»
Воскрес я смерть смертью своею поправ.

Но ведь и в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» в концовке Иисус Христос идет по облакам неба и беседует с грешниками. Но тут я зале с такие дебри, что тут же стал опять читать лирическое стихотворение Татьяны:

Невозможно тебя не любить,
Невозможно тебя позабыть,
Невозможно не думать о том,
Как прекрасно с тобою вдвоем.

Ты такой, о котором лишь только мечтать
Ты такой, что и жизни не жалко отдать.
Ты такой дорогой для меня человек
И хочу быть с тобою я рядом навек.

Чтоб смотреть в твои любимые глаза,
Чтоб помогать тебе во всем и всегда,
Чтобы любить тебя душой и телом
И не на словах любить, а делом.

Пусть стремительно мчатся куда-то года
Не расстаться с тобой теперь никогда
До конца нам по жизни с тобою идти
Ведь сильнее любви очень трудно найти.

Тут, как говорится, комментарии излишни...

Глава: Как тонкий стебелек землю пронзает, звонит великая поэзии строка.

Поэтессой Татьяна стала не сразу. Она и не собиралась становиться поэтессой. Хотя стихи женщин-поэтов она читала. Но это были знаменитые женщины. Взять хотя бы Анну Ахматову. И то ей помогал стать лирическим поэтом ее муж и поэт Николай Гумилев. А Таня читала стихи многих поэтов и поэтесс, и потому тоже писала иногда... нет ни поэму, ни баллады, и даже не стихотворения, а стихотворные четверостишья. Но зато Таня их всегда записывала на листе чистой бумаги. Жизнь летит быстротечно. Много разных этих четверостиший, но каждое отразило пыл ее душа. Одно из первых звучало так:

Не осуждай других
Ты сам не лучше их.
Ведь жизнь бывает зла
Но остается доброю душа.

Я удивился, как Таня умело выразила свои мысли: ведь в первых же двух фразах у нее звучит библейская притча: «Не суди других – да не судим будешь». А в следующих двух строках она желает всем быть добродушными и не злиться по пустякам.

И вот следующее четверостишье Татьяны:

Ты не грусти, что день прошел
И не мечтай о том, что дальше будет

Порадуйся, что друг к тебе зашел,
Благодари, что путь свой труден.

Тут мне вспомнилось одно стихотворение, в котором говорится: «Мелькают дни, проходят месяца и медленно слагаются года... Но так же бьются жаростно сердца у сердца Данко – Вечного огня!».

И вот следующее стихотворение Тани:

Да не грусти ты о былом
Будь рад ты каждому мгновенью,
Вина не выпьем в мире мы ином
Руки не ощутим мы к сожаленью.

Как в капле воды отражается океан, так и Таня говорит о притче, в которой говорится: «Выпей мере, друг...» А разве можно это сделать? Хотя фраза Татьяны: «Вина не выпьем в мире мы ином...» меня подтолкнула к одной анекдотической мысли. И вот тот анекдот: «был конкурс кто может выпить вот такую цепочку принятия алкоголя: рюмку, стакан, бутылку, ведро, бадью, бочку, цистерну... На нем были люди разных национальностей, и они пьянели, и валились на пол выпив кто бутылку, кто ведро и даже бадью и падали на землю мертвецки пьяными. А наш Ванька дошел до цистерны, но пить ее не стал, а сказал: «Все, ребята, мне хватит. Я норму свою знаю... И выше из этого конкурса».

Но Татьяна меня посадила в лужу - она произнесла:

– Владимир Викторович вы допустили в том анекдоте грубую ошибку. Ведь на конкурсе выпивох жюри начинало с цистерны, а потом уже доходили до рюмочки. Так вот наш соотечественник умудрился дойти почти до финиша, а рюмку пить не стал, сказа ту фразу: «Я свою меру знаю».

Что ж, мне только осталось руками горестно развести и признать:

– Да, Татьяна, вы правы! Но ведь и на старуху бывает проруха.

А потом снова стал читать стих Тани:

Ведь Бог – любовь, любовь есть Бог
Не будь же ты ко мне так строг.
Я плачу, каюсь, но люблю
И отпущению грехов молю.

В этом четверостишье главное – первая строка. Если супруги обвенчались, значит они любят друг друга. А ведь недаром говорится, что браки заключаются не в ЗАГСах, а на небесах. Но что-то пошло не так в судьбе Тани. Она плачет, но крепко любит своего мужа.

Но в следующем стихе Тани слышится, что и на дороге совместной жизни бывают встречи, в которых говорится: «Что не делает дурак, все он делает не так».

И вот стих Тани:

Как тяжело общаться с дураком,
С ним неприятно даже за столом.
А с другом улетела хоть куда
С ним даже не страшна была беда.

И я понял, что у Татьяны с мужем начинается эйфория и ей не страшны ни горе, ни беда. И Таня ее и подтверждает:

Давно мечтала я о том,
Чтоб сутки быть с тобой вдвоем:
Глаза в глаза, в руке рука
И обалденный запах шашлыка.

Прочитав последнюю строчку стихотворения у меня даже слюни потекли от этого обалденного запаха шашлыка. Эти стихотворения были датированы Татьяной в августе 2014 года. Но уже в ее стихотворениях датированных 2010 годом чувствуется, что она не только верит в Бога, а сама живет по Его законам:

В мудрой книге бытия
Всевышний завещал:
«Любить другого как себя»
Взамен всем счастья обещал.

И ведь небольшая семейная ячейка из четырех пока человек: Тани, Юрия, Олечки и Катеньки, этот закон соблюдает. Но ведь есть и противодействия в нашем мире. А Татьяна пишет:

Иной из кожи лезет,
Чтоб мир завоевать...
Не утруждайся, будь любезен
Ведь ничего с собой туда не взять.

– Да, подумал я, – как хорошо написала Таня в этом стихе. В мир иной никто с собой не взял. Но память о них мы будем помнить. Но Таня не только вспоминает об ином мире, она предупреждает своих друзей, что как аукнется, так и откликнется. А по ее рассуждению может получиться метод бумеранга: запустить его проще-простого, но вот заковырка то какая: бумеранг, описав дугу, стукнет по лбу самого себя. И вот ее стих:

Ты помни метод бумеранга,
Не делай никому ты зла...
Оно вернется поздно или рано
Не будешь знать откуда и когда.

Но тут же в другом стихе Таня говорит:

Иду я в храм, иду я к Богу,
Он указал мне в жизнь дорогу.
Соприкоснувшись с ним душой
Насытилась водой живой.

Но она завершает этот цикл стихотворений покаянием Богу:

Плодами нашего греха
Наказывает нас Бог.
Об этом помни ты всегда
При выборе дорог.

А эта последняя фраза, как мне кажется, и обращена Таней к своему супругу. Но и дальше она сама набирается мудрости, чтобы ей не попасть впросак и пишет вот что:

«Да будет вам по вере вашей»-
Сказал один мудрец.
«А кто не верит в мудрость эту-
Во истину глупец».

Но утро вечера мудренее. Таня желает заглянуть в далекую даль хоть одним глазком и пишет вот о чем:

Проснувшись утром – слава Богу!
На мир с любовью ты взгляни.
Не ведает никто к нему дорогу
Никто не знает и своей судьбы.

– Да, – подумал я, прочитав тот стих. – Пути Господни неисповедимы. Но в следующем четверостишье Таня уверена, что мы рабы Божьи. Но в миру то она не будет раболепствовать и отбросит оковы от себя греха. И вот этот стих:

Ты слушай Бога и познай Его,
Плохого он не скажет ничего.
Свободным станешь ты от оков греха
Среди рабов не будешь никогда

– А что и говорить – подумал я, прочитав о жажде свободы Татьяны. – И ее вольнолюбимость и уверенность действительно позволит не быть «среди рабов»! А эйфория Татьяны помогает ей получить радость и блаженство. Впрочем зачем же мне раскрывать ее желания. Она об этом ведь великолепно сказала сама:

Какая радость и блаженство,
Освободившись от грехов,
Душе живой, свободной, нежной
Подняться выше облаков.

Но завершающий аккорд у Татьяны на той же волне и упоает Богу:

В нас совесть спит, а ум молчит
Просим мы, не боясь огня.
И милосердный Бог нам все простит
Простим ли мы, безумные себя?!

Это сказано Татьяной о прощении самих себя четко и ясно. К тому же она поставила в конце стиха восклицательный и вопросительный знаки. Поэтому я тоже не стал комментировать этот стих. Она же уже все про себя рассказала.

Но как будто после вопросительного знака Татьяна пишет сразу три ярких, солнечных стихотворений.

Итак, уважаемые читатели, попробуйте прочитать их. Вот первое:

Сильней любви взаимной – чувства нет.
И мир сияет, словно солнце свет!
Но вот расстались мы с тобою
И мир стал бездною пустою.

– Что ж – подумал я, – надежда умирает последней. Только что сияло не только солнышко, но весь мир и вдруг – наступил мрак, который бездна тоже поглотила.

Во втором стихе Татьяна не отрекается от яркого солнышка, но в нем звучит уже некий надрыв, мрачный мотив о старухе с пустыми глазницами и с косою на плече, которая косит всех людей, не обращая на них внимания – стар он или млад...

И вот этот стих:

Люблю тебя, люблю, люблю
Готова повторять я это бесконечно
И если смерть разлучит нас –
Любовь останется со мной навечно.

Но и в третьем стихе у Татьяны есть альтернатива: или-или. Но он все же радует читателей и, разумеется, и меня:

Когда тебя со мною рядом нет,
То меркнет предо мною солнца свет.
А лишь увижу только я тебя
Встает над миром алая заря.

Но годом раньше Татьяна в 2013 году писала более развернутые стихи и не только о любовной лирике. Ведь о природе и родном городе Городке она написала тоже три стихотворения.

Таня не пишет заглавия своим стихотворениям. Но разве это важно, когда музыка без слов и со словами льется на бумагу. И вот это стихотворение Тани:

В окружень лесов и озер голубых,
Разноцветных лугов и полей золотых
На высоких холмах Городок наш стоит
Купалами церквей в синее небо глядит.

Как невеста весной в белоснежных садах
До осени пестрой в цветах.
Он тихий, уютный, совсем небольшой
Его я люблю всей своею душой.

Он краше становится день ото дня
И радует всех детским смехом звеня.
Прекрасные люди у нас здесь живут
Во благо направлен почетных их труд!

И учат, и лечат, и сеют, и жнут
А в праздники пляшут и песни поют
И свято мы чтим, да и помним всегда
О тех, кто погиб в те лихие года.

И каждой весной им цветы возлагаем
И вечный огонь в память им зажигаем.
Пусть счастье и мир воцарят на Земле
И в нашем родном, небольшом городке.

Я читал это стихотворение Тани с радостью, что она так сумела прославить свой родной и любимый Городок. На самом деле он очень уютный и красивый. Практически во время войны с фашистами он был разрушен. Но потом, как птица Феникс, воскрес из пепла. И если бы в наше время жил бы мой коллега и тезка поэт Владимир Маяковский, то он бы с восторгом сказал о Городке:

– Светить везде, светить всегда, до дней последних, до конца!
Светить, и ни каких гвоздей – вот лозунг мой и Солнца!

Но это я к слову сказал, а на самом деле мне понравилось стихотворение Татьяны. Она отразила в нем красоту своей Беларуси и вот какими красками: леса и голубизна не только на небе, а и воды. Да и луга с полями у нее отливают золотым блеском.

А город Городок у Тани, как и полагается, на высоких холмах возвышается, где синева небес сливается с синими куполами церквей на холме града. Зато белоснежные яблоневые цветы она сравнивает с невестой, которая одела подвенечные фату и белоснежное платье, знак ее непорочности показала Татьяна. Она говорит о прекрасных земляках своих, которые великие труженики. Они мастера на все руки: и учат, и лечат, и сеют, и жнут. А по праздникам пляшут и поют песни.

А свои лихие года Беларуси во время Великой Отечественной войны она показывает, что в память о погибших солдатах и офицеров зажигают Вечный огонь. И я вспомнил, прочитав это стихотворение Татьяны, что есть одно стихотворение, в котором говорится как раз о вечном огне.

Мелькают дни, проходят месяца
И медленно слагаются года...
Но также бьются яростно сердца
У сердца Данко – Вечного огня.

Он будет вечно в памяти людской
Солдат тот старый или молодой...
Хоть не известный, но уже герой,
Что нашу Землю заслонил собой.

Перевернув страницу, я увидел еще одно стихотворение, которое Таня посвятила только о памяти людской – про ветеранов Великой Отечественной войны.

В нем каждая строчка заденет любого земляка Тани. Ведь во время этой войны погибли каждый третий воин Беларуси. Когда я читал Танино стихотворение, у меня невольно появились слезинки и мне вспомнилось стихотворение Владимира Высоцкого:

У братских могил нет заплаканных вдов,
Сюда ходят люди покрепче...
Но носят и носят букеты цветов,
Да разве от этого легче?

А Татьяна это стихотворение свое заканчивает вот как:

И детям, и внукам своим завещать
Их подвиг вовеки не забывать
И мир на планете нашей беречь
Чтоб были сраженья спортивных лишь встреч.

А вот, уважаемые читатели, и все стихотворение Татьяны Губернаторовой:

Что сказать я могу о войне,
Чем могу поделиться я с вами.
Не пришлось в ней участвовать мне
Но о ней не забыть мне с годами.

Мой долг – ежегодно на праздник ходить
И все, что могу – так цветы возложить,
С опущенной низко стоять головой
Над вечным огнем, над могилой святой.

На строй ветеранов сквозь слезы смотреть
Стихи им хвалебные, песни им петь.
И детям, и внукам своим завещать
Их подвиг вовеки не забывать.

Да мир на планете нашей беречь,
Чтоб были сраженья спортивных лишь встреч.
Готова прославлять его во всякий час
О, господи, прости, помилуй нас.

– Да, это не только стихотворение Татьяны – подумал я, прочитав этот стих-исповедь ее, – а духовное общение с Богом. А значит она уже поверила Ему навсегда.

И вот Таня о своем благоговении пишет еще одно стихотворение, которое очень красноречиво. Но сначала я предлагаю его прочесть, а потом уже проанализировать поэтические строки:

Горят, мерцают в церкви свечи
И трепетом своим нам души лечат.
С молитвой их к иконам ставим
И скверные греховодные мысли там мы сжигаем.
А мысли роятся у нас в голове
О жизни и смерти, и о грехе.
А пламя трепещет, умы просветляет
И души любовью воспаляет.
И слезы раскаяния тихо текут
А с ними все скорби и беды уйдут.

Это лирическое и глубокое божественное стихотворение трепещет как огонек свечи в душе Татьяны: мерцают свечи и вызывают трепет души. А затем огонек свечи лечит даже душу Татьяны и ее ум. Но больше всего потрясли меня две последние строки: И слезы раскаяния тихо текут и с ними все скорби и беды уйдут. Вот эта фраза Тани про скорбь и беду и заставили даже меня проследиться. И тут же у любого вызывает это состояние божественное и лирическое стихотворение Татьяны.

В следующем стихотворении Татьяна упоминает не только о молитвах, а и о самом Христе, про которого многие в начале Христианской Веры даже и верить то не верили. Но сначала, уважаемые читатели, прочитайте его, а потом мы уж подискутируем с Вами:

И в разуме, и в сердце, и в душе
Со мной Христос, распятый на кресте
Познала мудрость я, истину твою,
Я на коленях пред тобой стою.

И плачу, каюсь и прошу тебя,
Чтоб не оставил ты меня.
И сердце чистое во мне ты сотворил
Внутри меня дух правый обновил.
Омыл меня и дал мне света,
Чтоб чистой быть, белее снега.
И сердце, смиренное в жертву принести
Хвалу тебе, Господь, устам вознеси.

Да, Иисус Христос сотворил для верующих людей подвиг. Именно с Христа началась наша православная вера в Бога. И Таня очень великолепно изложила в этом стихотворении. А я даже написал стихотворение о Понтии Пилате, который смалодушничал и согласился распять Христа на кресте.

А Татьяна опять пишет новое стихотворение о Христе:

Не передать, что чувствует душа моя сейчас.
Крови и тела твоего я причастилась в первый раз.
И очень счастлива не скрою.
Ведь ты во мне, а я с тобою.
И ум, и сердце просветились,
глаза любовью засветились.
Душой приблизилась к Христу
Благодарность его хочу.
Наполнила покоем душу
И радость эту не разрушу.

Уверенность Тани в православную Веру укрепляется с каждым новым ее стихотворением. Взять даже вот такую фразу Татьяны: «Я очень счастлива – не скрою: ведь ты во мне, а я с тобою!» А когда Таня заявляет, что ей «тишина наполняет душу, то радость эту она не разрушит». Но если говорить о Христе, то Татьяна благоговела ему, а вот мира в семье то своей у нее самой не было. Ведь как говорится: «Богу Богово, а косарю – косарево!»

Но это в этом стихотворении Татьяны говорится не о божественной любви, а обыкновенной бытовой любви. Я предлагаю читателям прочитать это стихотворение Тани, но комментировать его я не стану. Ведь в каждой строчке Татьяна пишет настоящая ее любовь:

Какой же гордой, может глупой я была
Ведь о тебе я даже слышать не могла.
Ты терпеливо ждал, стучался в дверь
А я кричала: «Уходи, не верю!»

Прости, пожалуй, грешную меня,
Ведь вдруг прозрев я поняла тебя.
Что ты любовь и больше ничего
Она коснулась сердца моего.

Внутри меня все изменилось
Прекрасным светом засветилось.
Ведь ты, отец, а я дитя
И если ты накажешь, то любя!

Ведь для души моей ты врач,
Ты пастырь добрый, не палач.
Молю тебя: «Меня прости!»
И жить по правде научи.

Всегда хочу я быть с тобой
И в жизни этой ты конечно «мой».

В следующем стихе Татьяна опять обращается к Богу. Она кается в своих грехах и плачет, когда смотрит на Спасителя, распятом на кресте. Ведь он придает жизненную силу ей, чтобы она смогла жить в этом грешном мире:

Спасибо, Боже, что призвал меня к себе,
Что изменилось все в моей судьбе.
Ведь с тобою только радость вся моя
А без Тебя моя жизнь – суета.

Я с любовью к тебе припадаю
И молю о прощенье грехов,
Хотя наперед уже знаю –
Не избавить меня от греховных оков.

Согрешаю я словом и делом
Не могу ни душою и телом
Молю: «Прости и не оставь меня!»
Как оставляю я тебя.

Ты ж всех простил на древе умирая.
Я вновь тебя грехами распинала
И плачу от того, что не могу заплакать
Когда на крест смотрю с распятием твоим.

Название этого стиха у Тани нет. Но можно дать ему множество. При том эти названия уже заложены в самом тексте Татьяны. Вот одно, например «Согрешая я словом и делом». Но более всего бы подошло название «Распятие на кресте!». К тому же я вспомнил такую притчу. Один римский патриций спрашивает другого: «Ты помнишь маленького рыженького еврейчика, которого мы распяли на кресте?» Второй отвечает: «Не помню...» А первый с гордостью восклицает: «А ведь его звали Иисус Христос!»

В следующем стихе Татьяна размышляла о быстротечности нашего времени. Она всегда считала, что можно много сделать: и родителям помочь, да и с мужем жить в радости и счастье. Но, как говорится в одной песне: «А годы так быстро летят и летят. И некогда нам оглянуться назад...» Вот на этой фразе Таня и построила свое трогательное стихотворение:

Как быстрые реки текут мои года
И не вернуть уже их никогда...
Вот так же и уйдут родные да друзья
И возвратить уже обратно их нельзя.

А потому то нестерпимо и болит моя душа
И горькая из глаз течет слеза
Казалось мне, что жизнь то бесконечна
И жить они все будут тоже вечно.

Бывало мы о ком-то забываем
Зато порой кого-то обижали
Хотя б на миг их всех назад вернуть
В глаза внимательно взглянуть.

За все прощенье попросить,
Чтоб груз на сердце не носить.
Но этому не суждено уж сбыться
За них мы можем лишь молиться.

И будем верить, что спустя года
Мы будем снова вместе навсегда.

А мне вспомнились слова из песни Владимира Высоцкого:

У братских могил нет заплаканных вдов,
Туда ходят люди покрепче.
Кладут туда только букеты цветов,
Но разве от этого легче?

А Таня сказала вслух:

– При любой утрате нам никому не легче. А поэтому я и хожу в церковь, чтобы помолиться Богу...

Но нельзя же скорбить постоянно. Поэтому Татьяна взяла лист чистой бумаги и написала сверху его название «Благодарность». Мне сначала показалось, что Таня скатилась на канцелярщину: вручать на каких-нибудь праздниках вот такие благодарности или Почетные грамоты в знак хорошей работы на производстве. И, конечно же, я ошибся. Ведь Татьяна глубоко верующая женщина. А благодарила Бога, что он много раз отводил от нее беду и указывал ей нужную дорогу жизни. Поэтому, уважаемые читатели, прочтите стихотворение Тани «Благодарность» и сами убедитесь, что благодарность эта нужна любому человеку:

Благодарю за солнце в небесах,
Благодарю за ветер в парусах
Благодарю за дождик и грозу,
Благодарю за крест, который я несу
Благодарю за счастье и любовь
Благодарю, что утром просыпаюсь вновь
Благодарю за скорбь и искушенье
Благодарю за радость утешенье.
Благодарить так можно без конца
Весь мир создавшего Творца
Спасибо, что призвал меня к Себе,
Что изменилось все в моей судьбе
Теперь я знаю для чего живу,
Какой дорогой и куда иду.
Благодарю за жизнь свою тебя
Да будет на все это воля Твоя!

А мне к этой прелести следует только добавить несколько тоже поэтических фраз:

У природы нет плохой погоды,
Всякая погода – благодать!
Дождь ли снег, любое время года
Надо благодарно принимать...

И на самом деле Таня благодарит и солнце, и ветер, дождик и грозу. Но нужны Тане не только погодные условия, а и радость своего Бытия, которую подарил ей Творец.

Новое стихотворение Татьяны, как всегда без названья. Но она говорит в нем о смысле жизни. Я предлагаю, чтобы читатели прочитали этот стих и оценили его:

В чем жизни смысл – подумай человек,
Чтоб жить комфортно и уйти навек?
Смысл жизни в смерти? Абсурд и больше ничего
В другое вы поверьте – познайте Бога самого.
Бог сотворил нас как Себя, но дал свободу нам при этом
И к нам относится любя, прощая нас тои и это.
Но Бог, как любящий отец, болезни, скорби посылает,
Чтоб не испортились вконец и нас тем самым и спасает.

Есть вечность, где мученья ждут и радость
Все от тебя зависит человек: добро ты делаешь иль гадость
Чем человек ты здесь живешь – все тоже в вечности найдешь.
Кто будет с Сатаной гореть в огне, кто славить Бога на Земле.
Пока не поздно – ты покайся, по заповедям жить старайся.
И чтобы в рай найти дорогу, нам уподобиться придется только Богу.

А Татьяна в этом стихотворении про рай и ад писала неспроста. Ведь еще в средние века один поэт Данте Алигьери написал поэму про семь кругов ада, где черти бросали в кипящий котел грешников, чтобы они понимали и воспринимали адские боли. А подогревали этот котел со смолой черти с рогами, со свиными рылами.

Любопытную картину изобразил этот знаменитый философ Данте Алигьери. Но вот, что замечательно, так это тонкое чувство Татьяны Губернаторовой.

Таня в молодости очень много писала, сочиняла стихотворения лирические, о красоте родной природы. И не зря же Эльдар Рязанов, знаменитый кинорежиссер, тоже писал стихи, но никогда не подписывал их своим именем. Взять хотя бы вот такие строки:

«У природы нет плохой погоды. Каждая погода благодать. Снег ли, дождь в любое время года, надо благодарно принимать...»

А пока прочтите, уважаемые читатели, пробу пера Тани:

Ах то зимушка – зима
Никак не просила – пришла.
Белой птицей прилетела
Возвратилась в родные края.
Как прекрасна она, величава,
Как спокойна, светла, холодна...
Все укрыло своим покрывалом,
Проморозила реки до дна.

Разве можно, подумал я, так красиво создать поэтессе образ яблони в саду с реальным человеком? У каждого из нас жизнь начинается весной, а заканчивается зимней стужей. А разве не талантливое выражение Тани можно позабыть любому читателю? Конечно же, нет! – воскликнул я и вслух произнес:

– Но жизнь назад не повернуть, под белым снежным покрывалом и яблоне дано уснуть! Единственное для меня препятствие, так это вот что: яблоня то весной снова зацветет, а вот мне в мою весну вернуться не суждено.

Зато следующее стихотворение Татьяны называлось радостно «Радуга». И вот она:

Сегодня с самого утра
Дождик льет как из ведра.
И радужное коромысло
На небе солнечном повисло.

Как будто клумба из цветов
На фоне черных облаков
Висит над всей деревней нашей
И ничего нет в мире краше.

Так хочется к ней прикоснуться
В красу такую окунуться.
И мы бежим, а солнце вслед
Но тут вдруг тучка набежала
И... радуги, как небывало.

Удивительное стихотворение Татьяны про радугу. Она и не

предполагала, что, когда утром «дождик льет как из ведра», никогда не загорится радуга. Но все же радуга порадовала Таню. Хотя облака были не пышные и не белоснежные, а черные, но «радужное» коромысло все-таки на небе повисло.

Тане даже захотелось прикоснуться к радуге-дуге. Но зловредная тучка заслонила эту величественную красоту радуги.

Но вскоре, после дождя, Таня увидела березовую рощу, где как всегда исполняют свои рулады соловьи. Под эти рулады Татьяна и написала это стихотворение на одном дыхании:

Девушки-подружки собрались в хороводе
Стройные березки – красота в природе.
В белых сарафанах, пышные прически
А в волосах запутались длинные сережки.

Я хожу, люблюсь. А на сердце грустно
Куда бы не уехала – к ним всегда вернусь я
Пусть дивные красивые дальние края,
А где березка белая – Родина моя.

Да, хорошее Таня создала лирическое стихотворение. Но, как говорится, конец – всему дому венец. А Татьяна любит свою Родину, ее края, поэтому делает завершающий аккорд:

Где березка – все уснули под пенью метели.
И утонем в вальсе вихровом.
Лишь одной любви живет горенье
И сверкает в мраке голубом.
Не убьет ее стужа любая
Не сморят ее зимние сны
Если только любовь большая,
То она доживет до весны.

Какая чувственная лирика в этом стихотворении Тани – подумал я и вспомнил одно стихотворение, написанное давным-давно. Но ведь у каждого поэта, в том числе и у Татьяны, есть свой стиль. А потому снежные зимы всегда воспевали классики: «Зима, крестьянин торжествует, прокладывает первый путь. Его лошадка снег почуяв, плетется рысью как-нибудь». Да и я как-то написал о снеге стих:

Любимый, дорогой мой человек
Я знаю о тебе так мало, и так много
И наши чувства точно первый снег,
В котором не проложена дорога.

Я замечаю грусть, печаль в глазах твоих,
Хоть нет на них ни облачка, ни тени,
А свет, который нужен для двоих
Кипит и плещет синевой весенней.
А радость? Не заметит лишь слепой!
Кипит, бурлит, как речка в половодье.
И сердце бьется, потеряв покой
Летит как всадник, бросивший поводья.
Любимый, дорогой мой человек.
Я знаю о тебе так много и так мало
И наши чувства, словно первый снег
Укрывший землю снежным покрывалом.

Но в любом случае в нашей жизни нужно дожить до весны...
А Татьяна словно почувствовала мое желание дожить до весны
и... Написала стихотворение про красавицу весну. А мне осталось
только донести его до читателей. Вот оно:

Сегодня была я в саду
На яблони смотрела долго.
И вдруг постигла истину одну
Как в жизни связано все тонко.

Взгляни на яблоню весной
Когда цветет и манит красотой.
Надежд, мечтаний не тая,
Что это молодость прекрасная моя.

С чем яблоню сравнить мы можем летом,
Когда он в листе и завязи Фета?
С тем возрастом, когда на ноги твердо встав
Свои мечты ты воплощаешь в явь!

Но вот и осень уж пришла
И мы итог подводим лету:
Плодов на ней прекрасных тьма
Или совсем их нету?

Так человек в конце пути
Считает все свои плоды.
Да и бесплодные труды...
Но жизнь назад не повернуть.
Под белым снежным одеялом
И яблоне дано уснуть
И все затихнет и замрет.
И лишь воспоминание «лета»
В душе ослабленной живет
Белее – Родина моя.

Но иногда один Танин взгляд рождает красивый стих. И вот он:

Как грива льва лежит пожухлая трава.
На лес уже надернут зеленью слегка.
Хоть небо в тучах, дождик есть.
Прорвется лучик – землю вновь согреет!

Какие красивые эпитеты и образы создала в одном лишь четверостишье, а сердце уже поет. Ведь у нее даже маленький лучик творит чудеса – он может мгновенно согреть землю. А как умело Татьяна сделала сравнение с какой-то пожухлой травой с гривой льва?!

Но «весеннее» настроение у Тани не утихает, а усиливается и возрастает. И вот ее стихотворение:

Сквозь желтую траву
Вновь зелень пробивается.
Смотрю на это все
И сердце улыбается.

Но вот полянка вся в снегу
И что за чудо – не пойму.
Так это ж первые цветы –
Они предвестники весны.

Дорожные ручьи бурлят слегка
И выше стали облака
Весна – все ею дышит
И ухо трели птичьей слышит.

Уж зеленью надернут лес,
Прорвется снова луч с небес
Согреет всех своим теплом
Все оживет и зацветет кругом.

Много в этом стихотворении у Тани авторских находок. Увидела она в лесу заснеженную полянку, а пригляделась получше: ба... да это же подснежники. Как тут не вспомнить стихотворение про апрель: «Пробирается медведь сквозь густой валежник, стали птицы звонче петь и... расцвел подснежник».

Удивляется Татьяна, что облака то весной плывут намного выше, чем зимою. Зимою они «забеременеют» и сыпят, сыпят снежинки. Упадет она Тане на воротник, а ей жаль эту красивую снежиночку, чтобы сдуть с него. И как не умиляться, когда листочки на березах не распустились совсем, а пока пытаются разорвать вздувшуюся почку. Вот еще чуть и зазеленеет листва, но пока....

Но Татьяна продолжает воспевать просыпающуюся природу в лесу, на полянках и в поле. И на одном дыхании пишет сразу три прекрасных весенних картин, разворачивая свои уже сильные плечи:

Что-то сегодня с природой случилось
Новое что-то в ней проявилось
Солнце прорвалось сквозь серые тучи
Все осветил на земле тонкий лучи.
Воздух так сияет, как водица в кринице
Дышим и пьем, и никак не напиться.
Небо все выше, светлей, голубей
Облако стало прозрачней, белей
Дремлет природа пока в тишине
Но песня звучит уже там, в вышине.

У Тани глаз, как ватерпас, все по полочкам разложит. Были тусклые, хмурые дни, но что-то в природе вдруг проявилось. Нужно бы мне сказать появилось, а не проявилось – ведь появилось то на небе солнышко после хмурых дней. Да и лучик то этот, поняла Татьяна, стал как-то теплее, веселее и красивее.

А красота фразы про водицу из криницы просто потрясающая. И пьет водицу из криницы автор этого шедевра. Потом Таня

завершает этот стих так: в природе еще тишина, но в небесной тишине уже звучит песня. Какая? Да хотя бы вот эта: «Слышу песни жаворонка, слышу трели соловья. Это русская сторонка, это Родина моя!»

Далее Татьяна пишет коротенькое стихотворение, но зато какое...

Бездонное синее небо,
Прозрачная зелень лесов.
Поросль зимнего хлеба.
Полянки первых цветов.
Ласковый, теплый ветер,
Крик прилетающих птиц!
Хочется жить мне на свете,
Счастье не знает границ.

Это уже не картина «Грачи прилетели». Это возрождение природы. И тут Татьяна, с сожалением, прощается с весной-красавицей. И вот в этом стихе Таня ставит не весомую точку, а восклицательный знак. Порадуйтесь и со мной, дороги читатели, ведь конец – всему делу венец. А она как раз и поставила жирную точку:

Последний день весны,
А красота, что лето.
Уже земля не смотрит сны,
А в зелень буйную одета.
Звонок последний прозвенел.
Освободил от школьных дел
А завтра – летняя пора:
«Гуляй шальная детвора!»

Но ведь именно весной проявляется жизнерадостность и любовь. И в стихотворении Татьяна она звучит:

Сквозь толщу туч прорвалось солнце
И лучик заглянул в мое оконце
Вдруг сразу жизнь другая стала
Печали словно не бывало.
Весна – природы пробужденье,
Всего живого сотворенье.

Под теплым солнечным лучом
Все оживет и расцветет кругом.
И воздух станет голубой
А воздух чище и светлей
И гомон птичий до небес
Наполнит поле, луг и лес.
И нежно ветерок коснется,
А сердце тут же отзовется
От зимней спячки встрепетается
Да так захочется вдруг жить,
Мечтать, надеяться, любить.

В этом стихотворении Таня радуется, что не только в июле прорываются солнечные лучи через толщину туч. Она радуется даже единственному лучику, который заглянул в оконце. И сразу же у нее начинается совсем другая жизнь и настроение поднимается до небес, из которых солнечный лучик пробился в ее окне.

Печали в сторону, да здравствует солнце! Ведь небо становится голубея, а воздух чище и светлее. И даже лёгонький ветерок коснется ее щеки и шепнет ей на ушко: «Уж так и быть: мечтать, надеяться, любить!!!»

Но ведь до этой яркой весны была и холоднющая зима. И Татьяна вспоминает и об этом, называя зимушку «злой и суровой». И вот как Татьяна начинает писать стихи про зиму:

Злая зима, суровая
Своенравного она норова
Засыпала все снегами
Реки покрыла льдами.
А ветер волком завывает,
Метель дороги замечает
И солнце не видно стала,
А холодом все сковало.
А злится зима потому,
Что знает – уступит теплу.
Заплачет ручьями-слезами
И на год расстанется с нами.

Я, прочитав, это стихотворение, тут же вспомнил стих Пушкина:

Буря мглою небо кроет,
Вихрем снежные крутя,
То как зверь она завоет,
То заплачет, как дитя.

Но после этого отрывка Александра Сергеевича мне показалось, что все поэты по-своему пишут и про лютую зиму, и про ее соперницу – весну. И Татьяна подводит итог соревнованиям весны и зимы: конец зимы неизбежен, она хорошо понимает, что дни ее сочтены и: «Заплачет ручьями-слезами и на год расстанется с нами».

Но Таня решила закончить свой лирический цикл стихотворений вот каким образом:

Здесь на земле богатства не ищите
А в Бога верьте, милые друзья.
И твердо знайте и учтите –
С собой забрать ведь ничего нельзя.

Татьяна задумалась, написав это четверостишие и сказала вслух:
– Если что-то брать туда, так только веру... веру в Бога...

Татьяна родилась шестого октября и в 2012 году ей исполнилось шесть десятков лет. И, разумеется, Таня к своему юбилею написала стихотворение:

Шестьдесят золотых октябрей
Пролетели как стан журавлей.
Но они-то вернутся назад
А года уж не вернешь никогда.

Все имеет начало, имеет конец
Шестьдесят... ведь совсем не венец!
А впереди еще так много –
Бежит вперед моя дорога.

На ней я, к счастью, не одна:
Есть и любимый и семья!
Немного жаль, что молодость ушла
Что на висках уже белеет седина.

И заболит то там. То тут...
А внуки бабушкой зовут.

Я молода пока душой,
Желанье жить – всегда со мной.

Что не успела я увидеть и узнать,
Теперь я постараюсь наверстать.
Теперь ценить я буду каждый день
Прекрасной осени моей.

С годами стала я мудрей
Смиренной, терпеливей и добрей.
Ведь веру и Христа я приняла,
И им благодаря я поняла,
Что смысл всей жизни видимо в том,
Чтоб сложный мир наполнить нам добром!

Прочитав этот стих Татьяны, мне подумалось:

– Есть еще у нее порох в пороховницах. Ведь когда-то в шестьдесят лет женщин считали уже старушками, бабушками, которые сидят около своих домишек на лавочках и перемывают косточки своим подругам. А Таня каждый прожитый свой год считает «золотым октябрем».

Так ведь на самом деле «озолотиться» можно. Но как прекрасно обыграла Таня в этом юбилейном стихотворении притчу: «А годы летят, наши годы летят. И им не вернуться уже назад». И она говорит: «Есть начало и конец, но шестьдесят то вовсе не венец». Ее дорога-то бежит и бежит вперед, а движение – это и есть наша бурная жизнь.

Но главная мысль Тани в этом стихотворении, что она нашла дорогу к Богу и считает, что ее смысл в жизни: наполнить наш сложный мир добром.

Но есть у Татьяны еще две даты, кроме ее дня рождения, которые она любит и ценит. Первый день – это 8 марта – Международный женский день, который родился в Копенгагене с помощью женщин Розы Люксембург и Клары Цеткин. Второй же день, радостный для Тани, это 23 февраля. Именно тогда в боях родилась наша Красная Армия.

И я внимательно прочитал эти два стихотворения. Вот как начинается Татьянин первый стих:

О, женщина! Чудесное создание природы
Во все века хвалебные тебе слагают оды
Писатели, поэты, музыканты
В любви к тебе взрастив таланты.

Всегда ты вызываешь восхищенье
Ты лучших черт воплощенье
Любовь и нежность, доброта
Талант и ум, и красота –
Тебе природа все дала.

Ты мать, жена, сестра и друг
Твоим теплом согрето все вокруг
Заботу обо всех ты проявляешь
А о себе порою забываешь.

И крест неся нелегкий свой,
Источником ты жизни оставайся,
Любя всем сердцем и душой,
Наперекор судьбе счастливо улыбайся.

А вот как написала стихотворение «23 февраля» в 2014 году Таня для своих дорогих мужчин. Да вообще то для всех мужчин Советского Союза:

Сегодня вас, мужчин, мы поздравляем.
Здоровья, счастья и любви желаем.
И говорим вам всем: «Огромное спасибо
За то, что мирные мы видим сны,
За наш покой, за то, что нет войны.

Тут Татьяна перевела дыхание. Ведь когда она пишет стихи, то все свои эмоции вкладывает в их строчки. А после, вспомнив подвиг Александра Матросова, который во время атаки, увидев, как из амбразуры дота строчит длинными очередями фашист-пулемётчик, бросился под летевшие, смертельные пули. Тут уж решались не минуты, а какие-то секунды.

Но этой секунды хватило однополчанам Матросова, чтобы прорваться в тыл дота и, выломав дверь, прикончить пулеметный расчет. И вот что написала дальше Таня:

Вы грудью амбразур не закрывали
И жизни молодые вы не отдавали,
Но свой армейский долг исполнили сполна.
И та закалка до сих пор видна.

Когда она вспомнила про подвиг Александра Матросова, то и у нее слезы на глазах заблестели. Написав на листе про свой армейский долг своих ровесников, она радуется, что вот уж в нашей стране нет войны семьдесят пять лет. Но, отслужившим мужчинам в армии, она с гордостью говорит:

Вы гордость женщин и не без причины
Вы, рыцари, вы настоящие мужчины.
Ведь счастьем женским нас вы одарили
И на руках носили, и боготворили.
Во всем готовы угождать,
Любой каприз готовы исполнять.
За вами мы как за стеной,
А надо будет – вы опять пойдете в бой!

И защитите вы страну
И женщину любимую свою.
Спасибо вам, мужчины дорогие,
Для нас вы самые родные.

Согреем женским вас теплом
Уютным сделаем ваш дом.
Живите долго – сотню лет,
Войны не зная, зла и бед.

Мне очень понравилось это стихотворение Тани. Ведь как подробно и в то же время очень торжественно и красиво написала она оду для мужчин. Если бы я прочел стих Татьяны раньше... Но как говорится: «Дорого яичко в Христовый день!»

А она мужчинам желает любви и здоровья. Живем долго без войны и просматриваем во снах мирные деньки.

Таня видит и закалку мужчин и гордится ими. Ведь если гром войны загрохочет вновь, она знает, что все как один мужчины пойдут в бой. А так они за мужчинами, как за каменной стеной. А пока мужчины готовы милых дам на руках носить.

Тут я вспомнил один анекдот и рассказал потом Тане:

– Муж говорит своей жене: «Милая моя, я готов тебя на руках носить.» А она ему отвечает: «Это очень хорошо, мой милый муженек! А на шею то я к тебе заберусь уж как-нибудь и сама».

Татьяна засмеялась, а потом мне ответила:

– А я не собираюсь быть обузой в семье. И я рада, что вы оценили мою концовку: «Живите долго – сотню лет. Войны не зная, зла и бед!» А что же нам красивым женщинам то не желать?!

– Татьяна – ответил я, – 2020 год уже заканчивается, и мы с Ниной уже приобрели отрывной календарь на 2021 год. Первое января выпало на пятницу. И на обратной стороне... Тут я не успел закончить фразу, как Татьяна произнесла концовку:

– Луны?

Я не смутился ее шутке и сказал:

– На обратной стороне листа календаря были отпечатаны два стихотворения двух великих поэтов: Александра Блока и Ояма Хайяма. Если хочешь могу их прочитать вслух?

– Читайте – произнесла Таня и я стал декламировать сначала Блока. А потом Хайяма:

Старый год уносит сны
Безмятежного рассвета
На заре другой весны
Нет желанного ответа.

Новый год пришел к ночи
И раскинул покрывало.
Чьи-то крадутся лучи
Чье-то сердце застучало.

Старый год уходит прочь,
А я невнятной мольбою
Злая дева, за тобою
Вышлю северную ночь.

От тумана страстью сны
Безмятежного рассвета.
Первый день твоей весны-
Будет пламенное лето.

Тут Татьяна не стала дожидаться чтение стихов Омара Хайяма, а стала восторгаться стихами Блока:

– Как Александр Блок в краткой форме своего стиха, в кото-

ром в каждой строчке, нет, нет, не точки, а три – четыре слова, показал красивую картину: старые сны, безмятежного рассвета на заре другой весны...» Образно сказано. Но когда «крадутся лучи», чтобы застучало чье-то сердце, то поэт готов послать вслед старого года «северную ночь». Но более всего меня потрясла последняя фраза Александра Блока: «Первый день твоей весны, будет пламенное лето».

– А что ты скажешь, Таня, об стихотворении Омара Хайяма? – спросил я, а она ответила:

– Краткость – сестра таланта, и он показал, что жизнь быстротечна, а потому не стоит забывать, что творец своей жизни – сам человек.

Глава: Родословной Татьяны могут многие позавидовать.

Но прежде, чем я расскажу о родословной Татьяны Губернаторовой, придется вернуться в наш 2020 год, чтобы понять какой он был трудным.

9 мая – главная святая дата каждого из нас. Этот день безмерной радости и гордости нашего народа за подвиг славного поколения настоящий героев, которые отстаивали независимость нашей Родины, освободив ее от фашизма.

75 лет мы живем под мирным небом, строим города, растим урожай и воспитываем детей. Приходят десятилетия и сменяются поколения, но память о Великой Победе нашего народа остается в наших сердцах. С глубоким почтением мы склоняем головы перед теми, кто воевал на полях сражений в самой кровопролитной из войн, и кто трудился в тылу и ковал оружия Победы, а после войны из руин восстанавливал города и села!

Быть наследниками Великой Победы не только большая честь, но и огромная ответственность. Наследие наших фронтовиков – бесценный дар, жить и трудиться на мирной земле и строить достойное будущее нашей родной Беларуси. И мы навсегда сохраним в наших сердцах память о стойкости и мужестве героев Великой Победы, их любви и верности долгу и любви к своей Родине.

Но эти строки в этот день были еще короче и тверже: «Подвиг

героя – не забыт». Героев было много, но памятник был построен Герою Советского Союза Ромашкину Тимофею Терентьевичу.

С начала Великой Отечественной войны Ромашкина призвали в действующую армию. И уже в начале июля 1941 года он стал бортмехаником авиационного полка гражданской авиации. Но о гражданке уже мечтать не пришлось, а воевал Тимофей яростно и беспощадно с врагом. В ноябре 1943 года сержант Ромашкин получил медаль «За отвагу». Он провел 625 боевых вылетов, из них 101 вылет ночью в глубокий тыл и бомбил там фашистские объекты. И материальная часть его самолета не получила ни одной пули в фюзеляже.

После войны Тимофей Ромашкин вернулся в гражданскую авиацию и стал бортмехаником самолета Ли-2 эстонского предприятия и его маршрут был Таллин-Минск-Ленинград.

В один из этих вылетов в небе на экипаж напали вооруженные террористы, чтобы захватить самолет. Их было двое: мужчина в форме ВВС без погон и женщина. Угрожая оружием, они попытались связать членов экипажа. Но Ромашкин ближе был к женщине и обезоружил ее, а мужчина открыл по нему огонь. В этот короткий миг члены экипажа Ромашкина дали отпор злоумышленникам и, развернув самолет, вернулись в Таллин. Тимофея Терентьевича, истекающего кровью, на скорой помощи доставили в больницу. Но потеря крови была такой огромной, что Тимофей Ромашкин в больнице скончался.

Памятник Тимофею Ромашкину установлен в Минске возле аэропорта в 1965 году. Его бюст установлен на постаменте, где сверкает Звезда Героя. А он, повернув голову в своем летном шлеме вправо, смотрит в чистое голубое небо. Памятник установлен Ромашкину и в деревне Марченки, а также на месте его захоронения в Таллине.

Прошли годы и все приходит в упадок. Мемориал превратился в плачевное состояние, построенный по проекту Свецкого на берегу озера Уже Езерищинского сельисполкома. Строительные материалы предоставил спонсор Леонид Артюхов. Но не только военнослужащие и руководители Городка заботятся о памятниках Героев. Выступили в этот замечательный день не только Петр Коробач, руководитель Городокского райисполкома, но и священнослужители. Они провели митинг по погибшим. Протоирей благочинный Церквей Городокского округа, настоятель Храма Святой

живо печальной Троицы Владимир Догодька совершил заупокойную службу по почти двухтысячам погибших в урочище Воробьевы Горы. Это место стало в время войны местом человеческой боли и тяжелых условий.

Здесь особая атмосфера: царит тишина, но при этом каждый кусочек земли испускает пронзительный крик и страшную боль. Даже спустя много лет это место напоминает нам обо все, что здесь происходило.

Немецко-фашистские захватчики расстреливали здесь патриотов, партизанские семьи и еврейское население. А ведь кровь людская – не водица...

Молитва об упокоении была вознесена у возведенного православного Креста. На лицевой стороне можно прочесть молитву: «Упокой Господи души усопших раб твоих невинно убиенных и страдальчески погибших на Городокской земле во время Великой Отечественной войны в 1941-1943 годах».

А на тыльной стороне уже другая надпись:

– Сей Крест установлен на пожертвования православных христиан Городокского благочинна Витебской епархии в память 75-летия победы в 1941-1945 годах.

А Татьяна тоже почтила память убитых, а также внесла и свою лепту. Она читала молитву о несчастных мучениках.

Журналист Мая Солдатенко, в преддверии этого дня Великой Победы, решила поехать в деревню Березняки Вайхенского сельсовета. Там руководители этого района провели капитальный ремонт памятников: Памятники майору Велову, подполковнику Логачеву, лейтенанту Ляпустину, сержантам Гредесову и Солдатенко Ивану. Они были установлены еще в 60-70 годах прошлого столетия. И председатель сельсовета Лилия Грузневич приняла решение провести капитальный ремонт. Мая Солдатенко гордилась, что ее фамилия появилась на мемориале. Узнала Мая, что индивидуальный предприниматель Игорь Соловьев оказал спонсорскую помощь, оплатив все расходы, связанные с ремонтом захоронения.

А Татьяна услышала стихотворение в этот памятный день:

Война, как много в этом слове
Страданий, боли, страха и огня.
Томились в ожидании, в неволе
Защитники: отцы и сыновья.

Идя на смерть, спасая наши души,
Борясь за столь желанный мир, покой
Как жаль, что не воскреснуть им
Не встретить солнце луч над головой.

Как много их! Спасителей – героев!
С утратой этой будем вечно жить...
Мы можем лишь с печалью и тоскою
Годами их святую память чтить.

Спасибо Вам! Хоть многих с нами нет.
Но знайте! Подвиг Ваш не позабыть!
И не найти нам во вселенной этой,
Тех слов, чтоб Вас за жизнь благодарить.

Но порадовал Татьяну и визит Президента Александра Григорьевича Лукашенко в Витебск. Ведь Городок, где и сейчас проживает Таня Губернаторова находится в составе Витебской области. До нового 2021 года осталось ведь несколько дней. Но Президенте, хоть эпидемиологическая обстановка в Беларуси напряженная, но находится под его контролем, заметил, что в стране именно в Витебской области началась волна заболеваний коронавирусной инфекцией. Он заявил:

– Здесь у вас накоплен огромный опыт в лечении заболевших людей.

Следующий аспект, на который обратил Лукашенко внимание: обеспечить больницы оборудованием. На особом контроле находится число аппаратов для искусственной вентиляции легких.

– В Беларуси – сказал Президент – задействовано около 500 ИВЛ, созданы региональные штабы.

Он посетил в Витебске и родильный дом. В данный момент для его работников стоит двойная задача: оказывать помощь мамам и спасение их малышек. Здесь, в больнице, выявлено 600 таких пациентов, а уже 25 счастливых мам родили малышек. И все они были здоровенькими.

А Татьяна продолжала впитывать новости, которые она получала при визите Президента во время рабочей встречи его с председателем Верховного Суда, с Валентином Сукало. Тане понравилась позиция Лукашенко: «Нам нужны перемены, которые будут двигать наше общество вперед». Да и первые же фразу

Александра Григорьевича она восприняла с надеждой:

– Возврат, как некоторые говорят, к Конституции 1994 года мы не только с вами прошли или пережили, а впитали в себя. Мы уже видели, что тогда творилось. Возврат назад – это не есть движение. Хотелось, чтобы они двигали наше общество вперед. На таких переменах мы будем настаивать и предлагать нашему народу именно такие изменения!

Татьяна с удовольствием прослушала слова Президента, но задумалась:

– А все ли мои знакомые люди так воспринимают как я? Некоторые мои знакомые думают глобально: о народе, который ждет перемен. Но есть и отщепенцы, которым все трин-трава. Про таких я даже стишок слушала:

– У павильона пиво-воды стоял советский человек. Он вышел родом из народа... Он выше – и упал на снег!

Но Татьяна услышала еще интересную тему, которую озвучил Лукашенко:

– У каждого взрослого человека при голосовании есть только один голос – у крестьян и рабочих, учителей, специалистов. Но некоторые рьяные «Преобразователи» хотят, чтобы перемены произошли немедленно. Правда никто не говорит какие они хотят перемены. Поэтому надо обсуждать и обсудим. Жизнь и есть жизнь – она все время меняется.

Татьяна с удовольствием прослушала еще одну истину, которую изрек Президент председателю Верховного суда Сукало:

– Многие хотят некую независимость. И я готов с кем угодно спорить, что самый независимы суд – в Беларуси. И пусть никто не смеется. Вы то знаете насколько я оберегаю вас от разного рода накатов или телефонных просьб и разговоров. Вы же никогда не получали от меня тайно никакого звона. И я подчеркиваю: судьи должны быть независимыми.

Но после визитов Лукашенко, Татьяна прочитала в газете «Городокский вестник» одну интересную реплику: «Пять часов утра. Из детской кровати начинают доноситься всхлипывания. Жан говорит мужу: «Иди успокой ребенка, твоя очередь!» А муж перевернувшись на другой бок, заявил: «Да же не занимал никакую очередь!».

Таня улыбнулась этому «джентельменскому» разговору и про-

читала заголовок журналистки Юлии Рудаковой: «Предательство». Уже этот заголовок огорошил Татьяну. Ведь вероятно каждый из нас сталкивался с этим: кто-то оказывался преданным, а кто-то заставлял страдать других. Одних несерьезно обманывали, а некоторые никогда не смогут избавиться от шрамов.

Татьянино сердце застучало гулко, а потом ее пронзила боль. Она боготворила своего мужа, но через какое-то время они разошлись, как в море корабли. У них была двухкомнатная квартира в Городке. И до сих пор они живут в ней, но только Таня проживает в одной комнате, а Юрий – в другой. Каждый живет сам по себе.

Она взяла в руки эту газету и стала читать про свою прошедшую жизнь. Но Таню более всего всколыхнул заголовок «Предательство». И она не стала выставлять имена, фамилии в этот круговорот, а рассуждала другими терминами: он, она и подруга...

Татьяна впиалась глазами в текст:

– Люди подобно муравьям, сновали по улице. Было раннее утро и обыкновенный будний день. Поэтому все и торопились на работу. Но не зря же говорят, что именно в гуще этой толпы каждый наиболее острее ощущает свое одиночество. Поэтому они не всматриваются в безразличные лица прохожих.

И это считается нормально и мысли каждого возвращаются в своем собственном мире. А может быть и в своем небольшом мире. Но встреча двоих была словно поражение тока и она замерли. Выражение их лиц было закаменелым, а глаза отражали всю бурю эмоций, которые бушевали у них внутри. Будто управляемые какой-то необъяснимой силой, они одновременно обернулись.

– Ты? – в один голос сказали она. Очевидно им было что сказать друг другу. Но видимо большая пропасть пролегла между ними и не давала это сделать.

Поэтому они замерли в нерешительном и невыносимо мучительном ожидании. Каждый из них не мог отчаяться на первый шаг. Гордыня или обида не позволяли им сделать это...

– Да, – подумала Татьяна – стоя на краю обрыва любое неосторожное движение может стать губительным.

И она продолжила чтение:

– Время не ждет, а сердца не могут долго пребывать в смятении. Так, что они встряхнули свое оцепенение и разошлись, как в море корабли. Максимально быстро они удалялись друг от друга. Но на душе продолжала щемить тоска и каждый шаг давался все

тяжелее и тяжелее...

Таня сделала передышку. Ведь она сама испытала щемящую тоску, когда ее предали.

Она пришла на работу, а мысли роились, и она вспоминала сколько же с ним у нее не было времени поговорить доверительно. По началу она даже обрадовалась, но в груди тоска защемила. Он, этот мужчина, предал ее, а теперь смотри ей в лицо с таким высокомерием. Но все же Она скучала, глупо было врать самой себе. И Она сделала вид, что ничего не произошло. Так проще..

– Но все-таки, – подумала Татьяна, – они ревновали друг друга. Вот что спросила Она его:

– Ты за мною следил?

Он буркнул ей в ответ и пошел своей дорогой. А Она, не выдержав, расплакалась. Мало того, что Он бросил ее тогда грубым способом, так еще теперь из себя жертву разыгрывает. После демобилизации Он прислал короткое письмо: «Я люблю другую. Меня не жди». И она почувствовала, что эти строки вонзились ей в сердце, как нож. А ведь Она ждала его, отказывая себе во всем, чтобы у него не было повода переживать за нее. Он просто сам взял и перечеркнул все. Даже не соизволил объясниться. Просто не посчитал нужным распинаться перед ней.

Его же Подруга обливала грязью Ее, а Он чуть с ума не сошел, что Она давно встречается с другим мужчиной. Но когда Он решил ей «отомстить», то друзья не позволили сделать Ему глупости.

Он и Она показательно игнорировали друг друга в Городке. Но однажды Он спросил Ее:

– Как ты жила? – и Она ответила:

– Училась, потом работать пошла. А ты?

– Тоже...

Вот таким обрывистым и незаконченным вышел их диалог. На самом деле было у них что сказать и спросить, но гордыня не давала им сблизиться. Кто-то должен был преодолеть барьер и им стал Он.

– Мы уже не дети, давай после работы пройдемся и поговорим о том, о сем?

Она улыбнулась и добавила:

– И нашу песенку веселую споем? Пора в путь дорогу, дорогу дальнюю, дальнюю пойдём. Под милым порогом махну серебря-

ным тебе крылом.

Но встреча была смазана Подругой. Она увидела, как Подруга целует Его и хотела пройти мимо парочки.

Но Он окликнул Ее:

– Постой! – а его Подруга попросила:

– Давайка отойдем, у меня к тебе дело есть – и потянула Его за собой.

Но Она, вздохнув ответила:

– Я пойду, а если захочешь, то поговорим завтра.

– А вот это вряд ли.. – ехидно ухмыльнулась Соперница.

А Она сказала Подруге:

– Почему же ты так ведешь себя? Ведь мы когда-то с тобой дружили.

– Дружили? – встрепенулась Подруга. – да ты же у меня парня увела! Он же всегда меня любил, а с тобой стал встречаться только мне назло!

Тут даже Он не выдержал:

– Подруга, ну что же ты такое несешь то несуразное? Я же дружила с тобой.

Но Подруга уже закусила удила:

– Так знайте, как она дружила. Она у меня парня увела! А он меня всегда любил.

После этих слов повисла зловещая тишина.

Татьяна и сама перестала читать эту статью «Предательство» и для себя произнесла несколько строчек из какого-то стихотворения:

Ну, братья по разуму, ну идиоты!

Наделали детям мы нашим работы...

Но жить из-под палки

И жить по хамову,

Увы, не приносит нам чести и славы!

Таня взялась после этой напряженной статьи долго замышлять, как трудно жить в этом мире в таком разладе. Зато Таня, после этих дрызг и хамства, решила послушать выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко. Он обратился с ежегодным Посланием к белорусскому народу. В этом году Послание звучало не в Овальном зале Дома Правительства, а во Дворце Республики. На это мероприятие приехало более дух с половиной тысяч человек

со всей Беларуси.

Глава государства, обратившись с посланием, обозначил приоритеты развития страны на ближайшую перспективу. Высказался он и о стратегических важных задачах, реализация которых позволит сохранить стабильность и суверенитет страны.

– В жизни каждого государства и всего мира порой происходят события, беспрецедентно влияющие на ход истории. 2020 год оказался наполненным чередой многих событий. Благодаря им мы можем заявить о безальтернативной роли нашего сильного государства в жизни нации. Даже если природа их зарождения и причина находятся за тысячи километров от нашей Беларуси. И мы оказались на этом геополитическом разломе, живущие своим умом и оказались единственным звеном в центре Европы. Даже Россия боится нас потерять. Ведь кроме нас у нее не осталось союзников. А Запад приобрел к нам интерес. Да и Китай всерьез рассчитывает на стабильность своего друга.

– Да, – подумала Татьяна, – такие глобальные проблемы нашей страны очень важны для нас простых жителей Беларуси, а тем более в небольшом населенном пункте под названием Городок и не снились. А Лукашенко действует стратегически правильно. И она стала дальше изучать речь Президента:

– Бизнес, который готов честно работать во имя страны и народа, мы всегда поддерживали и будем поддерживать. Я как-то анализировал и заметил одну особенность. Ведь качество нашего бизнеса намного выше, чем в других постсоветских странах. Наши настоящие бизнесмены начинали с нуля, а не с приватизации, и достигли успехов только своими мозгами, волей и колоссальным трудом. Таких людей я уважал и уважаю. А честный бизнес вырос, окреп и останется для Беларуси фактором роста.

– Да, – подумала Таня, – как все разложит по полочкам наш Президент. А значит он даже с такими странами, как Россия и Китай дружит. Но не все стремятся выполнять работу честно и добросовестно. А ведь есть индивидуумы, которые пьяницы и за рюмкой тянутся. А я даже слышала такую песенку про злоупотребление алкоголем: «У павильона пиво-воды, стоял советский человек. Он вышел родом из народа... Он выпил и упал на снег». Вот если бы мужчины меньше пили, то и наша Беларусь была бы еще сильнее и мощнее. И стала дальше слушать речь Президента:

– У правительства главная задача – рост благосостояния и

доходов граждан. Мы продолжим взвешенную и спокойную работу. Не верьте тем, кто ничего не понимая, обещает вам золотые горы. Чудес не бывает. Все дается только своим трудом. Особенно этой страшной кризисной ситуации. И никаких секретов у нас нет. Будем больше производить и продавать на экспорт востребованную продукцию. И тогда, в будущей пятилетке, средняя зарплата рабочих вырастет в два раза, не в пять и не в десять, а только в два раза. Но зато это будет точно...

Но когда Таня услышала, как Президент говорит о демографии, она обратилась вслух. Ведь у Татьяны уже появились к этому времени две дочери, а внучат появилось на свет божий четверо. Так про демографию нужно внимательно послушать. И услышала:

– Поэтому мы отдаем молодому поколению больше, чем получаем. Некоторые повторяют как мантру, что белорусы не рожают, а потому и вымирают. Но наша ситуация обусловлена демографической ямой 90-х годов и последствий, которые будут ощущаться еще двадцать лет. Но все-таки молодые родители откладывают деньги на рождение детей. Но все же на первом месте для них: карьера и жизнь для себя! Зато мы сохранили высшее образование для всех молодых людей. Может быть для жителей столицы и не является это чем-то выдающимся, но для ребят из глубинки, из семьи простых рабочих и крестьян, учителей, врачей, специалистов села – это большая, огромная возможность сделать первый шаг в вашу жизнь.

Татьяна с радостью прослушала речь Президента:

– А он молодец, что заботится о молодежи. Как говорится в одной песне: «Молодым везде у нас дорога, старикам у нас большой почет». Но и молодежи тоже нужен рост и право на труд. И эти права закреплены должны быть Конституцией. И как будто Лукашенко услышал ее робкий голос и она услышала снова голос Президента:

– Если обществу нужны перемены, то они будут. Все реформы начинаются с Конституции. Не с уличных акций, а именно с основного Закона. Возврат к Конституции 1994 года – полный абсурд. Надо двигаться вперед. И это касается не только экономики, а и политики. Но в настоящее время у нас появились совершенно иные потребности. А Конституция должна не только им соответствовать, но и на несколько шагов опережать общественное развитие. И она должна стать нашей дорожной картой. Но самое главное – Конституция не должна провоцировать политический кризис и вызвать паралич управленческой системы, как это было в середине

девяностых.

Татьяна задумалась:

– А почему же принятая в середине девяностых Конституция за двадцать пять лет так обветшала?

Но Президент уже говорил:

– Да, за многое в Беларуси отвечаю я благодаря колоссальным полномочиям. Но готовы ли вы, белорусы, сегодня передать эти полномочия с этой Конституцией передать другому? Ведь я не святой и у меня есть все: и хорошее, и плохое. Но вы же меня хорошо знаете, на что я пойду, а на что нет. Так знайте, что ваша жизнь для меня – святое. А про все остальное забудьте. Если завтра придет неизвестный человек и возьмет эту Конституцию, то какую он будет проводить политику? Удержите ли вы его от обвальной приватизации и не столкнет ли он страну влево или вправо?

После ряда вопросов Президент умолк и сам же через несколько секунд ответил:

– Удержим. Сегодня уже удержится и без меня. В этот критический важный для страны момент вы должны точно осознать: права на ошибку, белорусы, у вас нет! За нами будущее страны. И каждому надо понимать, что без повседневного труда и ответственного отношения наша мечта останется только мечтой.

Наступила опять пауза и Татьяна удивлялась, как четко и ясно президент сформировал и произнес эти сакральные фразы. Но оказалось, что Лукашенко не поставил жирную точку, а стал говорить дальше:

– Мы сегодня крепко держим в руках будущее. Будущее нашей независимой Беларуси. Независимость же стоит дорого. Но она стоит того, чтобы ее сохранить и передать будущим поколениям. За нами же, за нашей спиной Беларусь – чистая и светлая, честная и красивая, трудолюбивая, немножко наивная и чуть-чуть ранимая. Но она – наша любимая. А любимую не отдают!

А Татьяна только промолвила:

– Говорят: обедня стоит мессы!. А фраза Лукашенко о Беларуси: «Но она же – наша, она любимая. А любимых не отдают!», мне запомнится теперь навсегда, на всю жизнь...

Татьяна вспомнила, что до торжественной речи Александра Григорьевича Лукашенко встретила с Александром Алексеевичем Лисняком. Он член Союза писателей Российской Федерации, а его сын Алексей Александрович тоже стал членом Союза писателей и

в то же время был протоиреем.

Александр Лисняк издал книгу «Весть» в 2013 году. Но познакомившись с Татьяной Евгеньевной, через пять лет он подарил Тане эту книгу. Я, работая над книгой о Татьяне Евгеньевне Губернаторовой прочитал я дарованную подпись Александра Лисняка:

Татьяна Евгеньевна с пожеланиями Божьих милостей и земных радостей, творческих успехов.

Дата была поставлена Александром 17.06.18 и размашистая подпись.

На лицевой обложке написано: 3 поэмы, 33 притчи и 99 стихотворений.

Эпиграфом к «Вести» Лисняк взял цитату из «Слова о Законе и Благодати» XI века. Илариона: «Не невеждам ведь писням. А обильно насытившимися книжной сладостью...»

Татьяна взяла эту книгу и открыла заглавие стихотворного раздела «Черным по белому».

– Неплохой заголовок – подумала Таня и перелистала страницу. Первое стихотворение называлось «Зрелость», а рядом «На просвет». Таня взялась читать по порядку и рука ее потянулась к перу, а перо к бумаге, чтобы сделать заметки о стихах Лисняка.

Водили за нос гамаюны,
Мешая в истине прозреть...
Поэты не должны быть паны,
Поэту подобно созреть.

Какая легкая беспечность
У всех истоков, всех начал!
Я сам вещал, что слышу вечность.
Когда услышал – замолчал.

Готовому на век проститься
Без слез и розовой слюны,
Смешны вещающие птицы
И женоликие юнцы!

Татьяна подумала:

– Какой прекрасной мелодией звенит это стихотворение Лисняка. Но смысл его строк резковат: «Гамаюны ведут за нос поэта, который желает узнать истину. Поэту надо созреть». Но если истина в вине, то можно пролить на стихотворение не мало слез. Пьяницу,

который льет слезы и обнимает «дружески» жулик, а сам быстренько шарит по карманам, чтобы самому выпить потом на украденные деньги вина. Поэтому вина то жулика совсем не велика.

А вот легкую бесконечность не только пьяницы имеют. Как хорошо сказал об этом поэт: «Я сам вещал, что слышу вечность». Но когда он эту вечность не услышал, тут же замолчал о всякой бесконечности.

– И появилось на свет стихотворение у Лисняка «Слова». Не слово, а именно слова, а именно слова к этому стихотворению Александр взял цитату Николая Гумилева, мужа Анны Ахматовой, тоже поэтессы. И вот, что изрек Гумилев: «И в Евангелие от Иоанна сказано, что слово – это Бог».

Но и в этом стихотворении поэт пишет:

Мудрец домашнего разлива,
Я распознал под старость все ж,
Что Правда – строго молчалива,
Словоохотливее – ложь!

Орудия словами бодро,
Возможно воздух сотрясти.
Но все слова – пустые вёдра,
В них сложно Истину нести.

Слова на русском ли, иди –
Приличия во имя лишь:
Ты говоришь, что ненавидишь,
Я вижу, что Боготворишь.

И судьбоносные моменты,
Как бы под вилами ужи
Клялись вожди и президенты,
И глазом, не моргнув на лжи.

Мы все живем в формате риска
Словам вверяя бытиё.
Совет словами и расписка
Сам человек – уже враньё!

Нес в крови! Лелей у сердца!
Храни в Душе – душа жива!
Ну, а слова, как не усердствуй,
Всего лишь на всего слова!

Так черным писано по белу
От Иоанна. Сам взгляни,
Ведь «логос» - это Мысль и дело.
Они и были исконны.

Перед глазами Татьяны пронесли вихрем сакральные слова: «Мудрец домашнего разлива» – пренебрежительная фраза. А как Лисняк сделал великолепное сравнение: «Правда – молчалива, зато ложь – словоохотливая».

– Надо же придумать такой эпитет про ложь – удивлялась Таня. – «Словоохотливая». И эта словоохотливая ложь евешат слушателям лапшу на уши. Хочешь стряхни ее или возьми и сам эту лапшу скушай.

Таня немного задумалась, но тут же спохватилась:

– Как Александр режет правду-матку в «судьбоносные моменты». «Клялись вожди и президенты» - размышляла Таня. – А сами ввали и ввали напропалую. Сврёт и недорого возьмет. Зато как Лисняк печется о душе человека: носи в крови! Лелей у сердца! Храни в Душе – душа жива! А пока в нас живет душа, то появится у хороших людей и мысль и дело.

Таня перевернула страницу и увидела заголовок стиха «Боль».

– Опять «Боль»! – подумала она, но, прочитав этот стих, призадумалась. – У Лисняка все есть, что хочется мужчине даже суперавтомобиль болид. На нем можно развить скорость и до 250 километров в час на треке, а катится автомобиль, изготовленный в Германии на заводах Бенца и Боша, со скоростью 100, 140 километров в час не больше. И ему обидно, что бездорожье не только на трассе, а даже в его собственной душе.

Таня призадумалась, а потом стала опять размышлять:

– Бездорожье то не только в душе, а оно без края, словно черт дорого разворотил, и в рай на этот авто не доберешься. А в детстве он мечтал прокатиться на импортном автомобиле и... поднажав, собирается разогнать тачку и совершить лихой карамболь. Ударить, как молния, в ближайшую рощу. И кто же будет виноват в этом абсурдном поступке? И ничегошеньки то не сбылось то, о чем он когда-то мечтал в детстве. А мечтал Лисняк о былинной Руси и о красоте наших людей и любви к своей Родине.

Следующее стихотворение, которое прочитала Таня, называлось «Град». В нем она увидела, что как бы человек не пытался

управлять природой, но удается только покорно принимать все катаклизмы природы.

– Хотя – подумала Таня, – Эльдар Рязанов написал очень хорошее стихотворение: «У природы нет плохой погоды. Всякая погода – благодать! В дождь ли, в снег, любое время года – надо благодарно принимать».

Но когда Александр Лисняк писал стихотворение «Град» он огорчился, что этот град уничтожил все посевы и сады на его малой родине. И она снова прочитала этот стих от строчки до строчки:

Все кончено разом – трудиться не надо
До новой весны в этом селе.
Последняя кара – пришествие града
И зябко на сердце и лед на земле.
Сады и посевы и сами теплицы
В лохмотья, на щепки, под корень и в прах..
Тупое отчаянье бродит на лицах
В глазах отразились и злоба, и страх.
Бессмысленно стало работой согреться
Мучительно корчить в душе молодца.
И жаль этот мир мне до ступора в сердце
И жалко до слез и до смерти Творца.

– Да, – подумала Таня – в любом стихе Лисняка есть сущая правда. Но и в одно время он соперничает не только своим односельчанам. Ему жалко до смерти и слез самого Творца.

Татьяна, перелистав несколько страниц, увидела стихотворение с названием «По делам нашим» с эпиграфом Николая Гумилева:

Тягостен, тягостен этот позор –
Жить, потерявши царя!

И Таня тут же прочла этот стих:

Государь, боярин, князь и прочие...
Чуть не каждый из кагоры той
За народ, за веру, да за вотчину –
Страстно терпец, мученик святой!
Посмотри, халдей, с времен безбожья
На своих вождей и ужаснись –
На иконы вовсе не похожие
Над тобой до неба вознеслись.

Государство – ниже всякой критики.
Жизнь, хоть синим пламенем гори.
Вот когда б исчезли все политики,
Да пришли на смену им цари!
Только чую жабрами и фибрами,
Хоть кричит во мне душа и плоть!
Мы достойны всех, кого мы выбрали,
Коль убили тех, что дал Господь.

И Татьяна стала размышлять:

– Лисняк уже в названии указал мне тему «По делам нашим...»
А слова Гумилева еще глубже коснулись трагедии. Ведь Николай Второй сам отрекся от престола. Но всю его семью, а там были почти только дочери, расстреляли в подвале, а потом сбросили тела в лесу в ямы. Вот поэтому и говорит поэт, что убийцы были не похожи на лики икон. И многие люди мечтали, чтобы правил ими царь-государь. Но... Поэт прав, сказав: «Мы достойны всех, кого мы выбрали, коль убили тех, что дал Господь».

Татьяна, перелистнув страницу, увидела новое заглавие стихотворения «Гражданская война». Она тут же стала читать строчки этого стихотворения и поняла, что это не та гражданская война, когда рабочие и крестьяне стали красноармейцами и воевали с белыми офицерами-золотопогонниками.

Таня поняла, что это гражданская война проходила в Афганистане. Она даже вспомнила песню тех времен:

Дождь идет в горах Афгана
Это странно, очень странно.
Не бывает здесь дождей почти совсем.
А на броне танцуют рьяно
Два безусых капитана
И шипит от мелких капель
Раскалённый АКМ!

Таня потом узнала, что АКМ – это автомат Калашникова, модернизированный. Калашников изобрел это опасное для врагов оружие, самое надежное и неприхотливое во всем мире.

Это ей хоть и хотелось узнать, но ее смутило название в этом стихе «Груз-200». А это был термин для «афганцев» - гроб с погибшим нашим воином, который воевал там в этой гражданской войне.

Таня стала внимательно читать этот стих:

Груз-200 ждет от гроба и до гроба.
Не успеваем обрасти детьми.
Когда ж свою бездонную утробу
Набьешь, земля, ты нашими костями?

Когда бы хан, король иль римский папа
А то ведь нет, от своего гумна
Сгребает души кровавая лапа
По имени Гражданская война.

Она вплотную подступает к дому,
Она в словах, в поступках и душе
Война идет от близкого к родному
В застолье, на работе, на меже

И граждане беснуются в бессилье
Груз-200 ждет... Будь проклята она
Неужто же пока стоит Россия
Не кончится Гражданская война?

Тут Татьяна, глубоко вздохнув, подумала:

– Россия выстоит, да и в войне не звереет, а справит панихиду по погибшим в Афгане. Если там добровольцы погибали, то их самолетом и возвращали к родственникам, которые читали и перечитывали письма, которые сын им писал.

А потом, после этих воспоминаний, Таня вспомнила, как в одном стихотворении было написано про эти письма:

В стопке пожелтевших старых писем
Мне однажды вспомнилось одно...
Почерком, похожим так на бисер,
Многое напомнило оно.

И, как будто позабыв разлады,
Ты мне улыбаешься опять...
Вот что значит никогда не надо
Письма эти старые читать.

– Да, именно боль в сердце невыносима – вздохнула Таня. А потом, полистав сборник стихов Лисняка «Весть», оттаяла душой. Стихи у Александра есть очень веселые и лирические. Одно из них

называлось «Рыжие стихи».

– Наверное эти «Рыжие стихи» про осень – подумала Татьяна, а потом, когда она прочитала их, сразу же повеселела:

Весь от одуванчиков
Конопатый луг
Солнечные зайчики
Прыгаю вокруг.

В синь на солнце хмурятся
Окна деревень
Я иду по улице
В конопатый день.

Там на синих спицах
Солнце катит в рай –
У девчат на лицах –
Урожай снимай!

Весело полощет
Ветер лопухи.
И звенят по рощам
Рыжие стихи.

Татьяна с огромной радостью стала перечитывать «Рыжие стихи» и нашла много изюминок в них:

– Одуванчики у Лисняка – солнечные зайчики, прыгают от радости. Одуванчики же растут под окнами домов деревень и жмурятся от яркого солнца. А день то этот конопатый! И она сразу же вспомнила другие стихи: «Рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой. А я дедушку не бил, а я дедушку любил...»

Потом она еще раз перечитала два стиха и опять развеселилась:

– Надо же на солнечных лучах-спицах солнышко катится в майский день, а урожай конопущек у девчат на лицах считай не пересчитаешь. Но интересно, что рыжие стихи полощут ветер в лопухах. Пусть они в тени их остынут...

Следующее стихотворение Лисняка Таня прочитала с названием «Яблочный дождь». Они сразу же заинтриговали Татьяну, когда она их прочитала:

Падают яблоки, падают яблоки.
Ты что-нибудь говори.

Видишь плывут облака, как кораблики
В алые воды зари.
Локоть о локоть, любимая, рядышком
Слушай созревшую рожь.
Лето проходишь,
Ты чувствуешь, ладушка,
Сыплется яблочный дождь.
В будущем яблочном хрусте мы будем ли,
Мы ж потеряли покой –
Распоряжаются нашими судьбами
Эти дожди испокон.
Но и они уплывут, как кораблики,
В алые воды зари...
Падают яблоки, падают яблоки,
Ты говори...говори...

Когда Татьяна прочитала это стихотворение, то сразу же подумала про совсем другое стихотворение. Но оно так хорошо было созвучно со словом ладушка, которое применил поэт в этом красивом стихотворении. Она тут же вспомнила вот что:

Под железный звон кольчуги
Под железный звон кольчуги
На коня верхом садясь,
В этот горький час разлуки
В этот горький час разлуки
Говорил любимой князь:
«Хмуриться не надо Лада,
Хмуриться не надо Лада
Для меня твой смех награда
Лада!
Даже если станешь бабушкой,
Все равно ты будешь ладушкой,
Лада!

Но Таня читала и перечитывала это стихотворение поэта и восторгалась:

– Как хорошо поэт показал красоту нашей природы: «Облака плывут, как кораблики, в алые воды зари. А как, сидя во ржи, слушают они, два влюбленных человека, слушают эти колосья, а в

ушах мужчины звучат созревшие колосья. Ну как же не перейти на лирический лад и не сказать нежное слово: «Ла! Ладушка!» А как ведут разговор, падающие на землю яблоки? Да под монотонный стук их и просьба к Ладушке: «Ты говори...говори...»

В завершении Татьяна даже прочитала Устав писателей секции «профи»:

1. Ни при каких обстоятельствах не издавать книгу стихов или произведения пока не будет одобрено авторитетными изданиями.

2. Ни в коем случае не пытаться стать членом Союза писателей, не издав двух книг.

3. Перед изданием книги обсуждать обязательно рукописи на заседании секции и строго посещать очередные заседания.

4. Всякие решения на секции принимаются путем открытого голосования и являются обязательными для членов секции.

5. По возможности секция должна принимать участие в книгоиздании, изыскивать материальные возможности для выпуска книг.

Учредители секции: Лисняк Александр Алексеевич, член Союза писателей РФ, руководитель секции; Лисняк Алексей Александрович, член Союза писателей РФ, протоирей; Игнатъева Елена Константиновна (Алёна Пояркова), член Союза писателей РФ, секретарь секции.

Но вскоре начались «лихие девяностые». И Татьяна прочитала в подаренной ей книге «Весть» уже поэму «Сиреневый туман». Таня тут же вспомнила одно лирическое стихотворение:

Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит полночная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкою я прощаюсь навсегда!

А, прочитав эту поэму «Сиреневый туман», Татьяна тут же прочла эпиграф к ней Байрона «Дон Жуан»:

– Для женщины любовь и жизнь – одно.

– Да, – подумала она, – нам женщинам приходится рожать и воспитывать детей.

Но когда она прочитала этот «Сиреневый туман», то в моих глазах сразу же просветлело. И вот она стала выборочно читать:

Кончались «девяностые лихие»
Страну ввергали в рыночный конфуз
Искать себя в убежище в стихи я
Отправился на наученю муз.

Наряд искал по призрачным просторам,
Не ведая, что делать без вина...
Власть отошла к мошенникам и ворам,
Но, впрочем, в том не их вина.

Пусть ты не вор, но если ты не пешка
И жмет слегка бумажник твой карман,
То ждет тебя в Воронеже кафешка
Под вывеской «Сиреневый туман».

Там разливают сто названий водки
Под соки, под фисташки, под икру
И жаждут угощения молодки,
Готовы не на жизнь, а на игру.

Чтобы себя почувствовать пророком
Спиртным разогревают там сердца.
Там и поэта встретишь ненароком,
И даже журналюгу-подлеца.

Но поэма безразмерна и Татьяна стала выборочно читать отрывки из поэмы, в которой поэт попал в круговорот неудач. И вот, что она прочла:

В судьбе унылой яркие вкрапления,
Подарок, заповеданный творцом:
И кровных чувств неясное томленье
И зов родства: не матери с отцом!

В Боброве, где я в люди, словно в омут
Был брошен из семейного гнезда
Стал первый поцелуй заменой дома
Всемирной тайной – скромная «Звезда».

Стала гибельной для юности причиной
Была Татьяна – ладный корешок.
Невольно стал в семнадцать я мужчиной
Я женским телом был повергнут в шок.

И жизнеутверждающая сила
В туман страстей из жизни увела.
О, как она себя преподносила!
О, как она меня приподняла!

Не знаю, сколь пред совестью грешила,
Но, обтесав меня со всех сторон,
Она навечно запросто внушила,
Что я Сократ, хоть внешне Аполлон.

Просил я объяснить сии издержки
И Таня просветила без труда:
«Я с детства у мужчинок на подержках,
Балет не терпит юбок и стыда».

Татьяна, прочитав этот отрывок, стала осмыслять его:

– Как Лисняк, не скрывая правды, преподносит читателям свои злоключения: он был выброшен из семейного гнезда сразу же в людской круговорот, но зато испытал сладострастие от женской близости. А в жизни раз бывает и в семнадцать лет. Да и Александр этим восхищается: «О, как она себя преподносила! О, как она меня приподняла!»

Но как моя тетка Татьяна быстренько разочаровала своего Сократа и Аполлона: «Я с детства у мужчинок на подержках... Балет не терпит юбок и стыда».

После этой фразы Таня добавила, как страдал от «измены» пассив:

– Прозренья и взросление мгновенны, и кричал, что в мире все скоты... Как я страдал! Не тронул чудом вены, но душу – вдрызг. И сердце – в лоскуты!

Татьяна бегло пролистала страницы поэмы и вдруг... Она увидела воспоминания поэта, в которых упоминалось о канувшем в небытие Союзе Советских Социалистических Республик и прочитала:

– Вот в СССР, как говорит преданье,
Имеющий литературный дар,
От каждого отдельного издания
Мог получить отдельный гонорар.

Прозаик мог себе позволить «Волгу»
Ну, хоть бы мебелишку на беду...

Тут Таня сделала огромную паузу и с горькой иронией произнесла фразу, записанную Лисняком:

Мой друг Ионкин, чтоб не думать долго,
На гонорар купил.. сковороду!!!

– Да, – подумала Татьяна, – за что боролись мы, на то и напоролись. Но ведь было же такое лихое времечко, если вместо гонорара ему пришлось купить только сковородку...

После этого Татьяна, перелистав книгу Лисняка, отыскала мистико-реалистическую поэму «Черная дыра или пришествие Хама», прочитала с удовольствием вступление:

По полынному настою
По разливу черебца
Шли мы полночью густою –
Не видать вблизи лица.

Хоть легохонько,
Хоть грубо
В темноте спрямляли путь –
Попадали губы в губы
Натыкаясь грудь на грудь.

По любви ли, по завету –
Ничего не пропадет:
Темнота выходит к свету,
Грех, к раскаянью ведет.

Так и шли напропалую,
Отсекая мысли влет,
Отдавая поцелую
Жар крови и сердца мед.

У воды за темным терном
Мы закончили игру.
И узнали в небе черном
Очень черную дыру...

А в нее летят эпохи,
Люди, земли и моря...
Знать дела на свете плохи,
Откровенно говоря.

Но вот так, навек со свистом,
Вылетать в пустой овал!
Видно связан он с нечистым
Этот черный виртуал.

Мы пред странным «монитором»
Разлеглись на берегу
Что открылось нашим взорам-
Расскажу я как смогу...

– А что же тут рассказывать то? – удивилась Таня, прочитав вступление поэта. – Александр так интересно написал вступление к поэме. Но его главная мысль, что в нашей Вселенной астрономы увидели черную дыру и не только. В эту черную дыру летят люди, земли, моря и эпохи.

Но когда Татьяна прочитала главу «Пришествие первое», то она задумалась и прочитала вслух опять эту главу:

Мы язычники от Бога
Мы к иконе – с ворожкой.
И в приметы верим строго:
Чур, с молитвой на разбой.

Девять, три, двенадцать, восемь,
Семь, тринадцать, тридцать три...
Где не сеяли – мы косим
Нимб снаружи – бес внутри.

Ждем пришествий, ждем явлений
В жизни низкой и пустой
Вот опять явился гений
В этнос словно на постой.

Глазки-шильдами сквозь щелки
Лобик словно круг тесьмы.
Словно ягодицы щёлки
Над бородкой духа Тьмы.

Но зато стальные локти!
А апломб как выпирает!
Встали люди: «Ах –ты, ох – ты,
По приметам – Енерал!»

И забыв дорогу к храму,
Сразу быстрые блажить
Стали Блуду, стали Хаму,
Опрометчиво служить.

Он железными локтями
Маньку в гриву, Ваньку в хвост!
Но особыми путями
Шел к желанному прохвост!

Старушенций, что при власти
Крокодилок при деньгах.
Козырной и всякой масти
Прикрывал на риск и страх.

И добился же зараза –
Стал и славен и богат.
В доме даже унитаза:
То хрусталь, а то агат!

Знаний лаврами увитый –
Вождь, ученый и поэт.
Половина алфавита,
Восемь с боку, ваших нет...

Перешел он на предметы,
Даже если не ползут
Над землей чудит утроба,
Скука в сердце как пургу.
Сталеваара, хлебороба
Под себя согнул в дугу.

Депутатов всех до чиста,
(Нету дыма без огня)
Начинал он с коммуниста –
Тот почти ему родня.

Либерала – многократно,
Олигарха – отодрал...
Так оттрахал демократа-
Посмеялся либерал.
Очень даже гениально

Он прошелся по Верхам
И уже волне легально
Главным стал в державе Хам.

– Вот так и на самом деле к власти приходят Хамы – грустно произнесла Татьяна.

Глава: Родители Татьяны Губернаторовой.

Ее отец Петухов Евгений Никитович родился 26 июня в деревне Синяки Марченского сельсовета. Таня очень любила своих близких и далеких родственников, а потому то она начала создавать свою родословную и узнала, что ее дедушка Петухов Никита Тимофеевич тоже родился в деревне Синяки аж в 1894 году.

Когда Никите Петухову исполнилось двадцать лет, грянула Первая Мировая война с кайзеровской Германией. И Татьяна отыскала в семейном альбоме фотографию своего деда. Уже после Первой Мировой войны он вернулся в свои Синяки и сфотографировался у фотографа на память своей родне. На нем обуты добротные хромовые сапоги, в которые он заправил свои армейские брюки. Гимнастерку Никита перепоясал солдатским ремнем, а на плечах его погоны. На голове же фуражка с высокой тульей и с кокардой на околыше. Но главное, что заметила Таня, так это одна лычка на погонах, а в руке держит он выдернутую из ножен саблю. Для рукопашной схватки эта сабля самое лучшее оружие для ближнего боя. Поэтому он гордился и своим ефрейторским званием. Сабля у Никиты правой руке, но опирается он левой рукой на округлый столик, застланный узорчатой скатертью с кистями внизу, на котором стоит букет цветов в хрустальной вазочке.

Никита Тимофеевич – красивый и бравый парень. Его глаза пристально смотрят в фотообъектив, а густые и округлые брови дополняют доброго молодца. Как, впрочем, и небольшие усики на лице этого бравого солдата. Вот тебе и уроженец из деревни Синяки!

Разумеется, Никита Тимофеевич слышал стихи почти что своего ровесника Сергея Есенина, который гордился, что он выходец из крестьянской семьи: «Ах, вы сани, мои сани, стены горькие осин. У меня отец крестьянин, а уж я - крестьянский сын!»

– До войны, – вспоминает Татьяна Женя Петухов закончил пять классов в своих Синяках. Но когда стервятники фашистов захватили стремительно Белоруссию, Евгений вместе со своим отцом Никитой вступили в партизанский отряд. Но отец Евгения, как опытный человек, сумел переправить сына через линию фронта. Когда же Евгений оказался в России, то его отправили в глубокий тыл в Пермь. Никто ему не говорил: «Пермяк пельменные уши», а отправили Женю учиться в фабрично-заводское училище осваивать плотницкую работу. Там был лозунг: «Все для фронта, все для Победы!» И Евгений делал приклады для винтовок и автоматов. Попутно он узнал, что делает приклады к винтовкам Мосина. Но вскоре его направили трудиться на стройки Пермской области. Ведь и там были нужды плотники, чтобы в чистом поле построить под токарными станками крышу над головой токарей, пекарей, которые подставляли к токарным станкам легонькие ящички из досок, чтобы ровесники Жени могли управлять токарным станком. Так и проработал Евгений Никитович Петухов до 1944 года. Этот сорок четвертый год был переломным в Великой Отечественной войне. Белоруссия была освобождена от фашистского нашествия оккупантов. А Евгений уже вернулся домой в августе 1944 года и стал снова учиться в школе-семилетке в Кудринской школе.

Женя стремился получить образование. Ведь махать топором каждый деревенский паренек умеет. Он хотел стать железнодорожником и проучился два года в Лидском железнодорожном училище. Татьяна радовалась, что ее отец Петухов Евгений Никитович, был целеустремленным человеком. И он поднимался по карьерной лестнице все выше и выше. А ведь и в тылу рабочих рук не хватало. На паровозе Женя увидел, что там работаю тоже женщины.

Евгений Петухов в 1950 году поступил на работу заведующим клубом в деревне Марченки, а потом стал заведующим библиотекой на Светлогорской ГЭС.

Но тут подошел очередной призыв в Советскую Армию и он три года прослужил верой и правдой в военном гарнизоне в Комаровской области в военном городке Киберза.

Достойно он отслужил в армии и демобилизовался. Вернувшись в родной край, отец Татьяны стал столяром в городском поселке Езерище. Работа у него спорилась, ведь золотые руки освоили многие интересные профессии. Но Женя старался приобрести и

интеллектуальную работу. Он пришел в редакцию Езерищенской газеты и стал журналистом в ней.

Таня расспрашивала своего отца потом, как это у него все получалось, чтобы от «скуки» он работал на все свои руки. А Евгений отвечал дочери репликой поэта Владимира Маяковского: «Все работы хороши, выбирай себе на вкус!» Журналистика помогла отцу Тани расширить свой кругозор.

Смыленного паренька заметил райком партии, и он начал шагать по карьерной лестнице и стал директором молокозавода, а затем и инструктором Езерищенского райкома партии. Евгений тогда и понял партийный лозунг: «Партия – наш рулевой!»

Евгений Никитович Петухов стал инструктором рабоче-крестьянской коммунистической партии большевиков и проработал там шесть лет. И не где-нибудь, а в городе Городок, который был основан в 177 году и в котором останавливалась на отдых императрица Екатерина Вторая.

Как никак, а достопримечательность всегда остается в любой истории. И Евгению Петухову предложили в обкоме партии стать заместителем директора птицефабрики в городе Городке. Не зря же гласит пословица: «Где родился – там и пригодился».

На птицефабрике Евгений Никитович Петухов проработал четырнадцать лет. Но укатали сивку-бурку, вечную каурку, крутые горки. Евгений Никитович, дожив до шестидесяти лет, ушел... нет, нет не на тот свет, а на пенсию. Но отпустили Петухова на пенсию по болезни. Восемнадцать лет ему пришлось путешествовать по больницам. И стал он у врачей «своим» парнем, а вернее пациентом.

Когда его спрашивали как же он при такой болезни управляется с работой по дому, то Евгений отвечал: «Старый конь борозду не портит!»

А потом, помолчав немного, добавлял всегда одну и ту же фразу: «Но и борозду не портит...» А Татьяна на эту шутку всегда говорила отцу:

– Папа, да у тебя еще есть порох в пороховницах. Да и пословица гласит: «Пока тощий сохнет, то полный и сдохнет». Но я же тебе, папочка, желаю жить не менее ста лет».

Но ее отец прожил все-таки немало – 78 лет, а в январе двадцать пятого в 2007 году он умер.

Но Татьяна всегда гордилась не только своим отцом, а и лю-

бимой матерю Константиновой Лидией Михайловной.

Лидии Константиновне не пришлось перенести тяготы Великой Отечественной войны. Хотя Лида и родилась в 1925 году в Ярославской области в деревне Ткачи далеко за линией фронта. Но отголоски этой страшной беды для советского народа слышались и в Ярославле в средне школе, где Лидия Константиновна проучилась десять лет с 1933 по 1943 года.

Лида приехала в Витебск, когда фашистов уже выбили из него и приняла решение поступить там в медицинский институт. Вот там то Лида и познакомилась со своим будущим мужем с Петуховым Евгением Никитовичем. А потом и пошло, и поехало: куда иголочка. Туда же тянется и ниточкам. Когда Лида закончила мединститут она стала работать заведующей на врачебно-амбулаторном участке в деревне Марченки. А там как раз и работал Петухов Евгений Никитович.

За пять лет Лидия Михайловна стала главным врачом Холошерской участковой больницы. А с 1956 по 1964 года проработала врачом Езерищенской больницы. Вот где и пересеклись пути-дороги Лиды и Никиты.

Но, как говорил актер Аркадий Райки: «Любовь – любовью, но могут родиться и дети...», и они у Лиды и Никиты появились.

Петухов Анатолий Евгеньевич родился в 1950 году, а их доченька Татьяна Евгеньевна – в 1952 году.

Евгений Никитович любил фотографировать своих любимых родственников. Вот сев под кустом акации сидит Лидия Михайловна и держит на руках маленькую девочку Таню. На голове Танечки белая панамка, но ей сказал фотограф: «Сейчас вылетит птичка». И она пристально смотрит в объектив и все не понимает: «Когда же птичка вылетит то?» А Толик подошел к маме с левой стороны и опирается правой рукой на стул, на котором восседает гордо мама, Лида. На этом фото у Толика обуты сандалии и одет он в короткие черные штанишки, с ляжками на плечах и в белоснежной рубашке с пуговицей около воротничка.

А вот уже брат и сестричка сидят на стуле, где еще минуту назад сидела мама с ними на руках. Но мама уже успела снять со своих детей обувь, а с головы Тани – панамку.

Через пару лет Таня сама забралась на стул и держится левой ручкой за его спинку. Мама одела на нее красивое платье, а на ее

темных густых волосах красуется пышный белый бант.

Под кустом дети Лиды и Никиты держатся за детский двухколесный, маленький велосипед. Толя крепко его удерживает за сиденье и руль. Мол, это мой велосипедик-то... А Тане остается только ухватиться ручками за руль велосипеда и держать в своих руках огромный и пышный букет.

А когда наступил Новый год, как же не сфотографировать Таню и Анатолия под елочкой? Ведь они уже спели песенку: «Зайчишка-зайка серенький под елочкой скакал. Мороз под ним подшучивал – смотри не замерзай!»

Но около елки, которую установили родители в доме, дети стоят: «Таня в валенках с резиновыми галошами, а Толя в маске серого волка. Даже с фотографии слышится рычание серого волка: «Ры-ры-ры!»

Но Таня вцепилась в руку своего брата и уверена, что Толик не даст ее в обиду.

Но в Езерище их снял фотограф почти со взрослой уже Татьяной и с ее родителями. Таня стоит посередине с отцом и мамой, а они сидят на скамейке. Любой зевака может удивиться их пронзительному, внимательному взгляду. Тут уж все понимают, что птичка-то из объектива не вылетит, а подчиняются голосу фотографа:

– Внимание, не моргать!

И они выполняют добросовестно эту команду. Но какой же у них внимательный и пронзительный взгляд. А как они принарядились! На широкоплечем Петуховом Никите одет пиджак костюма, кепка на голове с тщательно зачесанными волосами, а на белоснежной рубашке красуется модный, хорошо завязанный галстуку. Хоть сейчас встанет он и пойдет чеканить маршевым шагом по комнате.

А у Лиды на бархатном модном платье сверкает кружевной воротничок. Зато Таня тоже принарядилась и выглядит так же красиво, как и ее родители. Ведь не зря же она сфотографировалась стоя и возвышается над своими родителями. Ниже модной кофточки фотограф запечатлел и модную в белый горошек юбочку.

Хотя картина и не выписана на холсте маслом, а лишь фотография, но мастерство его на лице. А может быть и на лицах этих выразительных людей.

А в Ленинграде Татьяну запечатлели, когда она занималась йогой: тюрбан на голове и движение рук, где ладони указывают

их гибкость завершены круглым пятном на лбу. Что так хочется сказать: «А сама-то величава, выступает будто пава. Месяц под косой блеснит, а во лбу звезда горит!»

А Татьяна, работая в Райпотребсоюзе, сфотографировалась на фоне лозунга: «наша цель – коммунизм!» Но, к сожалению, жить в нашу пору эту прекрасную уж не пришлось нам – ни мне, ни тебе... Но ведь мы же верили, хотя и с трудом. И сейчас этот факт на лицо...

Но в день Победы родители Татьяны сфотографировались в городе Городке, но уже с дочерью Татьяны, которая решали прогуляться со своими бабушкой и дедушкой. Ведь уже после этой проклятой войны прошло сорок лет А я в этот день был далеко-далеко от Городка. Но написал коротенькое, но емкое стихотворение:

Мелькают дни, проходят месяца
И медленно слагаются года.
Но также бьются яростно сердца
У сердца Данко – вечного огня.
Он будет вечно в памяти людской
Солдат тот старый или молодой.
Хоть неизвестный, но уже герой,
Что нашу землю заслонил собой.

Но вспоминали и другое стихотворение Евгений Петухов и Лидия Михайловна. Вот оно:

Меня позвал, сказал устало:
«Укрой-ка ноги мне сынок!»
И я поправил одеяло
Хоть знал, что нет обеих ног.

Нет ног с войны... а для солдата
Нет слов: юг, север и восток...
Они вели его на запад
Он не искал других дорог!

Вдруг взрыв расцвел кровавым маком.
А ему часто снится сон,
Что снова он идет в атаку
И поднимает батальон.

Вот он в бреду мне шепчет снова:

«Укрой-ка ноги мне сынок...»
Он в новый бой идти готовый,
Забыв, что нет обеих ног!

Но не забывала Татьяна достопримечательности в столице Беларуси – Минске. И она сфотографировалась около или напротив в Минске Дома милосердия. А потом и в поместье Деда Мороза. На его крыльце – резные столбы и снежинки на фасаде. Взяла Таня под ручку и вырезанную из дерева фигурку мужчины в шляпе с пером, бородатого и с лентой через плечо, на котором была надпись «кастрычник». Таня смотрит тогда в объектив фотоаппарата, а Кастрычник, скривив в ухмылке свой щербатый, зубатый рот, поглядывает, скосив глаза, на Татьяну. Мол, где наша не пропадала.

Побывала Таня и на Славянском базаре на фоне Храма. И даже сфотографировалась вместе со священником в Городке отцом Владимиром.

А потом около памятника Алексею Второму в Витебске и с князем Александром Невским, со своей женой Александрой и на руках с малолетним сыном Василем.

Участвовала Таня в Городке на Православной ярмарке и со своим внуком в музее в Витебске. Но когда закончился очень трудный для Беларуси 2020 год и начался по всей стране свирепствовать короновиром ей пришлось носить на лице марлевою повязку чтобы самой не заразиться этим вирусом.

А в начале 2021 года Татьяна 8 января пошла помолиться в церковь Городка. Но прежде чем зайти туда, произнесла молитву для принятия просфоры и святой воды:

– Господи Боже мой, да будет дар твой святыи и святая Твоя вода в просвящении ума моего, в укреплении душевных сил моих, во здравии души и тела моего, в покорении страстей и немощей моих по беспредельному милосердию Твоему молитвами Пречитыя Твоей матери и всех святых Твоих. Аминь.

И вот 19 января наша церковь вспоминает Крещение Спасителя в водах Иорданских и явлении Святой Троицы. А поэтому праздник называется еще Богоявление. Поэтому, когда и я решил помолиться в церкви Городка в этот день, то увидел, что Таня уже молится. Сначала я увидел, кроме меня, трех человек и услышал, что над нашими головами поет хор молитвы, славящий Бога. Стал креститься вместе с прихожанами и я. Сначала Татьяна не заметила меня, а

потом, увидев, что и я пришел в церковь и молюсь, улыбнулась.

Два священника по очереди проповедовали прихожанам. А прихожане заходили и заходили, и вскоре в церкви было негде яблоку упасть.

Ведь как и в праздник рождества Христова в этот день Бог открыл человеку откровение о самом Себе. Бог Отец глаголет с небес, а сын крестился в священной реке Иордане от имени святого Предтечи Господня Иоанна. Вот тут то Дух святой и сошел на сына в виде голубя.

В библии от Матфея было сказано: «Бог свет явился просветить сидящих во тьме и тени смертной, чтобы спасти по благодати падший человеческий род.»

Вспоминая это великое событие святая церковь в вечерне праздника 18 января и в самый праздник 19 января, совершает как раз в самый Великое освящение воды, а вода становится великой святыней, так как освящается духом Божиим через молитву церкви.

Наше духовное рождение начинается с троекратного погружения нас в святую воду при совершении Таинства Крещения, омывая наши грехи, обновляя и возрождая в нас жизнь во Христе.

В каждом христианском доме великую агиасму хранят как великую святыню, которой с молитвой укрепляют свои дома, испивают и намазывают себя в болезни. Святой водой освящаются храмы и церковная утварь. Им благословляют все, чем пользуется человек в жизни. Церковь употребляет ее при освящении разных веществ, чем-либо оскверненных. После этой фразы оба священника стали обмакивать в принесенную чашу воды Татьяны и окроплять все предметы в церкви, а также и самих прихожан.

При этом после этого крещения Отец Владимир рассказывал прихожанам интересные истории:

– Священная вода, – сказал он – писал святитель Дмитрий Херсонский, имеет силы к освящению душ и телес всех, пользующихся ею. Она приемлемая с верой и молитвой, врачует наши и телесные болезни. Так, например, преподобный Амврасий Оптинский смертельному больному человеку послал бутылку со святой водой. К изумлению его врачей неизлечимая болезнь вдруг отошла.

Другой старец Иеросхимонех Серафим Вырицкий всегда советовал окроплять продукты и саму уже готовую пищу иорданской (крещенской) водой. По словам старца: «Она сама все освящает».

Когда кто-нибудь из стариков, да и не только, сильно заболели, то старец Серафим благословлял принимать по столовой ложке освящённой воды. И через час, удивительно, но факт, что его «пациенты» говорили, что сильнее лекарства, чем святая вода и освященное масло – нет!

А еще святитель Иоанн Златоуст в четвертом веке говорил, что святая Богоявленская вода в продолжении многих лет остается нетленной и бывает свежа, чиста и приятна. Она как будто бы сию минуту была почерпнута из живого источника. Вот оно чудо Благодати Божией. И это видит и сейчас каждый прихожанин.

По верованию церкви, агиасма – не просто вода духовной значимости, а новое бытие, духовно-телесное бытие, взаимосвязь неба и земли, благодати и вещества. Притом весьма тесное. Поэтому то по церковным канонам великая агиасма рассматривается как своего рода низшая степень Святого Причастия: когда по грехам члену церкви запрещается к Причащению. Тогда: «Гочию агиасму пьет». И вывод: крещенская вода – это святыня, она должна быть в каждом доме православного христианина.

Да и святой апостол и евангелист Иоанн Богослов приветствует в святом Евангелии слова Спасителя нашего Иисуса Христа женщине самарянке: «Кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать во век: но вода, которую Я дам ему, сделается источником воды, текущей в жизнь вечную».

Поэтому по сложившейся традиции святую крещенскую воду употребляют натошак вместе с просфорой после утреннего молитвенного правила с благословением: «Когда человек употребляет просфору и святую воду, - говорит затворник Георгий Заденский, - тогда не приближается к нему нечистый дух, душа и тело освящаются, мысли озаряются на угождение Богу, и человек бывает склонен к посту, молитве и ко всякой добродетели».

После этой проповеди на душе у меня стало легко и привольно. Зато Татьяна осталась в храме, чтобы навести там порядок до следующего моления. Ведь очистилась не только душа у прихожан, но и само помещение храма было чистым и блестящим.

Но о ее родителях Татьяна знала многое, а вот о дедушках и бабушках она стала собирать по крупицам материл о их биографии. И оказалось, что Таня отыскала вот что: Петухов Никита Тимофеевич родился не в двадцатом веке, а в девятнадцатом – в 1894

году в деревне Синяки Марченского сельсовета. Когда Никите Петуову исполнилось двадцать лет началась Первая Мировая война России с кайзеровской Германией. И воевал Никита Тимофеевич в русской армии с 1914 по 1916 годы. Затем грянула Октябрьская революция. И уже Владимир Ильич Ленина (Ульянов) с Львом Грецким заключили с Германией Брестский мир.

Но Великая Октябрьская революция всколыхнула многие страны. И в Азии, и в Европе, и в Америке появилась коалиция – Антантанта.

Но к счастью, прочитала Татьяна, Петухов Никита Тимофеевич до Великой Отечественной войны стал работать в Белоруссии директором Мариампольской школы. В его семье родились три сына, и их назвали родители Виталием, Александром и Евгением.

Но рок судьбы навис над Никитой Тимофеевичем и его женой и бабушкой Татьяны. Сначала они ушли в партизаны. А когда фашистов погнали взашей к Берлину, и Великая Отечественная война закончилась Победой, то дети Петуховых стали умирать. Виталий умер через два года после войны, Александр умер в 1954 году, но он успел поработать учителем, а потом и директором Верховской школы. Но воевать Александр смог только до 1944 года, потому что у него от взрыва снаряда произошла контузия.

Татьяна была рада, что у Александра и его жены Евдокии Васильевны родилось трое ребятшек: Эдуард, Елена и Вячеслав. Татьяна же узнала, что у ее бабушки Петуховой Евдокии Васильевны (в девичестве Финиалова) брата звали Фениалов Яков Васильевич, а сестру Фениалова (Мурашко после замужества) Анастасия Васильевна.

Оказалось, поняла Таня, что родители по женской линии были и до революции зажиточными людьми. Фениалов Василий Тарасович родился в 1872 году, Пелогая Тимофеевна в 1878 году и жили они проживали в деревне Ключино Горкинской волости. Вот они-то и были зажиточными крестьянами и имели двадцать гектаров земли, где сеяли и косили рожь, но и занимались скотом. Буренки давали земледельцам молочные реки и кисельные берега.

Были у Татьяны родственники и по материнской линии. У Константиновой Лидии Михайловны был отец, а для Тани дедушка. Так вот он тоже служив в царской армии. Он родился в деревне Прозорево Ярославской области, тогда говорили еще волости. Он

тоже служив в царской армии, а потом, после войны, работал в ресторане в городе Петрограде. И гости радовались. Когда Миша Константинов заявлял им: «Кушать подано, садитесь за стол пожалуйста!» Но его гости были частенько привередливыми – и это не так подано, а вот и борщ уже поостыл...

И Михаил Константинович Константинов, не зря же две «Константы» появились в его имени и фамилии, отправился в свою Ярославскую область и в тридцатых годах он стал работать бухгалтером в сельскохозяйственном техникуме в деревне Бурлаки Ярославской области.

Оказалось, что бурлаки не только на Волге баржи тянули, а и в Ярославской области. Михаил Константинович Константинов продолжал работать на военных складах. Даже когда закончилась война 1941-1945 года нужно было держать ему у себя на складах порох сухим. К тому же могли взорвать боеприпасы люди, про которых говорят: «Оторви, да брось!»

Татьяна гордилась своей родословной и постаралась разыскать биографию бабушки Константиновой (Желтовой) Федоры Ефимовны. Она тоже была из деревни Прозорево Ярославской губернии и родилась там в 1891 году. Но город всегда притягивал молодежь, а поэтому Федора Ефимовна стала работать служанкой. Но служанкой она была замечательной. От нее, как в Федоринем горе в стихотворении Корнея Чуковского, не сбежала грязная посуда и не колесила по полям и лесам. Пока Федора не занялась чистотой: «Ой, вы бедные сиротки мои, утюги и сковородки мои. Приходите вы скорей ко мне опять, и снова будете от радости сиять!»

В 1930 году Федора Ефимовна стала работать техничкой, то есть уборщицей в училище. Инструменты у нее были тоже наготове: ведро, швабра, тряпка. А в итоге шик, блеск, красота и чистота! Как говорил поэт Владимир Маяковский, везде нужна чистота и красота, но они приходят, когда много-много поработаешь. И вот, что сказал поэт, что труд нужен в любом деле:

– Писать стихи – работа адова! Не каждому под силу такие труды. Чтобы получить миллиграмм радия нужно перелопатить тысячи тонн словесной руды!

А через два года в 1932 году по 1933 год она проживала с мужем в Колмыкской АССР. Но Ярославская область притягивала Федору Ефимовну, как магнит. Она вернулась в Ярославский район в дерев-

ню Каробиха и проработала там на спиртзаводе целых семнадцать лет. А ведь как говорится: «В жизни раз бывает и семнадцать лет». Но это, разумеется, шутка. Но Таня любила скрупулёзно подходить к фактам.

Татьяна гордилась, что Федору Ефимовну наградили за ее работу медалью «За доблестный труд». Но главная гордость, отметила Таня, у Федоры Ефимовны была в том, что у нее родились две дочери: Нина Михайловна и Лидия Михайловна. Одна родилась в 1921 году, а другая – в 1925 году. Затем их семья переехала в 1950 году и до 1980 года проживала в Городокском районе и воспитывала своих внуков.

Как раз дочь Федоры Михайловны Лидия Михайловна Константинова и родилась в селе Рождественское Прозоровской области Мологодского уезда Ярославской области. В 1943 году она окончила среднюю школу, а уже в 1949 году и Витебский мединститут. Лида изо всех сил старалась получить высшее образование и добилась своего. Проработала семь лет в участковых больницах – Селорухинской и Холомерской. В общей сложности она проработала сорок один год. Ее наградили значком «Отличнику здравоохранения». Затем Почетной грамотой Министерства здравоохранения БССР, а затем отдела здравоохранения Витебского облисполкома, обкома профсоюза медработников, Езерищенского райкома партии Беларуси, исполкома Езерищенского райкома депутатов и так далее и тому подобное.

Но главный аргумент, как поняла Татьяна, что Лидия Михайловна познакомилась со своим мужем Петуховым Евгением Никитовичем на своем рабочем месте, а не в поисках своего жениха.

Когда Евгений Петухов повредил свою руку на работе, то его направили за медицинской помощью в больницу деревни Марченки, а там как раз и работала врачом Лидия Михайловна. И, как говорится, она его за муки полюбила, а он за сострадание к ним, мукам то.

Зато отец Евгения, Петухов Никита Тимофеевич, который родился в 1894 году в деревне Синяки Городокского уезда был директором школы в Мариополе. Его призвали 25 августа в 1941 году и служил добросовестно рядовым 95 гвардейского стрелкового полка 31-й Гвардейской стрелковой дивизии. Шальная пуля настигла его в Восточной Пруссии. Война еще не закончилась, а он погиб 26 января 1945 года чуть-чуть не встретив нашу Победу.

Похоронили Петухова Никиту Тимофеевича с воинским почестями в Кёнигсбергском округе в деревне Галлау. В этой деревне было похоронено большое количество и рядовых солдат, и бесстрашных офицеров.

Жена же его, Петухова Евдокия Васильевна, пока закончилась эта кровавая война под Берлином, жила и работала в деревне Ключе-горская Меховского района. Но когда пришла похоронка к Евдокии Васильевне, то она поехала в Кёнигсбергский округ и отыскивала в деревушке Галлау могилу мужа под номером 38, нижний ряд, четвертый с южной стороны.

А Татьяна слушала это Великой Отечественной войны по стихотворениям:

Мелькают дни, проходят месяца
И медленно слагаются года
Но также бьются яростно сердца
У сердца Данко – Вечного огня!

Он будет вечно в памяти людской,
Солдат тот старый иль молодой
Хоть неизвестный, но уже герой,
Что нашу Землю заслони собой!

Но ведь были и уцелевшие и покалеченные солдаты, которые даже через несколько лет после войны, во сне шли в атаку. И такое стихотворение припомнила Татьяна:

Меня позвал, сказал устало:
«Укрой ка ноги мне сынок..»
И я поправил одеялом,
Хоть знал, что нет обеих ног!

Ног нет с войны, но для солдата,
Нет слов юг, север и восток
Они вели его на запад,
Он не искал других дорог!

Вдуг взрыв расцвел кровавым маком,
А ему часто снится сон,
Что снова он идет в атаку
И поднимает батальон.

Вот он в бреду мне шепчет снова:
«Укрой ка ноги мне сынок...»
Он в новый бой идти готовый,
Забыв, что нет обеих ног.

ЭПИЛОГ

К Нине Сергеевне очень часто заглядывали в нашу квартиру подружки Татьяна Губернаторова и Ольга Коврига. Они очень уважали мою Ниночку.

Так как все мы, в том числе и я, ходили помолиться в церковь, где проповедовал отец Владимир. А Таня не только пела на клиресе, но занималась выполнением некоторых поручений батюшки при подготовке церковной службы. А прихожане, в свою очередь, расспрашивали Татьяну о церковных канонах. То есть происходил диалог прихожан с церковной диаспорой. А моя Ниночка уже давно верила в Бога. А как-то раз она спросила меня:

– А ты, Володя, веришь в Бога?

И я ответил:

– Сейчас да. Но зато моя мама, Вера Михайловна, искренне верила в Бога, хотя мой отец, Виктор Александрович, был на фронте в Великую Отечественную войну и воевал хорошо с огоньком. А поэтому политрук роты, где служил отец предложил Виктору Александровичу, моему отцу, вступить в ряды компартии Советского Союза.

Ведь мой папа получил в боях за Родину 14 наград. В том числе за победу над Германией и над Японией. Воевать с японцами его отправили после победы 9 мая. Через всю Германию, Россию до капитуляции Японии после бомбардировки самолетами США, наших «союзничков», которые сбросили на Японские города Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы.

Вот поэтому я и родился 4 февраля 1947 года, а не в конце 1945 года.

Зато в детстве мне мальчишки повзрослее меня спрашивали:

– Вовка, ты за кого: за луну или за солнце?

Я, не чувствуя подвоха, отвечал горделиво:

– Конечно же за солнце!

А в ответ мой приятель хохотал и говорил мне:

– Эх, ты, размазня, а мы то по-другому считаем, что нужно говорить: «За луну, за советскую страну». А вот мы вот такие удалцы-молодцы говорим, чтобы сказать тебе, что ты выбрал неправильный ответ. Поэтому тебе было бы нужно выбрать дру-

гой вариант нашего вопроса: «Мы не хотим прославлять врага и отвечаем правильно, а не как ты: «Не за солнца, а значит не за пузатого японца».

Я понурил голову, молчал, а хулиганистые мальчишки постарше давали мне по лбу несколько щелбанов. Да таких крепких и болючих, что на лбу появились бугорки от этих щелбанов.

Но зато эти хулиганы привили одну истину:

– Доверяй, но проверяй.

А пока благодаря своим наградам и, получив диплом учителя русского языка и литературу, я стал директором в семилетней школе в селе Семеновщина Валдайского района Новгородской области.

Когда я учился в пятом классе, до начала уроков в школе уходил рано из нашего дома. И, однажды, когда родился самый последний ребенок Николай, мне мама приказала:

– Володенька, я тебя сегодня не отпущу, а пойдем с тобой в церковь и окрестим моего уже десятого ребенка, которого твой отец назвал Коленькой.

– Мамочка, – ответил я, – зачем не тащиться в церковь Валдая? Я с удовольствием пою: «Вот мчится тройка почтовая вдаль по дороге столбовой. А колокольчик, дар Валдая, звенит уныло под дугой». Так возьми с собой Колю и попроси любого мужчину стать крестным отцом моего брата.

– Эх, Володенька, твой старший брат Александр, так твой папа назвал его именем своего отца, во время войны при эвакуации в Ташкенте, когда наш эшелон разбомбили фашисты, был засыпан землей и я отыскала его по кусочкам одеяла. Саша стал плакать и чихать. И я, когда бомбежка прекратилась, отнесла моего старшего сына к хирургу в прифронтовой полосы. Он, хирург, был видимо, хреновый и у Сашеньки отнялась левая нога. И висела ножка у моего сына, как плеть.

Не надрывай мне, Володя, мою душу грешную. И пойдем крестить Николая. И в церкви я скорее не найду мужчину, который бы мог стать крестным отцом Коле.

– А почему же, мамочка. Может быть и есть же там мужчины. Но мама мне уже сказала более решительно:

– Перестань конючить. В церковь приходят только женщины. Это они уже неоднократно спасали нашу веру. Именно «белые платочки». Видишь у меня на голове повязан белый платок? Так

все – будешь крестить Колю!

Когда Колю окрестили, то я спросил маму:

– Мамочка, а ты меня окрестила?

– Да, Володя, я окрестила всех десятерых моих детей: шестерых мальчиков и четырех девочек. А моя душа всегда болит об их здоровье. Вот посмотри на свои руки: видишь десять пальцев. И я какой бы пальчик ни уколола, а больно то стало всем вам. Терпите и возмужайте, и хорошо относитесь не только к себе, а ко всем нашим людям!

Я прошу прощения, дорогие читатели, за долгий мой рассказ о крещении мамой всех наших ребятишек: Сашу, меня Володю, сестер Людмилу и Татьяну, затем родились братья Вася и Евгений, а за ним и сестренка Галина. После Галинки родился опять мальчик Сергей. Но после него через год родилась снова девочка Валентина. Последним десятым ребенком стал у мамы наш брат Николай. Его мама называла «Золотая звездочка».

Президент нашей страны Леонид Ильич Брежнев и вручил Вере Михайловне Крайневой эту великую для матери награду «Мать Героиня». Наконец-то...

А теперь я снова возвращаюсь к моей любимой Нине Сергеевне.

Проснулся я 4 февраля 2021 года на своей двуспальной кровати очень рано. Еще и пяти часов не было на стрелках циферблата. Ниночка еще ровненько дышала, а, подняв свои глаза, стала обозревать все ее три стены. Слева Георгий-Победоносец пронзает Змея-Горыныча копьём. Прямо на торцевой стенке я увидел икону с ликом Марии, а на ее руках она держит младенца Иисуса Христа. Справа на стене я увидел икону уже распятого Христа. А копьё легионера Лонгина уже пронзило грудную клетку между ребрами на левом боку. Лонгин не смог смотреть на муки Христа и совершил этот поступок.

Я тихонечко спустил со своей двуспальной кровати ноги. А когда встал на пол и поднялся в полный рост, то посмотрел в зеркало шифоньера, где хранила свои наряды Ниночка. И вздрогнул, увидев отражение Георгия Победоносца, убивающего Змия. Чуть не вскрикнул, ведь как могло через стенку шифоньера проникнуть это отражение Георгия? По всем законам физики и математики это отражение Георгия Победоносца там появиться не могло.

Но, посмотрев на безмятежное лицо Ниночки, стал шагать из

спальной комнаты на цыпочках в большой зал, где мы с Ниной по вечерам смотрели телепередачи.

Не зря я крался из спальни на диваны или кресла для просмотра телесериалов или политических телепередач. Она всегда чутко улавливала мои движения и произнесла мне вдогонку фразу, от которой я внезапно вздрогнул:

– Володя, поздравляю тебя с Днем рождения!

Я смущенно пробормотал:

– Спасибо тебе, Ниночка, за такое раннее поздравление. Тебе бы только в разведку ходить. Сейчас же я вернусь в нашу спальню и поцелую за такое поздравление.

Пока я шел обратно в спальную комнату, то произнес радостно:

– Ну, целуй меня, целуй! Хоть до крови, хоть до боли. Не унять теперь мне боле кипятков горячих струй.

Вот таким радостным начался наш день с Ниночкой. А в этот день Ольга и Татьяна куда-то уехали. Ольга поехала в Минск к своим дочерям. Младшая еще училась в университете. А потом и к старшей, которая уже, получив высшее образование, стала помогать и первой дочери, которая уже начала работать по своей специальности.

Таня же уехала помогать своим родственникам, у которых родились девочка и мальчик. Мальчик уже хорошо подрос, а девочка была веселая и резвая не по годам.

А Татьяна водила своих ребятишек в летний парк, в котором каких только не было развлечений: качели, карусели, фонтаны, которые брызгали на ходящих по бордюру пацанов, а иногда и смелых не по годам девочек.

Через парк проходили к берегу речки. Кое-кто, посмелее, купались даже в холоднющей воде. Таня даже запомнила стихотворение про речку. А потом декламировала его и мальчику, и девочке:

Облака, белее снега
Путешествуют по небу.
Небо, чисто голубое
Отражается рекою.

Серебристая река
По камням журчит тихонько
Да в глубоких омутах

Кружит листья беспокойно.

Вдруг вспенилась гладь реки.

И вихрастые мальчишки

Понеслись вперегонки

Поднимая с шумом брызги.

И опять на речке тишь...

Только ветер озорной

Низко гнет сухой камыш

Над притихшею рекой.

– Интересно – сказал мальчик, – даже лучше и не придумаешь.

А девочка даже в ладоши похлопала, хотя вряд ли она поняла лирическое стихотворение. Зато Татьяна подвела их к аттракциону «крутые горки», помогая девочке зайти по лесенке на верхнюю площадку. Девочка слушала, когда Татьяна подаст ей команду:

– Садись на лоток горки и съезжай вниз на «пятой точке». Там тебя твой братик остановит, чтобы случайно ты не ударилась об землю.

Кто-то из зевак, прослушав Танину «инструкцию», тоже решил внести свою лепту в радостный праздник и продекламировал с иронией:

Ух, ты, ах, ты!

Все мы – космонавты.

Многие ребята постарше помнили полет советского космонавта Юрия Гагарина, который облетел на космическом корабле вокруг земли и удачно приземлился на землю. Имя Гагарина звучало в тот день у всех на устах. Многие тогда даже песню пели, не зная кто ее так сочинил:

Разобраны в планшеты космические карты
И штурман помечает последний раз маршрут.

Давайте, ребята, покурим перед стартом.

У нас еще в запасе одиннадцать минут.

Мы знаем, друзья, караваны раке

Помчат нас с тобой от звезды до звезды.

На пыльных тропинках далеких планет

Останутся наши следы...

А я с Ниночкой поджидали, когда же настанет весна, а зима все еще рисует узор на стекле. Но только не Ниночка. Она пару лет назад вынула деревянные рамы из окон и установила прочные, белые, красивые рамы во всех окнах. Гигиенично, эстетично и красиво. А открывающиеся рамы на любом окне могут открывать и по вертикали, и по горизонтали. Ведь у природы нет плохой погода. А куда бы и как ветры не выли – все равно можно сделать поток морозного ветра.

И вдруг, немного спустя Ниночка вечером сказала мне:

– Володенька, что-то мне плохо стало. Мое сердечко так сжимается, так сжимается, что хоть криком кричи! Ты знаешь, я сейчас сползу на пол...

Я, не ожидая такого поворота событий. Остолбенел. Но взяв себя в руки сказал ей:

– Ниночка, ну зачем же тебе на полу то лежать?

Она все же сползала на пол и стащила одеяло со своей кровати и легла на него.

– Дай мне, Володя, пару подушек. Я отдохну...

Я засуетился и стащил со своей кровати теплое одеяло и положил его на пол, чтобы она могла отдохнуть. Положил ей под голову две подушки и накрыл ее своим теплым одеялом.

Но пролежала на полу Нина не долго. Она подняла с подушек голову и сказала мне:

– Володенька, вызывай все-таки «скорую помощь».

Вызвали скорую помощь. Но она не могла спускаться по лестнице со второго этажа, а поэтому крепкие ребята из МЧС вынесли ее на руках на улицу.

Я шел сзади и хотел забраться в машину, но они не пустили меня. Один сказал мне:

– В больничную палату тебя не пустят. А если ты пойдешь назад, то задубеешь и замерзнешь так, что зуб на зуб попадать не будет. Приходите завтра утром.

Не пропустили меня в больничную палату ни завтра, ни послезавтра. А на третий день мне позвонили из больницы и сообщили:

– Нина Сергеевна Сенчуро умерла.

Я хотел расспросить как дозвониться ее сыну Юрию Логинову, но мне звонили по Ниночкиному телефону и со скорбью в голосе соболезновали моему горю.

Весть о смерти Нины Сергеевны мгновенно разлетелась не только по всему Городку, но даже до Америки, где жил ее сын Юрий Иванович Логинов.

На кладбище мне Юра дал крест, чтобы я смог поставить его на могилу Ниночки. Пытался сдерживать слезы, но это была бесполезная попытка. Слезы наворачивались не только мне на глаза, но и у всех.

Но произнес я только одну фразу:

– Любил, буду любить и помнить...

А Татьяна Губернаторова уже сказала мне:

После смерти Нины Сергеевны я поняла, что у ней была не сердечная недостаточность, а недостаток сердечности...

Содержание

Вступление и предисловие	3
Глава: Ее босоное детство	5
Глава: Поездки Татьяны по городам и весям... или лягушка-путешественница.	19
Глава: Как я рада, как я рада, что теперь из Ленинграда.	35
Глава: Жизнь такова какова она есть! И больше никакая... ..	51
Глава: Книги – это окно в мир.	71
Глава: По городам и весям Беларуси.	94
Глава: Как тонкий стебелек землю пронзает, звенит великая поэзии строка.	103
Глава: Родословной Татьяны могут многие позавидовать.	129
Глава: Родители Татьяны Губернаторовой.	154
ЭПИЛОГ	168

Отпечатано в авторской редакции с готового оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 29.11.2021 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая. Заказ №866.
Уч.-изд. л. 11. Печ. л. 11. Тираж 25 экз.

ТИПОГРАФИЯ ООО «ГАЛАНИКА»
г. Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 15.
Тел.: (812) 670-56-88, galanika@list.ru, www.galanika.com